

# **Андрей Феликсович Величко**

## **Век железа и пара**

### ***Терра Инкогнита – 2***

#### **Аннотация**

*Вторая книга цикла "Терра Инкогнита". Австралийская империя растет, крепнет и выходит на международную арену.*

## **Величко Андрей Феликсович**

### **Век железа и пара**

#### **Пролог**

Капитан Френсис Линсей, которого уже около года звали Людвиг Ван Бателаан, спрятал подзорную трубу в чехол и начал быстро спускаться с росшего на небольшом пригорке огромного дерева. С его вершины можно было рассмотреть окрестности в радиусе как минимум десяти миль, чем капитан и занимался последние полчаса.

Как и ожидалось, молодой человек не увидел никаких признаков цивилизации. На востоке и на юге были густые леса, на севере — цепь невысоких холмов, покрытых кустарником, а в трех кабельтовых к югу начинался бескрайний океан.

В той стороне Френсиса интересовала в основном небольшая узкая бухточка в устье маленькой лесной речки. Даже зная, что там сейчас находится его бриг "Доротея", он с немалым трудом смог его обнаружить.

Левый берег речки был высоким и обрывистым, и бриг, пользуясь приливом, удалось подвести под самый заросший кустами склон. Такелаж замаскировали ветками, на корпус была наброшена сеть, так что обнаружить корабль стало не таким уж простым делом. Особенно сверху, в чем сейчас и убедился Френсис. Король советовал ему обратить самое серьезное внимание на маскировку, имея в виду, что у австралийцев есть летающие корабли, которые вполне могут патрулировать эти места.

Но все было в порядке. Бриг заметить трудно, а временный лагерь, разбитый в четырехстах ярдах от него вверх по речке, вообще невозможно.

Капитан кивнул ждавшему его у подножия дерева матросу, тот подал ему одно из двух имеющихся у него ружей, и вскоре они шагали к лагерю. Но с осторожностью и держа оружие наготове, ибо хорошо помнили жуткие ночные вопли какого-то несомненно хищного зверя, полночи раздававшиеся из леса. Кроме того, мистер Мосли в свое время познакомил Френсиса с краткой подборкой по животному миру Австралии. Рассказал о ледяных птицах, полярных жабах, пингвинах-живоглотах, хихервохерах и прочей жути. Правда, его сведения относились в основном к метрополии, но и в колониях могут водиться существа ничуть не лучше. Кстати, не хихервохер ли это мелькнул в кустах? Морда, во всяком случае, с беглого взгляда вроде была похожа на показанный Френсису рисунок.

Капитан велел матросу внимательнее смотреть назад, ибо известно, что хихервохер атакует человека преимущественно сзади, делая длинный прыжок и вцепляясь своими мощными челюстями в ягодичные мышцы.

В лагере завершалась сборка ботика, на котором предстояло исследовать окрестности места высадки.

При планировании операции Линсей исходил из последнего сообщения Темпла, где говорилось, правда с оговорками о возможной неточности этих сведений, что каторжане на

земле Тасмана рубят лес. Но если так, то их лагерь должен быть расположен на северной оконечности острова, отсюда ближе всего до Новой Австралии. "Доротея" же якобы потерпела крушение недалеко от крайней западной точки острова. В десяти милях севернее береговая линия под острым углом поворачивала на юго-запад, и исследоваться будет в первую очередь именно то направление. Но без спешки. Френсиса не раз предупреждали, что торопиться некуда.

Ему и его людям следовало осторожно, по возможности не попадаясь на глаза как воздушным, так и обычным кораблям австралийцев, найти место, где те содержали пленных английских пиратов. Кроме того, выяснить, есть ли на острове аборигены, и, если они найдутся, вступить с ними в контакт, имея в виду, что впоследствии он может перерасти в союз. Вторую задачу должен был выполнять сухопутный отряд под командованием старого знакомого Линсея, боцмана со "Свордфиша". В случае успеха миссии ему, кроме немалой денежной премии, было обещано дворянство.

Если же обнаружения австралийцами избежать не удастся, следовало изображать из себя жертв кораблекрушения. Поэтому ботик имел нарочито потрепанный вид, аналогично и одежда участников обоих поисковых отрядов.

Итак, первый этап операции, то есть незаметная высадка в укромном месте земли Тасмана, прошел успешно. Френсис надеялся, что у него и его спутников хватит сил и умений довести дело до конца.

## Глава 1

Накреньясь на правый борт, "Чайка" и "Кадиллак" птицами летели на запад под свежим южным ветром. Понятно, что "летели" — это метафора, они все-таки корабли, а не дирижабли. Но скорость двадцать — двадцать пять километров в час, которую мы выдерживали уже почти две недели, лично у меня вызывала, как говорил дорогой Леонид Ильич, чувство глубокого удовлетворения. Не сравнить с возвращением из Европы, когда мы еле плелись, подлаживаясь под убогую скорость сопровождавших нас английских кораблей.

Я стоял на носу своего корабля и, облокотясь на фальшборт, предавался воспоминаниям и размышлениям.

Когда семь лет назад я собирался в прошлое, то, конечно, не мог обойтись без раздумий о своей в нем новой жизни. В основном она мне представлялась по роману "Граф Монте-Кристо", только без отсидки и последовавшей за ней мстью виноватым в этой неприятности. То есть знатный вельможа из далекой заморской страны для своего удовольствия путешествует по миру на яхте, иногда удостаивая своим посещением некоторые европейские столицы. Естественно, производя там фужер, фураж и фурор. И, кроме того, подвергаясь успеху у дам.

Ага, разбежался. Ибо умные люди задолго до моего рождения написали — "Вначале было слово"! И написали совершенно справедливо. Стоило мне в одном месте вякнуть то самое слово, мол, я являюсь герцогом из далекой, великой и могучей Австралийской империи, как довольно быстро оказалось, что так оно и есть. Империя начала жить своей жизнью, причем, хоть я и не стеснялся в описаниях присущих ей чудес, мне иногда про нее рассказывали такое, что затруднительно было решить — стоять или падать от изумления.

В общем, теперь почти никто не сомневался в существовании этой страны, а также в ее размерах и могуществе. Однако слово "почти" я употребил не зря. Сомневающиеся были, причем, как ни странно, ими являлась правящая верхушка той самой империи. Его императорское величество Илья Первый, владыка Австралии, колоний и поселений, и его светлость герцог Алекс Романцефф де Ленпроспекто, адмирал и первый министр. Под таким именем в завершающемся сейчас семнадцатом веке фигурировал я.

На самом же деле ничего удивительного в сложившейся ситуации не было. Многие вещи начинают свое существование сначала в умах людей и только потом приобретают некие материальные черты. Нас с Ильей смущал тот факт, что с великими империями

подобного пока не происходило, только и всего. Но, как говорится, все когда-нибудь случается в первый раз. В силу чего мне пришлось вспомнить, что сказали про аналогичную ситуацию Ильф с Петровым. А именно — как и из Бендера, графа Монте-Кристо из меня не вышло. Правда, оправдомы империи были совершенно без надобности, так что мне пришлось переквалифицироваться в министры и дипломаты.

День потихоньку клонился к вечеру. Сменились вахтенные, и я тоже отправился в свою каюту. Хотелось до визита жены в очередной раз почитать копии доклада Темпла королю, запечатанный оригинал которого хранился в судовом сейфе. Но старый лис, похоже, не верил никому и при написании всех сообщений, передаваемых через нас или, как это, с нашим кораблем, всюду прибегал к эзопову языку. Интересно, застану ли я по возвращении в живых старого дипломата? Энциклопедия сообщала, что он умер в девяносто девятом году. Но то было в дикой Англии, то есть при отсутствии лекарств, квалифицированной медицинской помощи, да к тому же и климат там не самый здоровый. Так что у меня имелись вполне обоснованные надежды еще не раз встретиться с троюродным дядюшкой Джонатана Свифта. У старика было чему поучиться, причем не только Свифту, но и мне.

Примерно треть доклада занимали материалы об императоре. Но описанию его габаритов и феноменальной силы было уделено всего полстраницы, основное место занимали наблюдения за тем, куда, как и насколько часто отлучается из Ильинска его величество.

По Темплу выходило, что за время нахождения английского посольства в Ильинске император пребывал в отъездах около двух месяцев. За это время он успел два раза слетать в метрополию на дирижабле и один раз на корабле посетить какую-то другую колонию, расположенную сравнительно близко, не далее тысячи миль от Ильинска.

Вот тут Темпл был прав на все сто. Деревня Потогонка, куда Илья как-то раз смотался на две недели, действительно находилась ближе, чем в тысяче миль. До нее было пятьдесят километров по прямой или девяносто по морю.

Что же касается путешествий на дирижабле, то тут старый дипломат стал жертвой оптического обмана, к которому, правда, приложил руки и ваш покорный слуга. Попробуйте-ка определить размеры пролетающего над вами объекта! Без привычки это не получится, даже если знать высоту. У Темпла привычки не могло быть по определению, но про высоту я ему на всякий случай пару раз обмолвился. Однако данная информация ему помогла мало.

Оставался единственный способ — сравнительный. Если на летящем объекте найдется что-то, размер чего вам известен, вычислить величину будет нетрудно. На дирижабле "Граф Цеппелин" оно нашлось в виде периодически высывающихся из окон и махающих руками фигурок.

Вообще-то данный дирижабль при объеме в двести пятьдесят кубов мог поднять груз в семьдесят — семьдесят пять килограмм, но этого хватало, так как его пилот Франсуа весил от силы шестьдесят. Он лежа располагался в гондole с имитацией окошек, надевал на пальцы правой руки куклу и устраивал над Ильинском воздушное представление. Поэтому англичане малость ошиблись с размерами. По докладу дирижабль имел в длину шестьсот футов, тогда как в действительности эта цифра составляла семнадцать с половиной метров.

Ту часть доклада, где утверждалось, что Илья является потомком атлантов, я прочитал мельком, ибо черновики для нее Темпл начал готовить уже давно. Правда, в окончательном варианте была конкретизирована историческая часть. Ранее этого сделать не получалось, ибо мы с Ильей только незадолго до отъезда расставили его предшественников и предков по своим местам.

В общем, до Бариновых Австралией правили Немцевы. Последний из них, Николай Никакой, довел страну до ручки, а потом отрекся, в результате чего в империи началась смута.

Она была прекращена титаническими усилиями первого представителя новой династии, Иосифа Великого. При нем империя уверенно двигалась по пути прогресса, но, к

сожалению, он не оставил прямых наследников. После смерти Иосифа трон около года занимал его дальний родственник Лаврентий Четырехглазый, но тут на политическую арену непонятно откуда выскочил некто худородный и вообще ни к какой династии не относящийся, по имени Н. С. Хукурузер. Убив Лаврентия, авантюрист объявил себя императором. Это чмо измывалось над империей десять лет, заработав кличку Никита Жопоголовый и испохабив почти все, что ему досталось от Иосифа Великого, но в конце концов его скинул с трона и отправил в ссылку троюродный племянник Иосифа Леонид Звездоносец.

Разумеется, кто-то может найти в данном описании некоторые неточности. Им я могу только сказать, что мы писали все-таки историю Австралийской империи, а не КПСС. Темпл же пересказал ее, снабдив своими комментариями и отсылками к недавней истории Англии, где, насколько я понял, речь шла о Карле, Якове и Кромвеле.

Далее шел пересказ моей родословной, но тут англичанин обошелся без отсебятины. Мое описание жизни и подвигов козельского княжича Романа, угнанного в плен, но бежавшего аж из Китая и добравшегося до Австралии, было перенесено в доклад практически слово в слово.

Кроме писаний Темпла, имелся и доклад второго секретаря посольства Ричарда Эвери, который, кажется, имел какое-то отличное от гуманитарного образование. Во всяком случае, он специализировался на описании наших технических новинок.

Бегло просмотрев две страницы про императорский рыдван, я перешел тому, что этот тип смог нарыть про наши турбины. И почувствовал глубокое разочарование, ибо, несмотря на толстые намеки и чуть ли не прямой показ, он так и не смог понять, что такое сопло Лавая. Единственный его вывод заключался в том, что лопатки на ступенях турбины должны не только стоять под разным углом, но и располагаться на дисках уменьшающегося к концу диаметра. И как только такой двоечник, до сих пор не понявший, где у турбины вход, а где выход, ухитрился пролезть в посольство, сокрушенно подумал я, переворачивая страницу.

Основные усилия этот промышленный шпион сосредоточил на станках. Разумеется, никто его и близко не подпускал к большому сараю, громко именуемому механическим заводом. Но англичанин обосновался на соседнем холме с подозрительной трубой и все-таки смог что-то увидеть, когда ворота сарая распахивались. Для маскировки своих нехороших намерений он таскал с собой мольберт с красками и холст, где в конце концов намалевал панораму Ильинска, но довольно коряво.

Предок Джеймса Бонда отметил, что в наших токарных станках мастер не держит резец рукой, для этого есть какое-то приспособление. Правда, никаких подробностей конструкции суппорта он не разглядел. Кроме того, наблюдатель написал, что у австралийцев есть и другие станки, где деталь закреплена неподвижно, а двигается и вращается обрабатывающая ее зубчатка.

Потом автор описал свои исследовательские работы. В принципе ничего, лично мне пока подобное в голову не приходило, надо будет взять на вооружение идеи мистера Эвери.

Он обратил внимание, что, хотя завод и находится рядом с плотиной на ручье, механической передачи вращения от водяного колеса к станкам не видно. Далее он не поленился произвести эксперимент. Взял два магнита и приклеил их к концам тонких прямых палочек. После чего, вращая одну из них, наблюдал, как вращается вторая, вроде бы не соединенная первой. Эффект у него получался только на расстояниях до пяти сантиметров, а по размерам нашего сарая он сделал вывод, что австралийская наука преодолела десятиметровый рубеж магнитной передачи вращения. Сделанному им выводу способствовало то, что все наши станки располагались вдоль оси вращения водяного колеса.

Третьим документом посольской почты был доклад Свифта, посвященный образованию. Еще когда мы с Ильей читали черновики, у нас возникла мысль — а не придержать ли его под каким-нибудь предлогом? Но потом, подумав, решили все-таки не препятствовать отправке, потому как суть нашей системы не спрячешь. В конце концов, та

же Элли сможет пересказать ее в трех словах.

Так вот, к некоторому моему сожалению, Джонатан Свифт не испытывал ни малейшей потребности описать что-либо наподобие путешествия Гулливера в страну лилипутов или страну разумных лошадей. Его больше интересовало положение начальным образованием в Австралии. До другого его просто не допускали, Ильинский университет являлся закрытой организацией.

Свифт три раза подчеркнул, что воспрепятствование обучению грамоте и счету своим детям по нашим законам влечет за собой административную ответственность, а в случае рецидива — уголовную. Далее он уточнил, что минимальная грамотность является необходимым условием получения имперского подданства, и по косвенным признакам сделал вывод, что неграмотных в Австралии очень мало, а дворян среди них вообще нет. Особенно его поразил тот факт, что закон не делал никакой разницы между мужчинами и женщинами, то есть девочки тоже учились в школе. Мало того, некоторые, проявившие особые способности, и в университете! Про который Свифт знал только то, что он существует.

В общем, после прочтения этой бумаги я мог утешаться одним — что в Англии никто не даст Вильгельму начинать вводить хоть что-нибудь похожее на нашу систему, все-таки он далеко не абсолютный монарх.

Однако тут раздался осторожный стук в дверь, вслед за которым в каюте появилась моя третья жена, герцогиня Элли Романцева, и я отложил бумаги. У нее было настолько взволнованное лицо, что я даже решил — случилась какая-то неприятность, но потом сообразил, что девочка просто пришла признаваться. Я так и думал, что она сделает это в пути, причем в его первой половине, но после того, как мы уже достаточно удалимся от Австралии. Так и оказалось.

Третью жену мне сосватал, а если быть точным, то просто подложил королевский камердинер Натаниэль Мосли, в благодарность за что я вез ему богато украшенный не только сапфирами и изумрудами, но и алмазами револьвер. Ибо Элли того стоила. Будучи натуральной голубоглазой блондинкой, она оказалась вовсе не дурой, а совсем даже наоборот.

Разумеется, в Австралии за ней наблюдали, и я мог точно сказать, что она почти не общалась с англичанами из посольства и уж тем более не вела каких-то записей. Судя по всему, она была агентом влияния, хотя Мосли наверняка не знал такого термина. Ее задачей являлось поддерживать во мне настроения типа того, что Англия — очень хорошая страна, Вильгельм — замечательный правитель, прямо таки чуть не лопающийся от честности и благородства, и так далее. Я был ничуть не против, потому как по своей инициативе мы с Англией ссориться совершенно не собирались. По крайней мере до тех пор, пока наша численность не перевалит за миллион, а, возможно, и после этого события.

В общем, я объяснил герцогине, что не вижу в создавшейся ситуации ничего страшного. Во-первых, я про нее и так знаю, причем давно, с момента нашего отбытия из Англии. А во-вторых, у каждого есть свои маленькие недостатки. Подумаешь, задание она выполняет, эка невидаль. У некоторых вообще ноги не только короткие, так еще кривые и волосатые! И ничего, живут.

По идее, в этом месте девочка должна была расчувствоваться и обратиться ко мне за помощью, чтобы дополнительно подчеркнуть свою лояльность и беззащитность, и она не обманула моих ожиданий. Трагическим шепотом Элли поведала мне, что у нее было и задание попытаться попасть в постель к императору, а не получится — хотя бы собрать побольше сведений о нем. Но она, наверное, неспособная, да к тому же была занята, ну так занята семейной жизнью... в общем, у нее не получилось, и она прямо не знает, что теперь делать.

Я объяснил, что, согласно специальному императорскому указу, имею право в случае необходимости производить любые действия от его высочайшего имени, каковым правом и готов воспользоваться прямо сейчас. Потом начал было обещать, что сам расскажу ей про

Илью столько, что хватит на несколько обширных докладов, но Элли уже избавилась от лишних деталей туалета, так что рассказ сам собой отложился на будущее.

## Глава 2

Неплохая скорость наших кораблей плюс сравнительно благоприятная погода привели к тому, что уже через два с половиной месяца после выхода из Ильинска "Чайка" с "Кадиллаком" приблизились к острову Мадейра. Тут мы собирались сделать первую и единственную остановку на пути в Англию. Ну и посмотреть, насколько серьезен был представитель голландской Ост-Индской компании, еще в мае посетивший наше посольство в Лондоне.

Уже километров за десять до Фуншала стало видно, что в порту куда оживленнее, чем когда мы здесь были в прошлый раз. Тут стояли четыре больших корабля и два средних, примерно с наши шхуны. По мере нашего приближения пять подняли голландские флаги, а небольшой фрегат — португальский. На всякий случай артиллеристы заняли места у орудий, но португалец был настроен на редкость миролюбиво. Мало того, что он не открывал пушечных портов, так по мере нашего приближения две шлюпки развернули его носом к месту, где мы встали на якоря. Носовая пушка у фрегата отсутствовала.

От всех же прочих кораблей в нашу сторону направились шлюпки, но я взял мегафон. И, хотя меня подмывало на всю гавань процитировать незабвенного Шарикова — "В очередь, сукины дети, в очередь!", я выразил эту же мысль по-английски и чуть более политкорректно. Вскоре после чего принимал начальника порта, того же, что и в прошлый раз. Он тут же заверил меня, что с недавно прибывшей второй партией французов все в полном порядке, они окружены заботой и ни в чем не нуждаются, а также...

— Сколько? — перебил я его многословные излияния.

— Девяносто один человек, из них тринадцать женщин и двадцать два ребенка.

— Спасибо, но я вообще-то спрашивал про деньги.

В ответ начальник понес какую-то ахинею, типа он не осмеливается требовать денег у моей светлости, желая лишь загладить память о неприятном инциденте, который...

— Дорогой дон Мануэль, — хмыкнул я, — будь у меня хоть тень подозрения, что вы явились сюда с какими-то требованиями, вас бы давно уже вышвырнули за борт. На будущее запомните и передайте всем интересующимся, что требовать от австралийца может только его непосредственный начальник, в данном случае — сам император, ибо других начальников у меня нет. Всем прочим остается либо просить, либо предлагать. Так вот, мне хотелось бы услышать ваши предложения о том, каковой вам представляется компенсация за пребывание на острове французов.

Вскоре ставший на сто рублей богаче начальник порта отбыл, и его место занял уже ждавший своей очереди господин Питер Ван Рибек, доверенное лицо и личный секретарь директора голландской Ост-Индской компании Николааса Витсена. Теперь стало понятно, ради какой персоны сюда появился линейный корабль, на который последние полчаса с определенным интересом заглядывался главный артиллерист и командир снайперской группы "Чайки" Вака. Впрочем, пока корабль вел себя вполне прилично. А учитывая важность миссии, порученной прибывшей на его борту персоне, вряд ли в ближайшее время следует ждать неожиданностей, подумал я, но, естественно, ничего Ваке не сказал. Ибо его обязанность — быть готовым в любой момент уничтожить все, что может оказаться опасным для наших шхун.

Решив, что остальные подождут, я пригласил Ван Рибек пообедать, вопросов к нему у меня было достаточно. На первый из них он ответил сразу — да, из стоящих в бухте кораблей два зафрахтованы для перевозки французов. Шкиперы в курсе относительно наших требований про недопущение смертности среди пассажиров и знают, чем это может быть для них чревато.

— Без этого пункта фрахт вышел бы вам почти вдовое дешевле, — заметил голландец.

— Ничего, не разорюсь. Как вам тушенная кенгурятина? Это я к тому, что мы умеем сохранять мясо свежим достаточно долгий срок. Годами. Это, так сказать, будет дополнительным бонусом шкиперам. Если переселенцы не только не потерпят ущерба в своем здоровье, но и останутся довольны путешествием, мы поделимся этим секретом. Все лучше, чем по полгода давиться тухлой солониной. Ну и пора, наверное, приступить к главному вопросу.

Ван Рибек был полностью согласен и достал уже подготовленный текст договора между Австралией и Ост-Индской компанией. Я внимательно прочитал его. Он ничем не отличался от того, что был передан по радио нашим посольством. Основной смысл бумаги состоял в том, что компания признает нашу зону влияния в заданных координатах, а мы в ответ признаем все ее владения, как имеющиеся на сегодняшний момент, так и могущие образоваться в будущем. Обе стороны обещают воздерживаться от несанкционированных посещений территории друг друга.

Я подписал оба экземпляра, отдал один Ван Рибеку и заодно подарил ему роллер, а то больно уж завистливым взглядом он смотрел, как я им пишу. После чего мы перешли к следующему вопросу.

— Во время визита господина Витсена в наше посольство была достигнута предварительная договоренность о постройке для нас нескольких кораблей на верфях компании, — напомнил я. — Причем по нашим чертежам. Прибыл ли с вами специалист, способный оценить наши требования? Чертежи я, естественно привез.

Оказалось, что специалист прибыл, даже два, они ждут в лодке, которая привезла на "Чайку" Ван Рибек. И вскоре они вошли в мою каюту.

Следующие сорок минут я только и делал, что отвечал на их многочисленные вопросы. Собственно, главных было два. Будут ли эти корабли обладать достаточной устойчивостью для того, чтобы выдержать любой шторм? И, главное, зачем они вообще нужны, в чем их преимущество перед обычными?

Я ответил, что шторм они выдержат. Смысл же такой формы корпуса и такого парусного вооружения в том, что с ними корабль сможет дойти от Цейлона до Амстердама за два месяца. Или от Ильинска туда же за два с половиной.

Ничего невероятного в моих словах не было, ведь голландцы сейчас изучали чертежи чайного клипера "Фермопилы".

— Дело даже не в том, что это достаточно быстрый корабль, способный при хорошем ветре разогнаться до семнадцати узлов, — пояснил я, — а в том, что даже при ветре в один балл он сможет двигаться со скоростью узла три-четыре.

Надо сказать, что мы с Ильей решились на передачу голландцам чертежей не сразу. Помочь принять решение нам помогли два соображения. Первое — для нас в основном представляли опасность корабли с большим количеством солдат и пушек, а вовсе не те, что способны двигаться при любом ветре. В конце концов, у парохода это все равно получится лучше. Да и вообще, чайные клиперы — это все-таки не военные корабли. Второе же соображение заключалось в том, что высшая точка расцвета Голландии уже позади, пусть там почти никто этого не понимает. На всякого рода спекуляциях и посредничестве можно совершить кратковременный рывок, но нельзя обеспечить процветание страны в длительной перспективе. Тут уже нужно развивать промышленность, чем голландцы не очень заморачивались. А вот в Англии это понимали хорошо, несмотря на то, что и там, и там вроде бы правил один и тот же человек.

То есть чем дальше, тем больше голландцам будет не до нас, у них скоро начнутся свои проблемы. Ну, а пока постройка кораблей на их верфях обойдется дешевле, чем в Англии, пусть они их и строят. Кстати, голландские мастера работают на интуиции, никакой особой теории у них нет, так что вряд ли они смогут сделать серьезные выводы из наших документов. Будут продолжать тупо копировать "Фермопилы", и все.

Вскоре корабельные мастера вынесли вердикт, что построить такое на верфях компании можно, и удалились. Мы же с Ван Рибек приступили к обсуждению цены.

— У Австралии два предложения, — пояснил я. — Первое — мы целиком оплачиваем все пять кораблей. Но тогда вам нельзя будет строить такие же для себя, и, кроме того, компания возьмет на себя ответственность за сохранение их в тайне. То есть если мы увидим где угодно еще хоть один такой корабль, то немедленно объявим войну Ост-Индской компании. Бомбардировок Амстердама не обещаю, хотя у нас принята программа приоритетного развития воздушного флота, так что, может быть, со временем дойдем и до такого. Но все голландские корабли при встрече с австралийскими будут топиться, это нетрудно.

— Простите, но ведь не все суда нашей страны принадлежат компании!

— А наше какое дело? Пусть ваши купцы вам и говорят спасибо в меру своих возможностей. Но это, так сказать, один вариант. Второй — вы строите нам пять кораблей бесплатно, а потом можете делать их себе или третьим лицам сколько угодно.

— К сожалению, я не уполномочен решать такие вопросы единолично, — развел руками голландец. — Мне нужно посоветоваться с господином Витсенем, а ему, скорее всего, потребуется одобрение совета директоров. С учетом времени пути до Амстердама это может занять от месяца до полутора.

— Ну, столько-то мы в Европе пробудем, однако все равно не теряйте времени.

На этом наша встреча с Ван Рибекком закончилась, и до вечера я разбирался с голландскими шкиперами, подрядившимися везти французов в Ильинск. Наконец все вопросы были утрясены, и с кормы "Чайки" снова ушла в небо зеленая ракета, что означало — "следующий!". По этому сигналу, как я и ожидал, к нам поплыла шлюпка от португальского фрегата.

Честно говоря, у меня были серьезные подозрения, что от нас сейчас начнут требовать объяснений, а то и компенсации за утопленный в позапрошлом году фрегат, так что я дослал патрон в ствол парабеллума и велел палубной команде быть наготове. Однако португалец, представившийся как посланец короля Педру II, был настроен на редкость миролюбиво. То есть он, даже не успев толком откусать предложенного ему тунца под маринадом, начал плакаться про тяжелые времена, наступившие для его страны.

Тут я немного удивился. По моим сведениям, как раз сейчас дела обстояли несколько наоборот. Десять лет назад в Бразилии были открыты месторождения серебра, что позволило королю серьезно укрепить свое материальное положение. И политическое тоже, ибо португальский парламент, именуемый кортесами, распоряжался налоговыми сборами. И, соответственно, выделял часть полученных денег монарху. Или не выделял, это уже зависело от поведения его величества. Бразильское же серебро дало королю возможность послать свой парламент далеко и надолго, после чего править самостоятельно без оглядки на копейки от кортесов и не вспоминая ни о какой демократии.

Однако португалец быстро рассеял мое недоумение. Он объяснил, что средства-то из Бразилии поступают, но в значительно меньших количествах, чем могли бы. Потому как корабли приходится охранять, а с флотом у Португалии сейчас не очень. Больших фрегатов было всего пять, а по несчастливой случайности, произошедшей не так давно, их осталось четыре. Из Индийского океана португальцев практически вытеснили голландцы с англичанами. В Индии осталось три небольших колонии — Гоа, Диу и Даман.

Я сочувственно покивал. Второе и третье слова мне не говорили абсолютно ничего, но в Гоа любил отдыхать мой сын. Он и меня неоднократно звал составить ему компанию, но я отказывался. Потому как финансы начали позволять нам подобные телодвижения только тогда, когда мне уже перевалило за семьдесят. В таком возрасте как-то уже не очень тянет на экзотику, но сейчас совсем другое дело! И посещение данного места вообще-то входило в мои планы. А тут, значит, голландцы собираются отобрать его у португальцев? Нет, это не дело. Как я там отдыхать буду, если всякие разные начнут какие-то войнушки? Руки прочь от моего Гоа! Пусть голландцы обходятся Индонезией, она большая.

Тем временем португалец дошел до сути своих предложений. Он попросил нас по дипломатическим каналам обеспечить неприкосновенность Гоа и прочих мест, откуда их



еще не выперли, а также выделить для охраны серебряных галеонов две, а лучше три маленьких боевых яхты. Судя по всему, он имел в виду "Победу". В обмен на это король устами своего посланца обещал нам любые концессии в Бразилии, за исключением мест, где уже обосновались португальцы.

— Нет, — вздохнул я, — концессии нам не нужны. А вот прямые поставки сока гевеи и бальсы не помешали бы. Что означают эти слова? Породы деревьев, вам их покажут на картинках и объяснят, где они растут.

В качестве иллюстрации я продемонстрировал посланнику презерватив и объяснил, что он делается из сока гондонного дерева, произрастающего в метрополии, но таких деревьев там мало, а сока они дают еще меньше. Гевея же хоть и не идеально, но все-таки может их заменить.

— Но каково назначение этого изделия? — не понял собеседник.

Я объяснил, после чего португалец минут пять переваривал полученные сведения, а потом у него на физиономии начало проступать понимание, потихоньку переходящее в восторг. Весь его вид чуть ли не кричал — я понял! Понял, почему у австралийцев проблемы с заселением колоний! Да еще лет сто повального применения таких штук, а дальше у них и в метрополии никого не останется! Но углубляться в открывшуюся ему тему он не стал, а поинтересовался объемами наших потребностей. Услышав цифры, мой гость помрачнел, но все же пообещал довести их до сведения его величества, с чем и отчалил.

Перед сном я обдумал итоги первого дня нашего второго визита в Европу. Хотя остров Мадейра скорее всего относится к Африке, политика в его бухте началась самая что ни на есть европейская. То есть нас, как и предполагалось, потащили во всякие союзы. Правда, представители французских властей пока себя не проявили, но зато внезапно вылезли португальцы. И довольно кстати, потому как рабочих рук еще и на серьезную добычу бальсы с резиной у нас просто не было, а в Австралии эта ботаника созреет никак не раньше чем через пять лет. За такое действительно не жалко выделить для охраны два "Груманта" с командами по восемь человек на каждом.

Отбив в лондонское посольство радиogramму о том, что завтра мы покидаем Мадейру и, судя по погоде, через неделю будем в Дувре, я отправился спать.

Вскоре оказалось, что мой прогноз не совсем точен. Первый этап нашего путешествия завершился не через неделю, а спустя восемь дней, и не в Дувре, а в Куинборо. Из посольства сообщили, что нам предлагается идти туда. Наверное, Вильгельм не хотел так уж облегчать французам контакты с нами. Или сыграло роль то, что от Куинборо до Лондона было всего около восьмидесяти километров, а не сто с гаком, как от Дувра. Да к тому же добираться можно было и по воде.

На этот случай мы захватили с собой разборный катамаран с подвесным мотором, сорокасильной "Ямахой". К мотору прилагалась железная труба с небольшим паровым котлом, а внутри этой трубы находилась настоящая турбинка, которая великолепно выполняла возложенные на нее функции, то есть свистела, гремела, тряслась и плевалась паром. Аналогичное устройство, только поменьше, было приспособлено и к квадроциклу, который мог взять на борт катамаран. Потому как лошади в качестве средства передвижения меня устраивали не так чтобы очень. Из кареты ничего не видно, а верхом я ездил без особого блеска, если не сказать более. Разумеется, это никого не удивило бы, ибо все уже знали, что в австралийской метрополии лошадей нет вообще, а в колониях они появились совсем недавно. И вообще мы, Романцевы, издревле специализировались по верховым мамонтам. Ну, а в Англии, где их почему-то нет, придется ездить на квад্রে или велосипеде.

### Глава 3

В отличие от первого визита, сейчас погода в Англии откровенно радовала. И, хотя на календаре было восемнадцатое ноября, на небе светило солнышко, на земле царил золотая осень, а термометр показывал плюс двенадцать градусов.

Монтировать катамаран мы начали еще в пути, так что через час после нашего прибытия в Куинборо он был спущен на воду. На борту "Чайки" уже имелся дворецкий из Кенсингтона, который должен был показывать нам дорогу, хотя, конечно, по докладам нашего посольства я ее и сам неплохо знал.

В общем, на катамаран погрузили сначала квадр с прицепом, потом дворецкого, а затем туда перешел я в сопровождении трех бойцов охраны. Герцогиня пока оставалась на нашем корабле. Вообще-то поначалу она тоже рвалась выйти на английскую землю в составе первой партии, но я объяснил ей, почему это не лучший вариант. Ведь народ будет в основном пялиться сначала на катамаран, потом на квадр, ну и моей персоне перепадет немножко интереса. Если же там окажется еще и Элли, то на ее долю останется не так уж много внимания публики. А вот на втором рейсе она станет главным объектом восхищения и сможет достойно продемонстрировать лондонцам свою неподражаемость, отненную заморскими нарядами небесную красоту и так далее.

— Это, конечно, правильно, — задумалась Элли, — но как же быть с твоим... э... ограниченным территориальным правом? Которое на триста четырнадцать метров.

Дело было в том, что по австралийскому законодательству у Элли еще не вышел срок моратория на пересечение границ, и она вроде как не могла покидать Ильинска. Однако император издал указ, где говорилось, что я являюсь субъектом ограниченного императорского территориального права, в силу чего местность на триста четырнадцать метров вокруг меня условно считается австралийской колонией. И Элли теперь спокойно могла плыть со мной в Европу.

— Ничего страшного, — успокоил я супругу, — вот прямо сейчас сяду и напишу распоряжение, что от Кенсингтона до Куинборо триста двенадцать метров. То есть ты будешь абсолютно чиста перед законом, это я слегка ошибся с измерением расстояния. Надо только не забыть сразу по возвращении напомнить императору, чтобы он объявил мне за это выговор без занесения в личное дело, и все.

Отчалили мы в одиннадцать утра и за четыре с половиной часа достигли Лондона, а потом еще час с лишним плыли уже в городской черте. Не потому, что город был таким уж большим, хотя все-таки вдоль Темзы в нем было не меньше десяти километров, а из-за оживленного движения по реке. В городской черте оно было почти как на Садовом кольце в час пик. Если же уточнить, что я имею в виду не начало двухтысячных годов, а, скажем, конец семидесятых, моя метафора лишится всякого преувеличения.

Короче говоря, по Темзе во все стороны плавало до фига всяких посудин. От лодочек, где с трудом помещалось три человека и которые в основном сновали поперек реки, до корабликов размером примерно с "Победу", а то и побольше. Они, понятное дело, плыли вдоль.

Наконец в шестом часу вечера катамаран достиг моста, который в будущем называли Старым Лондонским, а в настоящем он был единственным. Размер его арок нам из посольства сообщили давно, так что катамаран там проходил, но к нашему появлению развели подъемную часть у левого, если смотреть с востока, края. Я с некоторым подозрением глянул на ржавые цепи, держащие поднятые части, но все же решил рискнуть, вряд ли они лопнут именно в момент нашего прохода.

Мост, конечно, на мой неискушенный взгляд смотрелся донельзя экзотично. Казалось бы, он один-единственный в довольно большом городе. Построить его было непросто, нового в ближайшее время не предвидится, значит, надо по возможности увеличить пропускную способность имеющегося. Так нет, англичане поступили строго наоборот. Весь мост был застроен домами, причем вплоть до четырехэтажных! А посреди всех этих архитектурных излишеств торчал шпиль церкви.

Ладно, наличие на мосту лавок еще объяснимо, думал я, разглядывая этот средневековый памятник. В принципе можно понять, почему тут решили построить церковь — для повышения посещаемости, место-то людное. Но кому понадобилось возводить на мосту жилые дома? Неужели в Лондоне земля столь дорога, что приходится пускаться на

подобные ухищрения? А уж жить в них — брр. Это ведь даже не проходной двор, более точной аналогией будет перрон Казанского вокзала.

После моста мы проплыли еще километров шесть, пока не оказались у свежестроенной пристани высотой точно по борт груженого катамарана — ее соорудили к нашему визиту. Я взгромоздился на уже загруженный квадр, охрана заняла место в прицепе, и мы наконец-то оказались на английской земле. Катамаран развернулся и пошел назад, а мы двинулись на север, где в паре километров находился Кенсингтонский дворец, а чуть левее — Гайд-парк. Впрочем, меня туда не тянуло. Судя по докладам нашего посольства, ничего напоминающего шабаши всяких социалистов и либералов там пока не практиковалось.

Еще проплывая по Темзе, я обратил внимание, что на классический средневековый город из учебника истории Лондон похож не так чтобы очень. Улочки были не узкие и не кривые. Вот и сейчас я ехал по приличной ширины аллее, где несколько раз без проблем разъехался со встречными повозками.

Между прочим, лошади моего квадра не пугались. И, значит, имевшие место на заре автомобилизма ограничения были связаны с заботой не о лошадях, а об их водителях. Вот они да, боялись, что автомобили оставят их без работы, на почве чего и кинулись рьяно защищать фауну своей страны от натиска бензиновых чудовищ.

Сначала я заехал в наше посольство, где обнялся с ребятами, сгрузил барахло и отцепил прицеп, после чего на квадре отправился в соседний корпус дворца, к Вильгельму, который ждал меня к ужину.

У парадного входа случилась небольшая заминка. Навстречу мне бросились было двое в ярких ливреях, но в растерянности замерли. Скорее всего, это были конюхи или кто там еще должен заботиться о лошадях гостей. Поводья принять, отвести их на конюшню, что ли...

Я объяснил, что овса моему квадру не нужно, а вот чистой воды не помешает. После чего стравил давление и открыл крышку котла. За время пути от пристани до дворца вода там выкипела больше чем наполовину. Конюхи, посмотрев, куда и сколько лить, убежали, а я в сопровождении мажордома отправился к королю.

За почти два года, что мы не виделись, он немного постарел, в бороде прибавилось седины. Про голову я ничего сказать не мог, ибо Вильгельм был в парике.

Мы поздоровались по австралийскому обычаю, то есть пожали друг другу руки, после чего хозяин пригласил меня к столу. Судя по тому, что даже неизменный королевский камердинер появился только в самом начале, а потом исчез, Вильгельм решил в первую же встречу поднять какой-то серьезный вопрос.

Насколько я был в курсе, у него их имелось два. Расстановка сил в преддверии неизбежной войны за испанское наследство и тяжелое финансовое положение Англии.

На втором, пожалуй, следует остановиться подробнее. Хотя последние десять лет экспорт этой страны стабильно превышал импорт, военные расходы заметно превосходили доходы бюджета. Собственно говоря, недавно закончившаяся война за Пфальц оказалась одинаково разорительной для всех участвующих в ней сторон, но кредит Людовика был уже исчерпан, а Вильгельма еще нет. Однако в семнадцатом веке долги все еще было принято отдавать, и с этим в ближайшее же время могли возникнуть большие трудности. Правда, слово "дефолт" в обиход еще не вошло, но дело совершенно явно двигалось именно к нему.

— Друг мой, надеюсь, вы позволите вас так называть, — начал хозяин, — как мне хотелось бы хоть в первую встречу послушать ваши занимательные рассказы о чудесах Австралии! Но, увы, тяжелое, даже можно сказать критическое положение вверенной мне страны диктует другое. Наверняка ведь вы в курсе текущего экономического положения Англии.

Я не стал отрицать, что в общих чертах я его себе представляю. Правда, про то, что в трюме "Кадиллака" лежало сто тысяч рублей, то есть полтонны золота, да еще на ту же сумму алюминиевых стельников как резерв на крайний случай, и это не считая трех килограмм драгоценных камней, я пока промолчал.

— Если хотите, я могу назвать вам цифры внешнего долга Англии, — продолжал король, — но, как мне кажется, они вам уже известны.

— Да, что-то около ста тридцати миллионов фунтов при совокупном доходе за прошлый год в сорок три миллиона, — кивнул я.

К сожалению, эти цифры мне предоставили не мои разведчики. Их вывел Давенант, а я нашел соответствующее место в монографии, посвященной Грегори Кингу, известному английскому экономисту.

— Судя по тому, что вы подняли этот вопрос, Фуггеры отказали вам в займе, — продолжил я делиться своими сведениями, на сей раз из реферата "Банкирские дома семнадцатого века".

— Еще нет, — улыбнулся Вильгельм, — и я, честно говоря, восхищен вашей осведомленностью. Но могут отказать, особенно если вы не захотите мне помочь.

— В принципе даже те самые сто тридцать миллионов не являются для Австралии запредельной суммой, — заверил я короля, — и вопрос только в обеспечении, которое вы сможете предоставить.

Вообще-то я почти не блефовал. Да, золота у нас не набралось бы и на пятидесятую часть потребных миллионов, но зато запас камней тянул на миллиарды. Правда, чисто теоретически, потому как при хоть сколько-нибудь массивной продаже их цена непредсказуемо упадет.

Вильгельм посмотрел на меня с интересом.

— Ну что вы, я вовсе не прошу у вас одолжить мне такие деньги. Более того, фактически можно обойтись вообще без займа, но именно фактически.

— А, — догадался я, — вы хотите получить авансовый платеж под наши предстоящие заказы? Но оформить его как займ, так?

— Почти. С вашей стороны было большой любезностью выкупить на часть денег некоторые долговые обязательства и не препятствовать слухам, что вы не собираетесь на этом останавливаться, — пояснил Вильгельм. — Если вы согласитесь, я буду весьма вам благодарен, а конкретные формы этой благодарности мы можем обсудить сразу после достижения принципиальной договоренности. Речь идет о сумме порядка двухсот тысяч фунтов.

— То есть примерно ста тридцати тысяч рублей? Ну, тут с обеспечением вопросов возникнуть не должно, так что можете считать договоренность достигнутой.

Где-то за полчаса мы в первом приближении разобрались с финансовыми вопросами, и я познакомил короля с единственной имеющейся у меня светской новостью.

— Помните, в прошлый наш визит вам представляли капитана "Победы", Николая?

— Как же, очень приятный молодой человек. И сильно похож на вашего императора, особенно на снимок, где он молодой. Насколько я понимаю, он тоже относится к царствующей династии?

— Да, это сын Ильи Первого. В прошлый раз он пребывал в Англии инкогнито, а теперь просто с неофициальным визитом. Предваряя ваш вопрос — нет, он не наследный принц, у него есть старший брат.

— Простите, — задумался Вильгельм, — но ведь вы с императором одногодки. Сколько же вам лет?

Этот вопрос мы с Ильей уже обсуждали и решили, что нашим здешним официальным возрастом будет фактический минус сорок два года, так что я ответил:

— Мне сорок девять, как и его величеству.

— Выглядите вы значительно моложе, — вздохнул собеседник. — И, судя по портрету, император тоже. Однако вернемся к теме нашей беседы. Собирается ли принц Николай покидать борт своего корабля? И, если да, то когда и как?

— Да, ему хотелось бы взглянуть на Лондон. А когда и как это устроить — на усмотрение вашего величества.

Мы договорились, что завтра с утра Вильгельм отправится на своей яхте в Куинборо,

где пригласит принца, а заодно и герцогиню Романцеву быть его гостями в Кенсингтоне.

Ночевал я в посольстве, где перед сном успел ознакомиться с довольно интересной новостью, правда, пока не подтвержденной. Якобы три месяца назад из Эдинбурга в обстановке повышенной секретности вышли два корабля. Их цель — двигаясь на юг от архипелага Огненная земля, достичь границ австралийской метрополии и произвести там разведку.

Сообщение было похоже на правду хотя бы потому, что по имеющимся у Вильгельма сведениям там находилась самая малонаселенная окраина империи. Где крупных городов вообще нет, и лишь изредка встречаются охотничьи деревушки.

Немного подумав, я сел к рации. Где-то через час удалось связаться с Австралией, и я отстучал Илье характеристики кораблей, их особые приметы и то, что мои разведчики через завербованного портового плотника смогли выяснить у штурмана одного из них о предполагаемом маршруте. Предупредив, что все это вполне может быть дезинформацией английской разведки, потому как нашим Штирлицам пока еще очень далеко до вершин мастерства.

## Глава 4

Когда-то очень давно, где-то через пару месяцев после призыва в армию, я начал было курить, однако года через три бросил. Но с тех пор мне запомнилось, что курящий человек запаха табака практически не ощущает. А когда бросит, начинает его чувствовать снова. Причем, что интересно, он ему как правило куда более неприятен, чем тем, кто и не начинал курить.

Нечто похожее произошло и с Элли. Нет, не подумайте, смолить моя супруга не начала, хотя была несколько удивлена тем, сколь энергично я однажды послал некоего лорда, вздумавшего разузнать у меня насчет поставок табака в Австралию. Пришлось прочесть ей краткую лекцию о вреде курения.

Но ее трудности все-таки оказались связаны не с табаком, а с тем, что она выросла в обществе, где мыться в нашем понимании было в общем-то не принято. Гигиенические процедуры для дам высшего света заключались в том, что оные дамы иногда обтирались мокрой тряпкой над тазиком с водой. Но не злоупотребляли подобным, одного раза в два месяца хватало самым чистоплотным. Примерно так же обстояли дела и у мужчин.

С детства живя в подобной обстановке, Элли свыклась с тем, что человек должен пахнуть. А тут вдруг она оказалась среди австралийцев, которые принимали душ чуть ли не каждый день! Или просто обливались водой из ведер, если душа рядом не было. Причем и ей пришлось с ходу привыкать к таким процедурам, еще будучи моей невестой. И она привыкла, но, вернувшись в Англию, вдруг обнаружила, что запахи, которых она ранее не замечала, теперь противны ей чуть ли не до рвоты.

Через два дня после нашего прибытия в Англию Вильгельм устроил малый королевский не то прием, не то бал по случаю неофициального визита австралийского принца Николая, на котором, естественно, присутствовали и мы с Элли. В общем, гости сначала потихоньку собирались в большом зале, где титулы каждого выкрикивал специальный мужик с луженой глоткой и жезлом, коим он стучал об пол после каждого своего вопля. Нас с Элли представили после того, как был объявлен последний из местных, потом озвучили титулы Николая, а в самом конце на торжество явился его величество Вильгельм Оранский.

Кстати, перед приемом король спросил меня о том же, о чем в свое время и наш император — что я буду делать, если оказываемые моей жене знаки внимания покажутся мне выходящими за рамки приличий. Естественно, я ответил ему примерно то же, что Илье. Вильгельм кивнул стоящему рядом камердинеру, и тот куда-то отчалил — скорее всего, предупредить гостей о специфике предстоящего действа.

Так вот, явился король, еще раз представил присутствующим принца Колю, а потом и

меня с герцогиней до кучи, после чего заиграла музыка. Но танцевать никто не начинал, мужчины, открыв рот, пялились на Элли, а дамы делили внимание между ней и принцем. Посмотреть, честно скажу, было на что. Наряд мой супруги смотрелся совершенно вызывающе, а сама она на фоне прочих особей женского пола казалась пастушкой в свинарнике. Массивная же фигура Коли вызывала восхищенные взгляды дам и завистливые — мужчин. Он еще немного не дотягивал до своего отца вширь, но зато был выше его на пару сантиметров, а любого из присутствующих, кроме меня — как минимум на голову. В данный момент он хмуро озирали собравшееся общество.

В какой-то мере в этом были виноваты мы с Ильей. В преддверии выхода в свет бедный Коля был напичкан страшными рассказами о коварстве женщин, которые в этой дикой Европе начнут вешаться ему на шею, причем все без исключения из самых низменных побуждений. Для закрепления материала принцу подсунули "Три мушкетера", посоветовав обратить особое внимание на образ миледи. Впрочем, Николай давно уже был не мальчиком, ибо с его внешностью, да еще в условиях примерно двойного количественного преобладания женщин в Ильинске подобное являлось просто невозможным.

И вот сейчас он переводил свой взгляд с одной дамы на другую, и в нем ясно читалось что-то вроде:

"Нет, конечно, если Родина прикажет, я могу и не такое, но по своей воле — хрен! Идут они все лесом, и где только таких уродин откопали".

Оказывается, все ждали первого танца короля, на который он пригласил Элли. Ну, а потом народ помаленьку разошелся. В общем, десяти минут моей супруге хватило, чтобы вцепиться в меня и заявить:

— Алекс, отвечай всем, что я не танцую! О боже, тут совсем нечем дышать!

По ней, правда, нельзя было сказать, что она так уж страдала, но все-таки весь оставшийся вечер мы провели у окна в компании принца Коли. Элли не скупилась на характеристики время от времени подгребающих к нам дам и кавалеров, Коля скучал, мне пока было интересно, но не так чтобы уж очень.

После танцев был легкий ужин, где Николай сидел по правую руку от короля, мы с Элли — по левую.

— Кажется, у вас в Австралии балы проходят несколько по-другому? — осведомился король.

Я напряг память. В Ильинске отродясь не было никаких балов, пляски мориори происходили под аккомпанемент бубна и, как правило, по ночам, а всеобщий праздник пока имелся только один — Новый год. Так что я вынужден был припомнить и свою молодость, а потом сочинить из обрывков воспоминаний некий гибрид.

— У нас всякие увеселения устраиваются ночью, — объяснил я, — и в несколько иной последовательности. Сначала народ напьется, а только потом начинает плясать под бубен, гармошку или проигрыватель. Если же кто не силен в искусстве хореографии, то он продолжает пить в компании таких же. Некоторые, правда, считают, что всякий приличный праздник обязан кончиться хорошей дракой, но официально это не приветствуется.

Через пару дней после бала нас посетило официальное французское посольство, благо война уже закончилась и Людовику пришлось скрепя сердце подписать бумагу о том, что Вильгельм — никакой не узурпатор, а, наоборот, самый что ни на есть легитимный английский король. И теперь их посол, маркиз де Маргон с тремя сопровождающими его шестерками смог среди бела дня явиться в Кенсингтонский дворец.

Вот она, благодарность королей, мрачно подумал я, глядя на делегацию. Когда для связи с нами требовалось на утлой лодочке декабрьской ночью прошмыгнуть мимо английской пограничной стражи, то посылали де Тасьена, несмотря на его невысокий титул. А как визит перестал быть сопряженным хоть с какой-то опасностью, про виконта даже не вспомнили, и со мной желает разговаривать какой-то лощеный хмырь, на которого и смотреть-то неприятно! Нет, ребята, так не пойдет, подумал я и принял соответствующие меры. По результатам которых через три часа после начала визита сопровождающим

маркиза было вручено его бесчувственное тело и письмо следующего содержания, адресованное французскому королю:

"Дорогой Людовик под номером четырнадцать, именуемый также "Король-Солнце"!

Чем же я так прогневал ваше величество, что вместо великолепного Александра де Тасьена, в чьем облике интеллект органично сочетался с высочайшими душевными качествами, и все это было помножено на беззаветную отвагу старого солдата, вы прислали на переговоры какого-то тонконового недомерка? Лик которого не отмечен печатью ни одного из достоинств, присущих де Тасьену, а невоспитанность дошла до того, что этот слабак всего после третьего стакана упал хлебалом в салат и начал там храпеть, урод. Чмо это болотное, а не посол, вы уж извините за мой французский.

С уважением...

Титул, дата, подпись".

Я не спешил, ибо мои разведчики доложили, что царь Петр пока еще в Голландии, но буквально на днях собирается в Англию. И решено было подождать его тут, чем спешить куда-то с риском разминуться по дороге.

Кроме письма Людовику, мне пришлось накарять еще несколько распоряжений про расстояния от Кенсингтонского дворца до множества объектов в Лондоне, иначе пришлось бы сопровождать Элли во всех ее многочисленных визитах. Нет уж, пусть она поедит одна. Во-первых, я ей все-таки в значительной мере доверял, ибо герцогиня была отнюдь не душой. Ну и вопросы супружеской верности все-таки волновали меня не настолько, чтобы из-за них забросить гораздо более важные дела.

В основном мне пришлось заниматься размещением наших заказов на продукцию английской металлургии. Но на сей раз не в виде чушек, мы хотели получить готовые отливки заготовок под цилиндры и поршни паровых машин, которые у нас будут только обрабатываться. На прямые вопросы, зачем нам понадобились именно такие детали, я не отвечал, но не препятствовал распространению слухов, что это части каких-то очень мощных пушек. Кроме чугунных заготовок, нам нужно было и листовое железо для котлов. Медь же мы заказывали в прутках, чтобы из них в Ильинске удобнее было делать проволоку. Вообще-то мои запасы самых разнообразных проводов еще далеко не кончились, но следовало заранее позаботиться о будущем.

Вся эта возня была довольно далека от завершения, когда через неделю после первого визита французов состоялся второй. Видимо, Людовику очень хотелось побыстрее стать счастливым обладателем дирижабля, потому как эту делегацию возглавлял виконт Александр де Тасьен. Однако до его появления я все же успел побеседовать на воздухоплавательные темы и с Вильгельмом.

Разумеется, то, что маркиз де Маргон не понравился мне с первого взгляда, вовсе не являлось основной причиной написания приведенного выше письма. Она заключалась в том, что к его визиту у меня еще не было полной ясности в данном вопросе. Ну, а что Людовик после такого послания затаит обиду, ибо все источники характеризовали его как на редкость злопамятную скотину, меня не очень пугало. Ведь что ни говори, а главным и давним его врагом был Вильгельм, с которым мы просто соревновались в выражении дружеских чувств к друг другу. Так что любовь французского короля мне все равно не светила.

В свое время, еще в Ильинске, я неоднократно обсуждал европейские дела не только с Ильей, но и Виктором.

— Дядя Леша, — спросил он меня, — так мы что, будем поддерживать не Францию, а Англию?

— Витя, — отвечал я ему, постаравшись, чтобы мое выражение лица приобрело должную торжественность, — говорю тебе как пастырю. Австралийская империя, движимая высочайшей моральностью ее руководства, то есть и тебя в том числе, а также христианскими ценностями, всегда будет поддерживать слабого. Она в этом видит свой долг. Вот так, кто в данный момент слабее среди противоборствующих сторон, того и поддержит. Разумеется, если такая поддержка будет иметь смысл — той же Испании, например,

помогать уже поздно. В данный момент Франция является чуть ли не сверхдержавой в Европе, и это значит, что в ближайшее время нам следует дружить с Англией.

В общем, примерно из таких соображений я и пошел навстречу желанию английского короля уточнить, во что же может встать его стране создание воздушного флота.

— Видите ли, — начал я, — дальность наших летающих кораблей, которые мы называем дирижаблями, не безгранична. У лучших экземпляров она не превышает трех тысяч миль.

Вообще-то, конечно, я назвал первую пришедшую мне в голову цифру, ибо на том изделии, которым мы собирались осчастливить Людовика, лично я не взялся бы пролететь и трехсот километров. А "Граф Цеппелин" имел расчетную дальность всего в семьдесят, но дальше двадцати километров от аэродрома Франсуа на нем не летал.

— Трех тысяч миль, — повторил я. — Причем даже во время последней атлантико-австралийской войны воздушные корабли не могли летать намного дальше, для их доставки к месту боевых действий служили специальные суда, именуемые авианосцами. Но сейчас, скажу вам по секрету, у империи таких кораблей нет. Правда, уже рассматривается программа их строительства, но это достаточно долгое дело. Я веду речь к тому, что прежде, чем окончательно договариваться о стоимости дирижаблей, нужно внести ясность в вопрос их доставки. При отсутствии авианосцев выбора как такового нет. Единственная возможность — везти их в разобранном виде на кораблях, а потом собирать неподалеку от той страны, куда они предназначены. Именно неподалеку, а не в ней, потому как дирижаблестроители являются вершиной инженерной элиты империи, и допустить пребывание их на чужой территории невозможно ни под каким видом.

В этом месте Вильгельм уже явно начал понимать, к чему идет разговор, и я продолжил:

— Принадлежность территории я имею в виду не юридическую, а фактическую. На бумаге она может принадлежать кому угодно, но фактически никакой власти, кроме австралийской, там быть не должно. Поэтому как вы смотрите на сдачу нам в аренду островов Силли, например? Лет этак на девяносто девять. Я решил в первую очередь обратиться с подобной просьбой именно к вам, учитывая сложившиеся дружеские отношения между нашими странами. Однако вы, разумеется, понимаете, что в случае отказа Австралия просто вынуждена будет предложить что-то подобное Франции, Испании или Португалии.

Ясное дело, что Вильгельм попросил время на раздумья, правда, добавив, что лично он не видит в моей просьбе ничего неприемлемого. Однако данный вопрос не относится к тем, которые английский король может решать единолично, добавил мой собеседник.

Да уж, подумать ему теперь есть над чем. С одной стороны, в случае положительного решения прямо под носом у Англии образуется чужая военная база. И, судя по поведению австралийцев, они смогут в случае чего ее защитить, иначе не предлагали бы подобного. Но есть и другая сторона проблемы — при скорости австралийских судов и дальности их дирижаблей, которые, кстати, летают наверняка быстрее, чем плавают корабли, расстояние от базы до Англии особой роли не играет. Будет ли она в тридцати милях или тысяче, на результате это скажется мало. А в таком радиусе множество островов, и какой-нибудь австралиец все равно получит. Наконец, чем ближе австралийская база будет к Англии, тем проще при прочих равных условиях туда будет попасть англичанам и труднее — их противникам.

Однако кое-какие соображения у Вильгельма появились сразу, и он не замедлил ими поделиться.

— Понимаете, просто так отдавать кусок территории, пусть и в аренду, чревато непониманием общества. Но вот если произвести обмен...

— Да за ради бога! Где тут у меня карта-то лежала? Вот она, смотрите. Замечательный остров, по площади раз в сто больше всех островов Силли, вместе взятых. И очень удобно расположен — как раз на полпути между Новой Австралией и метрополией. Мы его



специально не объявляли колонией, была мысль устроить там торговую базу, но с этим вы, если появится желание, справитесь ничуть не хуже. Вот, любуйтесь, остров Махорий.

Вообще-то этот остров назвался Маккуори, но я не хотел водить англичан в искушение столь явно шотландским названием, поэтому слегка австралифицировал его.

— Это, пожалуй, упрощает задачу, — оживился Вильгельм. — Вы позволите взять эту карту, чтобы показать ее кое-кому?

— Да, разумеется, и вот вам еще несколько фотографий с пейзажами острова. И, пожалуй, давайте опять вернемся к дирижаблям. Вы совершенно правы в своих подозрениях, что большие воздушные корабли очень дороги не только в производстве, но и в эксплуатации. Гораздо дороже линейных кораблей, в десятки, если не сотни раз. В Европе сейчас просто нет страны, которая могла бы позволить себе содержать хоть один воздушный линкор, даже если каким-то чудом и ухитрилась бы его купить. Так что оптимальными для начала будут малые дирижабли, наподобие заказываемого Людовиком. Заодно на них вы сможете и подготовить кадры. Ну, а конкретную цену можно будет уточнить после принятия решения по островам. Однако сразу могу сказать, что для вас условия приобретения будут куда более щадящими, чем для французов.

Ну, а вскоре, как я уже говорил, нас посетил де Тасьен во главе делегации из трех человек.

— Даже не знаю, благодарить вас за письмо к нашему королю или наоборот, — заявил мне гость, когда мы с ним после тоста "за встречу!" сели обедать. — Не ведаю, что вы там про меня написали, но король сказал, что вся моя карьера теперь напрямую связана с вашим летающим кораблем. По поводу переселенцев с вами уполномочен говорить мсье Равиньяк, это который мелкий и чернявый, а их перевозку вы можете обсудить с капитаном Жанну, она поручена ему. Мне же надлежит вникнуть во все вопросы, связанные с самим воздушным кораблем.

Тут де Тасьен вздохнул.

— Знаете, ведь в молодости я мечтал стать моряком, но как-то не сложилось. А теперь вот, пожалуй, придется сделаться... как называются люди, управляющие воздушными кораблями?

— Пилотами. А что, очень достойная профессия.

Тут меня осенило. В проекте дирижабля для французов, а с позавчерашнего дня и для англичан, оставалось одно узкое место. Угольная топка, да еще кочегар с лопатой сожрали бы больше половины лимита веса, на груз почти ничего не останется. Ставить туда нефтяную форсунку нам не хотелось. Но что, если в качестве топлива использовать спирт? Тогда вместо форсунок можно будет поставить что-то вроде паяльных ламп. Заодно и сделать этим приятное хорошему человеку, виконту Александру де Тасьену. Мало ли, вдруг в полете ему захочется утолить духовную жажду.

## Глава 5

Яхта "Роял Транспорт", сделанная по проекту адмирала Кармартена и полгода назад подаренная Вильгельмом Оранским, бывшим тогда в Амстердаме, русскому царю Петру Алексеевичу, подходила к Куинборо. Когда до берега оставалось меньше мили, ей наперерез рванулся небольшой ботик, который вскоре подошел почти вплотную.

— Что за корабль? — заорали оттуда в рупор.

— Надо знать русский флаг! — гаркнул с яхты стоящий рядом с Петром Меньшиков.

— Данилыч, ты тут потише, — осадил его царь. — Чай, не у себя дома.

— Закройте пушечные порты! — продолжали тем временем с ботика, — в бухте стоят австралийцы!

— Герр Петер, — вмешался капитан яхты, голландец Рибек, — я слышал об этих людях. Про них говорят разное, но в одном сходятся все — открытые орудийные порты они воспринимают как вызов.

— Ну, дикари, — хохотнул Меньшиков, однако тут же получил подзатыльник от Петра.

— Действуй, как считаешь нужным, капитан, — кивнул Петр Рибеку и обернулся к Меньшикову.

— А ты свои замашки тут брось. Даже не знаю, брать тебя с собой в их посольство, или с Головкиным идти.

После чего царь взял подзорную трубу. Вне всякого сомнения, корабли австралийцев — это те два, что стоят чуть в стороне, примерно в полукабельтове от берега. Низкие вытянутые силуэты, почти полное отсутствие надстроек, кроме небольшого выступа на юте, необычной высоты чуть скошенные назад мачты — таковы были эти пришельцы из неведомых земель. Во всем их облике чувствовалась какая-то нездешняя стремительность.

Вдруг от одного из кораблей отделилось небольшое странное судно, похожее на две скрепленных между собой чрезвычайно узких лодки. Ни мачт, ни весел оно не имело, но тем не менее очень резво двинулось в сторону русской яхты. И через пять минут оказалось у ее борта. Из надстройки на носу вышел человек, с интересом глянул на яхту и вдруг на русском языке спросил:

— А нет ли, моряки, среди вас бомбардира Петра Михайлова?

Меньшиков открыл было рот, но глянул на царя и осекся.

— Положим, я Михайлов, — вышел чуть вперед Петр, — а ты, господин хороший, кто таков?

— Капитан крейсера "Кадиллак", принц Австралийской империи Николай Баринов, — представился визитер, — и я уполномочен герцогом Алексом пригласить бомбардира Михайлова в гости, когда ему будет удобно. Если же господин бомбардир согласен нанести визит прямо сейчас, доставить его в Лондон и проводить до австралийского посольства.

— Ну и герцог, что у него принцы на побегушках, — потрясенно пробормотал Головкин, но у австралийца, судя по всему, был отличный слух.

— Не на побегушках, а под командованием! — рявкнул он. — Разницу понимаешь или мне объяснить?

При этих словах он как бы ненароком сжал правую руку в кулак. Петр с уважением посмотрел на принца. Кажется, парень совсем молодой, но до чего же здоровый! Такой, пожалуй, и с одного удара прибьет, с него станется.

— Ты, ваше высочество, не гневайся на моего друга, — миролюбиво сказал Петр, — это он сдуру. А что, герцог приглашал одного меня или со товарищи?

— Если брать кого с собой, то только одного, — пояснил австралиец.

— Как, Гаврила Иванович, не побоишься со мной к герцогу? — хмыкнул Петр и прямо с борта яхты спрыгнул на низкую палубу двойной австралийской лодки. Его примеру последовал Головкин, правда, не так ловко.

— Ханс, веди яхту в Лондон, — приказал Петр Рибеку и ожидающе уставился на принца.

Тот не больше чем на минуту зашел в носовую надстройку, и, выйдя, сообщил:

— Сейчас отправляемся. В каюте есть сидячие места, но вообще-то погода отличная, я бы предпочел остаться на палубе. Господин бомбардир, не волнуйтесь — в посольстве вам все объяснят про наши двигатели и даже кое-что покажут, а здесь вы видите только кожух, закрывающий турбину и котел. Но вам никто не мешает рассматривать здесь что угодно, единственная просьба — не отвлекать расспросами рулевого, лучше обращайтесь ко мне.

Чтобы обойти суденышко, палуба которого имела четыре сажени в длину и две — в ширину, Петру хватило пяти минут, за которые он смог заглянуть даже вниз, под соединяющую поплавки ферму, встав для этого на четвереньки. Естественно, он побывал и в каюте, где вдоль стен имелось две лавки для пассажиров, а спереди сидел рулевой. Что удивило Петра, этот рулевой именно сидел перед небольшим штурвалом, к тому же лишенным рукояток. Справа от него из пола выступала тумба с двумя большими и несколькими маленькими рычагами. Время от времени рулевой трогал один из больших

рычагов, и тогда тон свиста с кормы менялся.

Катамаран, так называлась австралийская двойная шлюпка, шел довольно быстро, царь на глаз определил его скорость примерно узлов в пятнадцать. И при этом обладал выдающейся маневренностью, которую продемонстрировал, лавируя между снующими по Темзе лодками. На первом повороте Головкин едва не упал, но принц вовремя придержал его за шиворот.

— Осторожнее надо, — пояснил он, — пока не привыкли, держитесь за поручни.

А Петр сразу подумал, что наверняка подобные суденышки имеют и военное назначение. В открытом море они не бойцы, их низкую палубу будет перехлестывать волной уже при пяти баллах, но вблизи берегов...

Оборонять свою гавань от подхода вражеского флота, например. Кораблики маленькие, юркие, в них просто так не попадешь. А вреда могут нанести много, особенно если нападут, когда противник не ждет их и делает амбаркацию. Наверняка хоть одну пушку сюда установить можно, а у австралийцев они, говорят, хоть и невелики, но зело мощные. Или нагрузить этот, как его принц-то назвал? А, катамаран. Нагрузить катамаран порохом, такой брандер артиллерией не утопишь, больно быстрый. В Азовском море, которое невелико, да в хорошую погоду им цены не будет, сделал вывод Петр. И через Керченский пролив они смогут проходить помимо желания турок, если только те его вовсе какими-нибудь цепями не перегорядят.

То-то и оно, что цены не будет, горько вздохнул про себя царь. То есть она будет, но такая, какой ему точно не осилить. Но, может быть, австралийцам тоже чего-нибудь надо от России? Или герцог звал его только затем, чтобы поглядеть на царя из варварской северной страны?

За раздумьями путь пролетел незаметно, и вскоре катамаран уже швартовался к низкому, явно специально для него сделанному причалу. Петр ожидал, что их встретит самоходная повозка австралийцев, про которые он слышал еще в Голландии, но там стояла самая обычная, хоть и довольно роскошная карета.

Путь до австралийского посольства занял четверть часа, и вскоре Петр с Головкиным уже стояли перед двухэтажным особняком чуть в стороне от королевского дворца. Их встречал сам герцог, Петр сразу узнал его по рассказам. Впрочем, первым делом встречающий представился. Затем выслушал ответные представления гостей и усмехнулся:

— Я, конечно, совершенно не против принять господ волонтеров Михайлова и Головкина. Пообедать с ними, в картишки перекинуться или даже в шахматы, показать что-нибудь интересное... но не важное. Правда, вообще-то мне хотелось бы обсудить гораздо более серьезные вопросы, касающиеся не только европейской, но и мировой политики, однако это можно сделать только с персонами соответствующего ранга. Так, может, я не совсем правильно расслышал вашу должность и титул, господин бомбардир?

— Ладно, — буркнул Петр, — твоя взяла, ваша светлость. Я — русский царь Петр Алексеевич.

— Совсем другое дело. Тогда господина Головкина сейчас проводят в выделенные вам комнаты, а вас, ваше величество, прошу мой кабинет.

— Герцог, а может, без титулов обойдемся, — предложил Петр, — зови меня просто Петер.

— Да запросто. Тогда я для тебя — Алекс, без всяких светлостей. Располагайся, перекусить нам сейчас принесут. А я пока подарки вручу, захваченные из Австралии. Вот тебе первый — шестизарядный пистолет, именуемый револьвером. Для производства выстрела необходимо...

Далее Алекс минут за пять объяснил и показал, как обращаться с револьвером. После чего достал второй подарок — складную шахматную доску, внутри которой, как в сундуке, лежали сделанные из неизвестного материала фигурки. Чем-то он напоминал слоновую кость, но был вроде как мягче на ощупь. И, наконец, гостю были вручены два роллерных карандаша вроде того, что ему в Амстердаме показывал Вильгельм.

Тем временем невысокий худощавый человек явно не европейской наружности начал накрывать стол. Петр сразу оценил широкий жест хозяина — он узнал металл, из которого была сделана посуда, хоть и ни разу его не видел. Алюминий, добываемый только в Австралии и ценящийся много дороже золота!

Кроме жаркого, к столу были поданы еще и небольшие красные томаты. Странно, подумал русский царь. Я видел точно такие же в оранжерее одного амстердамского купца, и он говорил мне, что у этих красивых растений очень ядовитые плоды! Кого хочет травить австралиец?

Тем временем на стол были водружены две бутылки, пара белых стаканчиков, сделанных как будто из яичной скорлупы, но почему-то гибкой, на чем сервировка была закончена.

— Выпьем за встречу? — предложил герцог. — Тебе наливаю водки, к спирту ты непривычен. Вон огурчики на закуску, помидоров не предлагаю.

— Что за спирт такой?

— Вроде водки, только очень крепкий. В принципе, конечно, можешь попробовать. Что, налить? Ладно, только пить надо на выдохе и залпом.

После чего герцог продемонстрировал, как это делается. Занюхал рукавом, подождал минутку и потянулся к томатам.

Петр попытался повторить, и в результате пару минут судорожно хватал ртом воздух, не в силах сказать даже полслова.

— На, запей, — пододвинул ему стакан с водой Алекс и потянулся за вторым помидором.

Ну, силен герцог, подумал молодой царь, отдышавшись. Пьет такое, даже не морщась, как воду, да еще ядовитыми плодами закусывает!

— Давай, налегай на жаркое, — предложил ему герцог, — и не стесняйся, тут тебе не Версаль, так что ешь как тебе привычней. Вообще-то мясо удобнее есть вилок с ножом, но в принципе можно и руками.

Петр налег на мясо, в котором признал баранину, с гарниром из страшно дорогого китайского злака, именуемого рисом. Когда и с тем, и с тем было покончено, Алекс налил в стакан воды, взял какой-то маленький пакетик, про который Петр решил бы, что он сделан из золота, не будь он столь гибким. Герцог надорвал пакет и высыпал в стакан находящийся там оранжевый порошок. Вода начала пузыриться.

— Апельсиновая шипучка, — последовало не очень понятное объяснение.

Петр глотнул. Неплохо, вынужден был признать он. В чем-то даже вкуснее кваса.

Австралиец же перешел к делу:

— Насколько я в курсе, тебе не удалось договориться с голландцами по поводу помощи в войне с Турцией. Австрия тоже не союзник. Она свое уже получила и теперь хочет выйти из войны, а до России ей дела нет, что бы там не говорилось и не писалось ранее про священную войну с басурманами. Так?

— Так, да не совсем, — вскинулся Петр. — Вильгельм сказал, что подумает. И еще полгода назад он советовал мне обратиться к вам.

— Умный, вот и советовал. Так чем же Австралия может помочь России?

— Я тут уже начал немного разбираться в европейской политике, и поэтому, ты уж не держи зла, спрошу сразу. Что она захочет за помощь? Задаром тут никто никому помогать не будет.

Сказав это, Петр дернул щекой и полез за трубкой.

Герцог поморщился, пробормотал, что курить вообще-то очень вредно, но все-таки поднес огонек из маленькой полупрозрачной вещицы, которую назвал зажигалкой.

— А здесь вам не тут, — загадочно сказал он и пояснил:

— Австралия может позволить себе оказывать помощь своему стратегическому союзнику, не требуя взамен ничего сиюминутного. Что такое стратегический союзник? Не такой уж это простой вопрос. Представь себе, Петер, что у тебя есть друг. Польского короля

Августа ты вроде называл именно таким словом. Так вот, как по-твоему, сможет он тебя предать?

— М-мм... — замялся Петр, — сей куртизан, пожалуй, что и сможет. Если ему предложат что повыгодней.

— Вот-вот, в самый корень смотришь. А, скажем, Александра Даниловича ты другом считаешь или просто так, слугой? И если он друг, то как по-твоему — предаст или не предаст в случае чего?

— Да ты что? Я же не слепой, вижу, что за человек. Хоть и вороватый, но верный! Да и кто ему что предложить сможет, на кое он обменяет место рядом с государем?

— Видишь, ты сам все и сформулировал. Стратегический союзник — это тот, кто ничего не выиграет от разрыва с тобой, но зато может поиметь немалые выгоды от союза. Так вот, Австралию Россия в таком качестве устраивает. Осталось узнать мнение по этому вопросу другой стороны, то есть тебя, герр Петер. А что мы попросим за нашу помощь — договоримся, когда дело до того дойдет. Ничего невозможного или неприемлемого мы требовать не будем, обещаю.

Петр несколько растерялся — слишком многое на его свалилось за последние несколько часов. Герцог, кажется, это понял, потому что предложил:

— Такие дела с налету не решаются, так что я не тороплю. А пока в шахматы сыграть со мной не хочешь? Или пошли в парк, постреляешь из револьвера.

Молодому царю хотелось и того, и того, но начали они с шахмат. Первую партию Петр проиграл совершенно позорно, в самом начале зевнув ладью и сдавшись на двадцать каком-то ходу. Да, подумал он, с этим герцогом играть — совсем не то, что Шереметьевым или с попом Биткой. Вторая партия продолжалась подольше, но кончилась тем же самым.

— Горазд же ты, Алекс, в шахматной игре, — с уважением покачал головой царь.

— Первый разряд, — снова выдал не очень понятное австралиец, — хотя сейчас, пожалуй, я бы его не подтвердил. Ну, а теперь пошли в парк? Все необходимое для перезарядки револьвера вот в этой шкатулке, держи.

Револьвер молодому царю очень понравился. Правда, он не смог попасть в деревянную фигуру даже с двадцати шагов, хотя австралиец, показывая, как надо стрелять, положил три пули подряд с тридцати.

— А ваши ружья, говорят, бьют на полтора-два шагов? — спросил царь после того, как были расстреляны оба заряженных барабана. — Это правда или...

— Врут, — пожал плечами герцог, — для солдата-первогодка у нас норматив таков: четыре пули из шести в ростовую мишень со ста пятидесяти метров, это примерно двести шагов или семьдесят сажень. Для ветеранов — то же самое с двухсот метров.

— Но почему же тогда из лучших английских мушкетов со ста шагов в человека можно попасть не всякий раз, и то если давно с ними дело имеешь?

— Причин много, — пояснил австралиец. — Первая — точность изготовления ствола. У нас допуск по диаметру пять сотых миллиметра, а у англичан он даже у лучших мастеров раз в десять хуже. Плюс у них стволы хоть и немного, но кривые. Пули мы тоже делаем гораздо точнее, да и порох у нас более мощный. Вот все это вместе и приводит к такой разнице.

— Нам бы такие ружья...

— К ним, между прочим, еще и солдаты нужны, — усмехнулся Алекс. — А солдатам — толковые командиры. Мало того, и командирам тоже нужен некто стоящий над ними, четко понимающий задачи государства и пути их решения. У тебя все это есть?

— Нет, — чуть покраснел Петр.

— А ты не смущайся, у нас тоже много чего еще нет, а уж если вспомнить, что раньше было, так и тем более. Пока отдохни, с товарищем своим побеседуй. Ваше посольство вроде еще не добралось до Лондона, так что приглашаю отужинать у меня. В общем, в девять вечера жду.

За ужином герцог не пил спиртного и не предлагал Петру. Он сразу перешел к

главному:

— Планирование любого действия следует начинать с осмысления того, что произойдет в случае полного успеха, — объяснил австралиец. — Говоришь, России нужен выход к морю? И поляки с датчанами уже склоняют тебя к мысли обратить взор на Балтику? Ну так представь себе, что ты уже отвоевал кусок побережья от устья Невы и до Риги включительно. Дальше что?

— Как что? — не понял Петр. — Торговать будем со всей Европой! Ведь сейчас как — в Архангельске иноземные купцы цены назначают какие хотят! Наши мне плакались, что им проще товар сгноить, чем продавать за такие деньги, которые там предлагают! А в России все есть — и пенька, и лен, и смола, и мачтовый лес, причем лучше и дешевле, чем Европе.

— А чего же купцы сами не торгуют в заграницах — они что, из того же Архангельска до Амстердама доплыть не могут?

— Не больно-то им дают торговать в Амстердаме.

— Вот-вот. А оттого, что они приплывут не из Архангельска, а из твоего нового порта на Балтике, который еще надо будет построить, много изменится?

— Так что же мне, сиднем сидеть и наподобие наших бояр спесью надуваться — мол, исстари мы были третьим Римом, а все остальное от лукавого?

Алекс встал, прошелся по кабинету и сказал, глядя в окно:

— Нет, сидеть не надо. Но и метаться тоже ни к чему. В общем, начинай-ка ты помаленьку думать вот о чем...

Беседа затянулась до полуночи, но и потом, придя в выделенную ему комнатку с низким потолком, Петр не мог заснуть почти до утра. Кстати, и когда это герцог успел узнать, что ему нравятся именно помещения с низкими потолками? Но и наговорил ему австралиец изрядно. Что он там сказал про Керчь? Кажется, так:

— Тоже мне, нашел проблему, взять Керчь. Во-первых, никто не заставляет брать ее в целом виде, не разрушив перед взятием. Но дальше-то что — ждать, пока турки соберутся с силами и выбьют тебя оттуда? А если нет, то где ты будешь строить укрепления на суше и как защищать крепость с моря?

Вот так, подумал Петр. Тут ломаешь голову, думаешь, как сделать что-либо, а этот австралиец советует сначала решить — зачем, а потом как следует подумать, что будет дальше. Но помощь он обещал твердо. А Головкин не терял времени зря, успел побеседовать и с садовником в парке, и с конюхами, и все ему говорили одно — эти пришельцы из дальних земель слов на ветер не бросают. Значит, у России может появиться настоящий союзник, а не такой, как недавно ставший польским королем Август или бранденбургский курфюрст Фридрих, который хочет, чтобы Россия в случае чего защищала его от шведов, но сам воевать на ее стороне с турками не желает.

Но, кроме политики, герцог сумел зародить и еще одну надежду. Железные дороги, которые в отличие от рек лягут там, где их проложат, а грузов по ним можно будет провозить не только много, но и очень быстро. Дело невиданное, но ведь смогли же его осилить австралийцы? Значит, надо смочь и нам, решил Петр, уже засыпая под утро.

## Глава 6

Я никогда не любил выбрасывать ставшие вроде как ненужными вещи. Ибо еще в школе уяснил один из основополагающих законов природы, звучащий примерно так:

"Всякая вещь оказывается позарез необходимой максимум через день после того, как ее наконец-то выкинули за полной ненужностью".

Однако офицерская жизнь как-то не очень способствовала практической реализации выводов из вышеописанного закона. До сих пор, как вспомню, сколько всего пришлось оставить, подарить или просто выкинуть, так жалко становится чуть ли не до слез. Но когда благодаря нашему дорогому Никите Сергеевичу меня выперли из армии, ситуация улучшилась. Потом появился гараж, в котором тоже можно было много чего хранить. Да и

на работе ненужное барахло я предпочитал отправлять не на помойку, а в специальную комнату в подвале.

Переехав на жительство в деревню, я ухитрился захватить с собой большую часть накопленного за жизнь барахла. И, собираясь в прошлое, полгода распахивал по зазорам между ящиками в сарае всякие вроде бы ненужные вещи. Именно так у нас в Австралии оказалась целая коллекция антикварной фототехники, начиная от здоровенной фанерной камеры из фотоателье.

Однако следует уточнить, что сформулированный мной закон обратной силы не имел. То есть из того, что какая-то вещь не выбрасывалась десятилетиями, вовсе не следовало, что она не понадобится вообще никогда. Взять, например, гэдэровскую железную дорогу, подаренную мной сыну на десятый день рождения.

Это была замечательная вещь. Локомотивы имели не электрический, а пружинный ход, заводясь ключиком. В стандартном комплекте имелся паровоз, маневровый тепловоз и восемь вагонов, включая два пассажирских. И четыре метра рельсов! Впрочем, они продавались и отдельно, так что я сразу докупил еще четыре. И добавил три четырехосных платформы, которых изначально в этом наборе не было.

Но сыну железная дорога надоела через две недели. После этого, терпя насмешки жены, я иногда доставал ее поиграть уже сам, но последние двадцать лет игрушка не покидала своей коробки. И за неделю до отбытия в семнадцатый век эта коробка переместилась в сарай, вскоре прыгнувший в прошлое вместе со мной, Виктором и котом Ньютоном.

Поначалу я не очень представлял себе ее применения, но в процессе подготовки второй экспедиции в Европу меня осенило. Так коробка с игрушкой оказалась на "Чайке", а вчера она была продемонстрирована Петру. Причем бросалось в глаза, каких усилий ему стоило оторваться от нее и как будущему императору хотелось предложить за такое чудо что угодно, но он все-таки сдержался. Я тоже, хотя меня так и подмывало сказать "да забирай ты ее на здоровье и играйся с ней сколько хочешь!". Но время подобных широких жестов еще не пришло, хотя его приближение чувствовалось по многим признакам.

К прошедшей встрече я готовился по классическому первоисточнику, то есть тридцать четвертой главе "Двенадцати стульев". Правда, речь Остапа Бендера, посвященная грядущему превращению Васюков в Нью-Москву с последующим междупланетным шахматным конгрессом, там была приведена не дословно, но на недостаток фантазии мне не приходилось жаловаться никогда, так что я без труда домыслил недостающее по месту. И, кажется, неплохо провел беседу с царем Петром. Поначалу он слушал меня с недоверием, но очень уж ему хотелось, чтобы развертываемые мной перспективы оказались правдой! Так что его скептицизм по мере беседы уменьшался, а после показа модели железной дороги исчез окончательно.

Понятное дело, что демонстрировать я ее начал не просто так. Аккуратно подвел беседу к тому, что Петр сам мне пожаловался на огромные расстояния России, при которых основные торговые пути проходят по рекам. Но они, во-первых, чуть ли не полгода покрыты льдом, а во-вторых, далеко не всегда текут туда, куда надо. В ответ на что мне оставалось только сообщить, что в Австралии эта проблема давно решена. И если ледяные дороги в российских условиях не очень оправданы, все-таки зима там не круглый год, то железные будут в самый раз.

— Скажи мне, Петер, — спросил я своего собеседника, — сколько груза сможет везти одна лошадь на телеге? Я имею в виду реально, скажем, от Москвы до Воронежа.

— Двадцать пудов, — прикинул Петр.

— Хорошо, пусть двадцать. А по рельсам та же лошадь потянет как минимум в десять раз больше! Если не в пятнадцать. Вот, смотри.

Показ железной дороги проходил в вестибюле посольского особняка, на мощеном не очень ровными плитами полу. Без рельсов в таких условиях тепловозик с трудом мог везти самого себя, переваливаясь маленькими колесиками по рытвинам и щербинам пола. Когда я

прицепил к нему платформу, он начал то и дело застревать, а после того, как она была наполнена мелким щебнем, и вовсе не смог сдвинуться с места.

А потом я поставил локомотив на рельсы. Прицепил пассажирский вагон, за ним две двухосные платформы, потом три четырехосные. Нагрузил состав и отправил его в путешествие. Надо было видеть, какими глазами Петр смотрел на постепенно разгоняющийся поезд.

После первой встречи Петр взял двухдневный тайм-аут, проведя это время со своим посольством. Но потом снова появился ко мне. Разницу в поведении я заметил сразу.

В прошлый раз молодой царь смущался и вел себя несколько скованно, особенно в начале разговора. Сейчас же он пришел уверенный в себе и с четким планом действий.

— Ты все-таки скажи, — наседали на меня, — вот был бы ты русским царем. Какое море воевать бы начал?

— Прямо сейчас — никакого, — пожал плечами я. — Армию сначала привел бы в порядок, чтобы она вся была как Преображенский и Семеновский полки. Производство пушек и пороха опять же нужно увеличивать. Офицеров учить, кто сейчас командовать будет? И только когда все будет готово, прикинул бы, кто сейчас слабее, Турция или Швеция, вот по слабому и ударил бы. Потому что на самом деле России нужны оба моря, и вопрос только в том, какое отвоевывать первым.

— Так, значит, прав я, мысля воевать у шведов выход к Балтике!

— А вот ничего подобного. Во-первых, войну ты уже начал, и именно с турками. Заключишь ты с ними мир или нет, дело десятое, все равно ты должен будешь держать на южном направлении значительные силы, то есть практически вести войну на два фронта. Кроме того, Карл Двенадцатый — отличный полководец, хоть ему и всего восемнадцать лет. Ты уж извини, но и тебе, и твоим генералам до него еще далеко. А шведский солдат — чуть ли не лучший в мире, куда там каким-то туркам. Сейчас для тебя шведы являются куда более серьезным противником.

Суть моей оговорки Петр уловил сразу.

— А не сейчас, попозже, или не для меня, а для тебя, они что, будут слабее?

— Разумеется, ведь ничто не вечно под луной.

Дальше я ему разжевывать не стал. Хотя смысл моей реплики был в том, что вся Северная война нашей истории держалась на авторитете и воинском искусстве Карла Двенадцатого. Учитывая же его не самую умную привычку во время сражений лезть вперед, ликвидация не будет представлять из себя такой уж неподъемной задачи для небольшой снайперской группы. Заодно и офицеров проредят, они по форме хорошо отличаются от солдат. Но, повторюсь, я не стал говорить этого царю. Пусть думает сам. Или, если обратится к нам за помощью, когда Карл ему основательно вломит, посмотрит, как с проблемой справятся австралийцы.

Тут нам принесли обед, и Петр замолк, а ближе к десерту переключился на железные дороги.

— Дело, конечно, зело правильное, — выдал он итог своих раздумий, — но сколько железа на них понадобится?

— Не железа, для начала сойдет и чугуна. Сажень рельсового пути весит без малого сто пудов.

Тут я сделал паузу — мне было интересно, насколько быстро царь считает в уме. Оказалось, что очень неплохо — результат он выдал примерно за минуту.

— Так это же из всего чугуна, что плавится в России, получится всего семьдесят верст в год!

— Правильно, но почему ты решил, что его нельзя плавить гораздо больше? Сам же Демидова собираешься отправить на Урал, где богатые руды.

— Кто сказал?! — вскинулся царь.

— Никто, просто я не дурак. Про то, что на Урале богатые рудные залежи, мы знаем со времен Мефодия и Кирилла. То, что Демидов недавно вернулся оттуда, после чего имел



несколько продолжительных бесед с тобой, тоже не секрет. А сейчас он кузнецов и рудознатцев со всей округи собирает. Чего тут ждать, пока кто-то скажет? И так все ясно.

— Места там богатейшие, — вздохнул Петр, — но путь больно далек. А, главное, людей-то где взять?

Вот мы и подошли к главному, подумал я. К тому, ради чего я и затеял сближение с Петром.

— Чтобы обучить хорошего мастера, нужно пять лет, — пояснил я, — но это в среднем, бывают такие самородки, что и за два все постигают. И железные руды в России есть не только на Урале, но и на Днепре, и под Курском. Австралия готова помочь в их освоении, что приведет к увеличению выплавки чугуна и железа в десятки раз, но на довольно жестких условиях.

Петр напрягся.

— Во главе выделенных под производство территорий ставятся наши люди, — начал я, — с правами царских наместников. То есть перечить им сможешь только ты, но это будет означать как минимум полный разрыв с Австралией, если не войну. А для всех остальных их слово будет царским.

Вообще-то самое главное я уже сказал и теперь ожидал полного неприятия данной идеи Петром, вплоть до вспышки ярости, но он нетерпеливо буркнул:

— Продолжай, чего замолк-то?

— Итак, в губерниях, где расположены эти зоны, а может быть, и в соседних, наши люди должны иметь право вербовать на работы добровольцев среди крестьян. При этом помещикам будет выплачиваться единая для всех утвержденная тобой компенсация.

— Где я столько денег-то возьму?

— Нами будет выплачиваться, — уточнил я. — Далее. Часть месторождений находятся в беспокойных местах, понадобятся воинские подразделения для охраны. Примерно полк, вот его предоставишь ты. Кроме того, мы будем вербовать добровольцев не только в рабочие, но и в солдаты. После семи лет работы или пяти — службы все эти люди получают волю, неважно, чьими они были до этого. Наконец, отработав или отслужив по три года, каждый, если захочет, сможет уехать в Австралию.

— А если к вам побегут, как сейчас на Дон, выдавать будете?

— Только совсем ни к чему не годных. А кто пригодится — за того помещику деньги, да и то после того, как бумагу предоставит, что это его мужики.

— Круто берешь, — хмыкнул царь.

— Как умею. Зато у тебя будут и железные дороги, и ружья, каких ни у кого в Европе нет, и пушки.

— Давай мы вот как сделаем, — предложил Петр, — устроим кумпанство. Директоров там будет два, один я, другой кто-то от вас.

— Наверное, я. Но как же мы решения-то принимать будем, если вдруг тебе захочется одного, а мне другого?

— Перво-наперво надо написать такой устав, чтобы в нем поменьше мест было, кои можно толковать криво. А вот как быть, если мы про такое заспорим, чего там не прописано... жребий, что ли, кидать?

Черт побери, подумал я. Было бы мне не девяносто с хвостиком, а хотя бы лет сорок, так попал бы я под обаяние государя нашего Петра Алексеевича! Ничего не скажешь, отошел от первого смущения и попер, как танк на окопы. Ладно, учтем, что в беседе с ним надо воздерживаться от принятия решений под впечатлением от его напора.

Так что я отпил лимонада, прошелся по кабинету, еще раз прикинул, во что может вылиться предлагаемое мной, и наконец сказал:

— Жребий, говоришь? А что, это можно. Но с двумя оговорками. Первая — ты даешь слово, что пять лет от основания компании, то есть пока она будет организовываться, не станешь пользоваться своим правом требовать жребия. Поспорим мы о чем-нибудь, например, но ты меня убедить не сможешь. Значит, если так, придется тебе смириться с тем,

что я буду делать по-своему.

— Ладно, пять лет сдюжу.

— Погоди, я еще не кончил. Так вот, после этого еще двадцать лет конфликты будут разрешаться по неравному жребию. Бросаем кости, твои цифры — один и два, мои — три, четыре, пять и шесть. И только после истечения двадцатипятилетнего срока управление компанией станет равноправным.

— С управлением я понял, а как делить будем железо?

— Треть нам, две трети России. Но из своей доли она поначалу должна почти все выделять на строительство железной дороги, да и потом не меньше половины. Тут вот какое дело — для выплавки чугуна нужна не только руда, но и каменный уголь, причем его надо много. Плавильные печи следует ставить именно рядом с угольными шахтами. Однако только на Урале месторождения одного и другого рядом. Здесь же в самом лучшем случае получится сто верст, а если брать от самого богатого углем района до крупнейших залежей руды, то набегит четыреста. Вот тут в первую очередь и надо строить дорогу. А потом, когда чугун начнет плавиться миллионами пудов в месяц, можно будет использовать его и на иные нужды.

— Когда кумпанский устав писать начнем? — вскопил Петр. Ему уже не терпелось. — И как назовем сие предприятие? У англичан и голландцев есть Ост-Индские кумпании. Быть нашей Российской Ост-Австралийской!

— Лучше прямо в названии уточнить, что она образована при высочайшем участии, — предложил я. — Жалко, что ты не император, хотя непонятно почему — Россия же есть самая настоящая империя. И компанию можно назвать Российской Ост-Австралийской императорской. Два учредителя — наш император и ты. И два директора, как договорились.

В этот день мы с Петром вчерне набросали основные тезисы устава будущей компании. Потом он три дня будет обсуждать их со своими спутниками. Я тоже, если позволит состояние ионосферы, проконсультируюсь с Ильей, а затем состоится официальный визит русского посольства в австралийское. Я пообещал, что вечером в честь этого события будет устроен грандиозный фейерверк, но предупредил, что стрелять мы будем из новейших и абсолютно секретных пушек, к которым послов не допустят. Но для господина бомбардира, учитывая сложившиеся дружеские отношения, будет сделано исключение. Если, конечно, он поклянется на библии и поцелует крест в том, что никогда и ни под каким видом ничего об увиденном никому не расскажет. Пусть во время обсуждения устава у Петра свербит мысль — а что же такого мне покажет этот герцог? Глядишь, и документ получится более пригодный для приведения его в желательный для нас вид.

Смысл организации будущей компании для нас состоял в двух вещах. Первое — создать стационарную европейскую базу для отбора потенциальных иммигрантов. Одно дело, когда берешь не пойми кого, и совсем другое, когда эти люди годами работали у тебя на глазах. Вторым же пунктом нашего интереса являлся военный союз с Россией. Ведь при правильной организации дела всегда можно добиться того, что все металлургические и машиностроительные заводы компании без нашего участия окажутся неработоспособными, что придаст такому союзу дополнительную прочность. А нужен он в основном против поползновений морских европейских держав. Потому как времена, когда великую и могучую Австралийскую империю можно было между делом придавить пятью-шестью кораблями, давно прошли. Теперь для этого потребуется эскадра, соизмеримая с Великой Армадой. Но та же Англия десять раз подумает перед отправкой чуть ли не всего флота черт знает куда, если у нее под боком будет иметься неплохо вооруженный австралийский союзник.

## Глава 7

Я вышел за пределы площадки, закрытой от любопытных глаз натянутым между кольями полотном. Хватит, чай и на испытаниях настрелялся из этих минометов по самое дальше некуда. А вот Петра оттуда было не оттащить. Впрочем, этого никто делать и не

собирался. Пусть резвится, ведь первый же раз в жизни человек стреляет из миномета! А что он уже ухитрился разодрать рукав кафтана, перемазать руки в масле, а физиономию в копоти — так это никому не интересные мелочи. Зато какой из него минометчик получился! Пять секунд на выстрел, я специально заметил время.

Все преимущества новых орудий молодой царь понял сразу, несмотря на то, что сейчас они использовались для фейерверков. Во-первых, миномет бьет навесным огнем, то есть крепостные стены ничуть не помешают обстреливать то, что внутри них. И имеет очень высокую скорострельность — одно такое орудие заменит двадцать мортир похожего калибра. Надо думать, что сразу после салюта он начнет приставать ко мне с просьбами рассказать об устройстве как самого миномета, так и снарядов к нему.

Разумеется, я удовлетворю его любопытство и кое-что расскажу, но не все. И не сразу, объяснив, что не люблю суеты. У нас же на сегодня по плану осталось редактирование и утверждение статей с седьмой по одиннадцатую? Вот закончим с этим и перейдем к минометам, если, конечно, будет еще не очень поздно.

Ибо десятым пунктом шел статус будущих железных дорог, и я хотел документально зафиксировать, что они становятся территориями компании с момента утверждения плана постройки очередного участка. И пусть лучше Петр не очень задумывается, почему записывается именно такое, а спешит поскорее поставить свою утверждающую подпись под окончательным вариантом.

Мне так и не удалось толком проконсультироваться с Ильей по поводу организуемой компании. Во-первых, связь была довольно плохая. Но дело было не в ней, а в том, что Илья начал сеанс с сигнала, что у него важное сообщение, и передал его два раза подряд. Смысл состоял в том, что на днях он уходит в экспедицию, а в Ильинске на хозяйстве остается Михаил. Император решил лично возглавить поиск двух английских кораблей, отправившихся открывать Антарктиду. К походу готовились "Победа" и почти однотипный с ней недавно спущенный на воду "Трабант".

— Чего ты там позабыл? — отстучал я в Ильинск.

— Англичане должны найти нашу метрополию, — пришел ответ. — С нами идет Тахи Каура.

Ага, подумал я, ситуация начинает проясняться. Этот Тахи во время появления Ильи был младшим учеником шамана, но за прошедшие с тех пор четверть века он сильно подрос в должности. В данный момент Тахи являлся верховным шаманом мориори и одновременно оберштурмпастырем Австралийской христианской церкви, ответственным за духовное окормление патагонцев и буратин. А теперь, значит, Илья потащил его с собой на поиски английской экспедиции? Кажется, я понял, что они там задумали. И передал:

— Успехов в разводе, Кашпировские!

— Пошел к черту, конец связи, — пропищали наушники, и я выключил радиостанцию. Ладно, пусть Илья вспомнит молодость, авось и получится что-нибудь интересное.

Дело было в том, что свой путь к машине времени Илья начинал с изучения гипнотизеров, ясновидящих и прочих экстрасенсов. Причем не жуликов, а тех, кто хоть что-то действительно мог. Так что по крайней мере теорию гипноза он знал неплохо, ибо не только читал соответствующую литературу, но неоднократно присутствовал на проводимых специалистами сеансах. Оказавшись на острове Чатем, мой друг несколько раз применял свои знания на практике во время выступлений перед аборигенами. Тем же самым баловались и местные шаманы, наиболее способным среди которых со временем оказался именно Тахи. И теперь они с Ильей собирались найти англичан, для чего взяли с собой все три мои лучшие летающие модели с телекамерами. А найдя, как-то убедить пациентов в том, что они действительно видели австралийскую метрополию. Разумеется, внушаемыми окажутся не все, но это означает только то, что экспедиция вернется домой далеко не в полном составе.

После салюта еще раз мысленно пожелал успеха обеим экспедициям, и английской, и австралийской, а затем отправился к себе, по свежим следам перенести на бумагу свои

впечатления о Петре, посмотреть видеозаписи и выделить наиболее интересные моменты. В основном меня интересовали периодические судороги, дергающие его правую щеку, но и все остальное, из чего потом можно будет составить достоверный психологический портрет, тоже лишним не окажется. Ибо всем известно, что одной из доминирующих черт всякого порядочного австралийца является сострадание к ближнему! И, естественно, я исключением из этого правила не являлся, то есть уже начал потихоньку сострадать Петру. Ну в самом деле, что за жену ему подсунула покойная мамаша! Помощи в делах от нее — даже не ноль, а отрицательная величина. Пока царь тут мечется по Европам, причем не знаю как в Голландии, а в Англии он даже любовницу себе не завел, все времени не было, эта дура связалась с оппозицией. Там ведь скоро стрелецкий мятеж начнется, если кто не в курсе. Ладно, с первой супругой Петр неплохо разберется и сам. Но он ведь хоть и не сразу, но найдет вторую, будущую императрицу Екатерину Первую. Однако вот здесь ему лучше немного помочь. Одним из основных достоинств той Кати было умение массажем снимать мучающие царя головные боли. Так у меня про мануальную терапию прорва информации из двадцать первого века! А среди мориори тоже есть неплохие специалисты, работающие по своим методикам. И, разумеется, в школе имени Штирлица третий год учатся просто замечательные девушки, каждая из которых, я уверен, окажется Петру куда лучшей женой, чем он выбрал сам. А точнее, просто вытащил из-под Меньшикова.

Покончив с записями, я глянул на часы — четверть двенадцатого, то есть еще не поздно посетить супругу. Тут мне, конечно, могут возразить, что подобное никогда не бывает ни поздно, ни рано, и я в принципе соглашусь. Но мне нужно было успеть еще и побеседовать с ней по поводу завтрашнего бала, который будет дан в нашем посольстве якобы в честь Франца Лефорта, а на самом деле Петра.

У меня была мысль предложить Элли включиться в работу по снабжению русского царя идеальной женой. Ведь она женщина, ей будет виднее, к каким именно типажам окажется особенно равнодушен опекаемый. Заодно можно будет уточнить, сколь далеко заходит ее лояльность по отношению к Мосли, то есть что она расскажет ему о нашей беседе и последовавших за ней своих действиях. Ведь я не зря лично принимал участие в изготовлении утыканных драгоценными камнями побрякушек, без которых она не выходила из посольства. Ну нельзя же, в самом деле, выпускать бедную девочку в такой опасный город, как Лондон, без радиомикрофона!

Поначалу Элли чуть не обиделась — она почему-то решила, что я хочу подложить Петру именно ее. Пришлось потратить минут десять на объяснения, что она мне и самому нужна, а для Петра найдутся другие, девушек в Австралии много. Элли поверила, для порядка чуть надулась, что я, оказывается, счел ее женское обаяние недостаточным для выполнения подобной задачи, после чего включилась в обсуждение проблемы. Свелось оно в основном к раздумьям — чего надеть ей, чего мне и каким образом нам следует явиться на бал. Герцогиня решила, что оптимальным вариантом будет приезд на велосипедах.

— Со второго этажа на первый? — не понял я.

— А что, на них можно ездить и по лестницам? Милый, но почему же ты меня до сих пор этому не научил?! Как было бы оригинально, просто слов не хватает. Ну, а завтра мы с тобой явимся на бал прямо с моциона, который будем совершать по Гайд-парку. И почему там до сих пор нет асфальтовых дорожек, как у нас в Ильинске? Скажи об этом королю, а то мне как-то неудобно. И давай еще раз уточним, в каком порядке пойдут мелодии в музыкальной шкатулке.

Под это изделие был замаскирован небольшой комбик. Собственно, для превращения его в музыкальную шкатулку потребовалось всего лишь пустить позолоту по ребрам, вклеить в углы небольшие рубины и снабдить ручкой, какие в свое время были у патефонов. Мы собирались продемонстрировать темным европейцам не только велосипеды, но и вальс. Пусть учатся, а то ведь до рождения Штрауса осталось всего сто с небольшим лет, а про вальс до сих пор никто вообще не слышал.

С моей точки зрения, бал прошел весьма неплохо. Его организацией занимался наш

военно-морской атташе лейтенант Кеша Тамахи, и можно было сказать, что по крайней мере роль массовика-затейника он освоил вполне прилично. Русскую сторону, кроме десятка таращивших глаза на окружающее волонтеров посольства, представляли Петр, Головкин, Меньшиков и, наконец, официальный виновник торжества Лефорт. Причем этот явно прибыл в Лондон именно для встречи с нами, потому как в той истории он не сопровождал Петра в Англию, оставшись в Голландии.

Я с интересом присмотрелся к царскому фавориту, именем которого в будущем был назван не самый маленький район Москвы. Да, не знал бы, что ему всего сорок три года, с ходу дал бы лет на десять больше, а потом, может, и добавил бы. Темные круги под глазами, когда-то утонченно-аристократическое, а теперь просто одутловатое лицо... нелегко же ему далась близость к царю.

Лефорт сказал приветственную речь на английском, потом я — ответную на русском, после чего глянул на Меньшикова и провозгласил:

— Господа! Позвольте представить моего друга из прекрасной Франции. К счастью, война уже закончилась, и он может без помех посещать страны, ранее бывшие противниками его родины. Итак, прошу любить и жаловать — виконт Александр де Тасьен!

Своим приглашением виконт был обязан достижениям электроники. Разумеется, как только стало известно, в каком доме остановилось русское посольство, наш резидент и посол отец Юрий тут же озаботился постановкой там прослушки. И вскоре я слушал запись беседы царя с Меньшиковым, где Алексахе было приказано выпить со мной как можно больше. Ага, так я и разбежался гробить тут вам свое здоровье. Как там говорится в татарских народных сказках? Вы сначала с моим меньшим братом справьтесь!

Петр тем временем представил мне Меньшикова, а де Тасьен тут же предложил выпить за знакомство. Мы подошли к барной стойке, и вскоре начался, если можно так выразиться, турнир Россия — Франция. Вообще-то я болел за Алексахку, все-таки в какой-то мере свой, русский, можно сказать, почти австралиец. Но особых надежд у меня не было — я не раз видел виконта в деле.

Чуть забегаю вперед, скажу, что царский любимец и будущий светлейший князь проиграл этот турнир вчистую. Уже через полтора часа он был в бессознательном состоянии оттащен от стойки и положен в уголок, а де Тасьен всего лишь приобрел преувеличенную устойчивость походки и некую благородную неторопливость речи. Морда же у него была красной и до начала турнира.

Пока Меньшиков с де Тасьеном занимались дегустацией продукции посольского самогонного аппарата, начались танцы. Все дамы были англичанками, специально приглашенными на бал через Мосли. Кроме моей супруги, разумеется, которая уже второй год являлась чистокровной австралийкой. Мы показали гостям тур вальса под "Амурские волны", потом под Штрауса то же самое проделал Вася Баринов с какой-то вроде как графиней, а затем начались менее экзотические пляски.

Петр во все глаза пялился на мою жену. Однако вскоре к нему подошел Мосли и, встав на цыпочки, что-то шепнул на ухо, после чего русский царь покраснел и теперь все время старался смотреть в противоположную от Элли сторону. Впрочем, это у него не очень хорошо получалось. Чтобы помочь молодому человеку справиться со смущением, я подошел к нему и завел разговор о стрелковом оружии.

Господин бомбардир воодушевился. Он уже видел наше барабанное ружье из тех, что мы привезли англичанам, и сразу спросил, почему это чудо техники мелким оптом. Услышав ответ, царь помрачнел, но я провел его в мастерскую при посольстве и показал там еще одно свое творение.

Вообще-то оно представляло собой мою вольную импровизацию на тему "Браун Бесс", основного ружья английской армии с тридцатых годов восемнадцатого и до начала девятнадцатого веков. Я чуть уменьшил калибр и укоротил ствол, благодаря чему оружие приобрело хоть какое-то подобие баланса. И усовершенствовал курковый механизм. Теперь он состоял из пяти штампованных деталей и двух пружин. Кроме упрощения производства,

моя конструкция позволяла, скусив патрон, сначала насыпать порох на полку, а потом забивать патрон в ствол, что давало возможность несколько увеличить скорострельность.

— Но это не главное, — пояснил я, — вот, смотри. Только никому не говори про то, что увидишь. И держи молот.

Петру была вручена приличных размеров кувалда. Тем временем я достал свой вырубной штамп, раскрыл его, взял небольшой железный лист и докрасна нагрел его паяльной лампой. Затем положил железяку в штамп, прихлопнул крышку и скомандовал:

— Бей!

Царь ударил. Я раскрыл штамп, убрал обрубок листа и высыпал на железный стол все пять заготовок куркового механизма.

— Осталось только снять заусенцы, просверлить четыре дырки и изогнуть детали по шаблону. С такой операцией любой мальчишка будет справляться самое большое после месяца обучения, — закончил я показ передовых технологий. — И Российская Ост-Австралийская императорская компания готова организовать подобное производство в твоей стране.

Петр смотрел на результат всего одного своего удара, широко раскрыв глаза. Ведь он неплохо представлял себе, сколько труда потребует изготовление подобных деталей ранее известными способами. И какой квалификации мастера смогут справиться с этим.

— А стволы? — возбужденно спросил он, — стволы можно так делать?

— За один удар — увы, нет. Но там тоже есть где упростить технологию. В общем, года через полтора можешь начинать заказывать заводам компании такие ружья.

— Долго, — разочарованно протянул царь.

— Кажется, есть такая русская поговорка: "поспешись — людей насмешишь". Один раз ты уже пытался взять Азов без серьезной подготовки. Показалось мало?

Собеседник помрачнел.

— Мне ведь предлагают союз против шведов, — буркнул он.

— Ага, Саксония и Дания. Да с такими союзниками никаких врагов не надо! Позицию Англии по данному вопросу ты уже прояснил?

— Еще нет, Вильгельм примет меня завтра вечером.

— Вот после этой встречи и вернемся к разговору про последовательность выхода России к морям. Хотя интуиция мне подсказывает, что ничего нового по сравнению со мной английский король тебе не сообщит.

Моя уверенность базировалась на том, что в Северной войне нашей истории, особенно в ее начале, англичане и голландцы хоть и неофициально, но совершенно недвусмысленно поддерживали шведов. А теперь, когда у Вильгельма образовался интерес к прорытию Суэцкого канала, английский монарх тем более постарается направить энергию Петра на создание трудностей туркам.

— Ладно, — предложил я, — давай возвращаться в залу, чай, не последний раз видимся. Посмотрим, как там Александр Данилович против француза — пока держится или уже спекся?

## Глава 8

За всеми текущими заботами как-то незаметно наступил новый, тысяча шестьсот девяносто восьмой год. Сразу после сравнительно скромного празднования я занялся примерно тем, чем мой кот Ньютон по прибытии на остров Чатем. И, что характерно, с очень похожим результатом.

Хвостатый, чуть освоившись на новом месте, облазил весь остров в поисках кошек, но его тогда постигло глубокое разочарование. Я же, фигурально выражаясь, перерыл чуть ли не все английские острова в поисках хотя бы одного турка, но тоже потерпел фиаско — турок в Англии не водилось. Более того, де Тасьен заверил меня, что и на атлантическом побережье Франции я их вряд ли найду. Тут надо было двигаться в Средиземное море.

Разумеется, подданный Османской империи нужен был мне вовсе не для того, для чего Ньютону кошка. Я просто хотел уточнить, как наши корабли будут форсировать черноморские проливы — с шумом или без такового. Потому как в связи со скорой организацией Российской Ост-Австралийской компании мне что-то захотелось посетить Азов, и Илья перед самым своим отплытием успел одобрить эту мою инициативу.

Кроме вполне объяснимого любопытства, меня туда влекло и желание не допустить повторной встречи Петра с Августом. А то мало ли чего этот политикан ему насоветует. В прошлой истории, вон, добился подписания тайного договора против Швеции. Нет уж, идет он лесом, вместе с датчанами воевать со Швецией, а Петра, кажется, удалось убедить продолжать движение к Черному морю, но без спешки. Так как он после Англии вообще-то собирался в Венецию, то я предложил ему место на "Чайке". Мол, все равно туда собираюсь, знаменитый город и так далее. И царь с нарочным отправил письмо об изменении своего маршрута в Москву. От меня теперь требовалось так подгадать время отплытия, чтобы известие о стрелецком бунте застало Петра именно в Венеции. Тогда, возможно, мы быстро доставим его прямо в Азов, где он успеет лично сделать необходимые распоряжения о полномочиях остающихся там первых представителей будущей компании.

Однако пока это все были только планы, ни одного живого турка я еще в глаза не видел и очень смутно представлял, что может ждать нас в Дарданеллах и Босфоре.

Все остальное, кроме поиска правоверных, шло своим чередом, и сравнительно неплохо. Из чугунных отливок, предложенных нам английскими мастерами, в брак ушло не более десяти процентов. Я ожидал худшего, потому как англичане до сих пор лили свои пушки из бронзы. Но оказалось, это не оттого, что они не умели обращаться с чугуном, а просто из консерватизма. Надо иметь в виду такое свойство их национального характера, подумал я. Очень полезное качество, особенно когда его проявляет стратегический соперник.

Петр тем временем постигал основы теории кораблестроения, причем более интенсивно, чем в прошлой истории. Потому как кроме английских корабелов с ним занимался и я.

Молодой царь оказался очень способным учеником, схватывающим все буквально на лету. Но если что-нибудь не пошло, то это было уже все. Ни малейших признаков усидчивости мне в нем обнаружить не удалось. В общем, он был из тех, кто в школе получал бы всего две оценки — либо пять, либо два.

— Математику бы тебе подучить с физикой, — как-то раз сказал я ему, — однако у меня просто нет времени заниматься ими с тобой, ты уж извини. Но одновременно с постройкой заводов компания откроет и школы, в том числе одну высшую. Вот там я бы на твоём месте не пожалел времени для прохождения курса.

Продолжать я не стал, ибо сам был пока не уверен, что именно так и будет. Но, скорее всего, математику с физикой в той высшей школе станет преподавать Светлана Барина, очень способная девочка, до разведшколы учившаяся лично у своего отца, и весьма успешно.

Кроме того, меня порадовала Элли. В беседе с Мосли она сказала всего лишь, что я просил ее убеждать Петра в необходимости выхода именно к Черному морю, мотивируя это невиданным расцветом торговли с Австралией. Ну что же, девочка, похоже, сделала свой выбор и теперь считает себя скорее австралийкой, нежели англичанкой.

Надо сказать, что мой царственный ученик и без всяких убеждений периодически вопрошал меня — а вот я что бы делал в такой ситуации, каковая сложилась у него после взятия Азова?

— Сначала — точно то же самое, что и ты. То есть отправил бы хорошего дипломата заключить с турками мир. Кто там у тебя сейчас, Возницын? Ничего, способный мужик, он справится. Мир, естественно, надо предлагать на условиях, что турки отдадут Керчь. Они, ясное дело, и слышать об этом как не желали, так и в будущем желать не будут. Тогда, угрожая продолжением войны, надо заключить перемирие на два или даже лучше на три года. С этим, я думаю, турки в конце концов согласятся.

Полученное время я бы использовал для подготовки к войне — раз, и для

дезинформации противника — два.

— Чего-чего противника?

— Дезинформации, это по-военному так называется обман. Жил когда-то давно в Китае великий полководец, которого звали Сунь Цзы. Он не только одерживал впечатляющие победы, но и написал трактат "Искусство войны", я могу подарить тебе его перевод на австралийский. Так вот, там написано, что война — это путь обмана. Если ты слаб, убеди противника, что ты силен. Кстати, этот пункт ты уже начал неплохо выполнять — турки имеют явно преувеличенные сведения о силе твоего азовского флота. Но дальше Сунь говорит: если ты силен, покажи противнику свою слабость. То есть пусть турецкие шпионы узнают, что построенный в Воронеже флот рассыхается, потому как сделан из дрянного дерева, гниет, а экипажи судов ни к чему не способны. Ведь на самом деле все это правда, так? Но за два года ты должен построить новый флот, предназначенный для взятия Керчи и ее последующей обороны. Небольшой, но качественный и мощный, и вот про него турки не должны знать ничего. И, наконец, самая главная мысль Сунь-Цзы звучит так: война любит победу и не любит продолжительности. То есть готовиться нужно тщательно, не торопясь, а брать Керчь быстро. За неделю, максимум за две, пока турки не успели перебросить туда подкрепления.

— Да как же ее возьмешь за неделю, это сколько же пушек надо с припасами?

— А вот это я тебя должен спросить — где план Керчи? Подробный, с указанием толщины стен, расположения артиллерии, складов, арсеналов, казарм и дворцов начальства? Где карта Керченского полуострова, на которой обозначен каждый овраг, ручей и холм? Вот с чего надо начинать подготовку к войне. Хороший шпион иногда стоит подороже иной армии. Но их готовить надо, сами собой они не вырастают. Между прочим, для составления планов можно использовать не только шпионов, но и воздушные шары.

В этом месте лекция была прервана. Петр, узнав, что в посольстве есть небольшие монгольфьеры, оказался просто неспособен слушать дальше, не посмотрев, как летают эти полутораметровые бумажные мешки. Пришлось выйти в парк и на радость русскому царю запустить воздушный шарик на нитке. Однако после запуска Петр снова вернулся к ранее обсуждаемой теме.

— Красиво ты все говоришь, но мы ведь Азов взяли и без всяких подобных премудростей!

— За два года, — пожал плечами я, — и положив при этом вдесятеро больше солдат, чем турки. Пожалуй, таким примерно образом можно будет взять и Керчь, после чего сил у тебя уже не останется. А у турок их хватит, чтобы выбить тебя не только оттуда, но и из Азова. В общем, я тебе не зря рассказал по Сунь Цзы. Почитай, очень дельные вещи человек пишет, а потом можно будет и продолжить наши интересные беседы.

Но следующая наша встреча началась с обсуждения не тонкостей подготовки к взятию Керчи, а моего предстоящего выступления в Палате общин. Вильгельм сказал, что она должна утвердить сдачу нам в аренду островов Силли в обмен на предоставление англичанам на тех же условиях острова Махорий. И я поинтересовался у молодого царя:

— Петер, можно попросить тебя о небольшой любезности? Я тут завтра собираюсь выступать в английском парламенте по поводу островов, на которых мы хотим устроить сборочную базу для воздушных кораблей. Так вот, ты не против, если я скажу, что в случае неудачи с архипелагом Силли ты тут же предоставишь мне требуемый остров или полуостров на российской земле?

— Но зачем, — не понял собеседник, — на землях компании ты и так будешь являться хозяином!

— Да, но англичане-то этого не знают, ибо нефиг. Кроме того, на самом деле я буду пугать их вовсе не твоим островом. Почему, как ты думаешь, де Тасьен днюет и ночует в посольстве?

— Ага, — догадался Петр, — на самом деле Людовик тебе ничего не обещал? А то уже ходят какие-то слухи. И ты хочешь сказать, что остров тебе предоставляю я, чтобы палата



общин подумала, будто на самом деле тебе его дадут французы, просто об этом еще рано говорить? Хитрая, однако, вещь этот европейский политик.

— Ой, да не надо. Когда купцы друг друга надуть собираются, и похитрее комбинации сочиняют. Так ты не будешь возражать?

— Ладно, говори, что я обещал тебе Соловецкие острова на Белом море.

— Отлично! А в знак моей признательности прими, пожалуйста, небольшой подарок — модель железной дороги, которую недавно тебе демонстрировали. Только, будь добр, в Англии ее никому не показывай, потерпи до России.

— Пусть пока у тебя побудет, — сделал над собой героическое усилие молодой царь, но все же не выдержал:

— Вот только прямо сейчас нельзя на нее маленько глянуть?

"Маленько" действительно оказалось не очень продолжительным, и спустя всего полтора часа наигравшийся Петр покинул посольство.

Правда, я и показывал, и подарил ему не совсем полный комплект, паровозик остался у меня. Больно уж реалистично он был сделан, по его шатунам кто-нибудь не в меру умный вполне мог воссоздать конструкцию машины Уатта.

Однако неугомонный Август достал Петра и в Англии, послав туда курьера с письмом. Как чуял, гад, что на обратном пути царю будет не до него! И в этом письме он предлагал уже в будущем году начать совместные боевые действия против шведов с целью отобрать Лифляндию, которая отойдет ему, Августу, а также Ингрию с Карелией, эти достанутся России. И чего ему неймется по поводу той Лифляндии, думал я, слушая запись беседы Петра с Лефортом, Головкиным и Меньшиковым. Лучше бы он свой польский трон хоть как-нибудь укрепил, а то ведь сейчас в Польше не король, а натуральная фикция — самый задрипанный пан в своей деревеньке на того короля может класть с прибором. Или вообще сидел бы смирно в Саксонии, чем у серьезных людей под ногами путаться. Ну ничего, Карл ему скоро крылышки-то пообломает. А от меня требовалось подсуетиться, чтобы под раздачу за компанию не попал и русский царь.

Судя по записи, он придерживался довольно разумной точки зрения.

— Нельзя нам сейчас воевать с Карлом, — возражал он Алексахке, вознамерившемуся прямо этим летом показать шведам кузькину мать, — пока с Турцией нет мира. Именно мира, перемирие тут неуместно, как увязнем в Ингрии, вот тут турки и ударят. Так что, Азов им назад отдавать с городками, как того султан требует? Нет уж, будет надежный мир на юге, тогда и про север думать начнем.

— Да и Август с датским Фредериком спешат, ой спешат, — заметил Головкин. — Чего бы им не подождать, пока начнется война за испанский трон? Ихний король больше двух лет не протянет, а тогда уже точно за Швецию никто не вступится, своих дел хватит.

Тут Петр, помолчав, сказал такое, что я его даже зауважал.

— Верно ты говоришь, Гаврила Иванович, но я твои слова вот чем дополнить хочу. Заклучим мы сейчас перемирие с турками на три года. Они, если не дурные, сразу задумаются — а на что нам нужен такой срок? Глянь, и догадаются, что на подготовку взятия Керчи. А вот если басурмане узнают, что мы готовимся к войне с Карлом, они решат, что перемирие нам надобно именно для этого. Так что не след прямо сразу Августу отказывать. Лучше подумайте, други, что ему в ответе написать да как отправить, чтобы и султан узнал, о чем мы с польским и датским королями договариваемся.

В общем, при таких настроениях молодого царя мне на ближайшей встрече оставалось только обратить его внимание на частности.

— Ты уже Суня хотя бы мельком прочитал? Вот и хорошо, значит, понимаешь, что командование войсками должно происходить из единого центра. Так что соглашайся с Августом и Фредериком, а как дойдет до дела, напони им про принцип единоначалия. То есть всеми союзными войсками должен командовать кто-то один. И предложи на эту должность себя, потому как из вашей троицы только ты имеешь реальный боевой опыт. Ты Азов брал, а эти два короля что? И послушай, что они тебе скажут в ответ на это

предложение, которое, между прочим, вполне разумное.

— Как вернусь в Москву, ко мне шведские послы приставать начнут, чтобы я подтвердил вечный мир со Швецией, — поведал царь.

— Начнем с того, что первым его должен подтвердить Карл, так послам и скажи. И добавь, что после этого ты не будешь видеть никаких препятствий к ратификации.

Надо заметить, что в разговорах с Петром я безбоязненно вставлял в речь заведомо незнакомые ему слова, следя только, чтобы об их значении вполне можно было догадаться из контекста. И, действительно, затруднений у нас с собеседником не возникало.

— Но спешить не надо, — продолжил я. — Мало ли, вдруг шведы в каком документе слово "величество" напишут с недостаточно большой буквы или там при аудиенции послы будут без должного энтузиазма лбами по полу стучать — на все это надо будет обратить их внимание. Если хочешь, могу дать подборку, что говорил Людовик Четырнадцатый про необходимость строжайшего соблюдения этикета. Да и вообще, будто мало у тебя там чернильных душ, которым только позволю, так они до каждой буквы смогут по десять раз докопаться! А тут особенно волынить и не надо, лет пять — и все, а то и в три получится обернуться.

Естественно, мои многочисленные и вполне приятельские встречи с "господином бомбардиром" никак не могли пройти мимо внимания английского короля. И вот он, пригласив меня на ужин для уточнения нашей совместной позиции по будущему Суэцкому каналу, в конце беседы сменил тему:

— Мой друг, не считите меня лезущим не в свое дело. На самом деле я, видимо, как-то незаметно для себя постарел, потому что не могу понять очевидных для вас и молодого русского царя вещей. И мне просто любопытно — чего такого сверхценного может поставлять Россия Австралии, ради чего вы даже готовы принять участие в войне с Турцией?

Ишь, как его задело, даже не пожалел подтвердить мне, что сведения из русского посольства текут, как из решета. Ну не врать же столь достойному человеку? И я начал выдавать чистую правду, с каждым предложением все более удаляясь от истины.

— Во-первых, нас интересует уран, а его в России достаточно. Это металл, который настолько тверже железа, насколько оно само тверже свинца. Кроме того, на севере России много никеля. Тоже вряд ли известный вам металл. В Саксонии есть небольшие месторождения его руды, но ее используют только для окраски стекол в зеленый цвет. Однако они, эти месторождения, совсем маленькие, не сравнить с русскими. Никель довольно похож на железо, но, в отличие от него, абсолютно не ржавеет. Свифт видел такие изделия во время путешествия на "Чайке".

Вильгельм кивнул, а я продолжил:

— Кроме того, Россия богата вольфрамом, этот металл ценен своей тугоплавкостью. Но самое главное...

Тут я сделал трагическую паузу.

— Самое главное в том, что в ней есть богатейшие месторождения алюминиевых руд! Я даже не знаю, насколько они велики, но подозреваю, что не меньше наших, австралийских, которые к тому же кое-где уже исчерпаны.

Вот так, дорогой товарищ король, подумал я. Надеюсь, это покажется тебе достаточно весомым набором причин? Тем более что в моих речах не было ни полслова неправды, и ты должен это почувствовать, я знаю.

## Глава 9

Однажды вечером я снова ужинал у Вильгельма. Как всегда, прием пищи был совмещен с беседой, тему для которой в этот раз выбрал я. А для ее более глубокого развития захватил с собой микроскоп. Это был самый простой из всех, имеющихся в нашем распоряжении, купленный в магазине наглядных пособий на Кутузовском еще в начале семидесятых годов — естественно, двадцатого века. Однако его пятисоткратного увеличения

вполне хватало для рассмотрения не только инфузорий, но и куда более мелких микробов.

Я подождал, пока Вильгельм потянется к графину с водой, которой он разводил вино, и предложил посмотреть, что именно король собирается принять внутрь.

Ему хватило всего пяти минут, чтобы, слегка поблуднев, оторваться от окуляра.

— Ну и мерзость, — пожаловался он, — особенно вот эти, большие, треугольные и с какой-то бахромой по краям.

— Инфузии-туфельки, — пояснил я, — эти-то как раз безобидные. Оказавшись в желудке, они бы просто сдохли, не нанеся вам никакого вреда. Но ведь там были и другие, гораздо меньшие по размерам. Среди них встречаются разновидности, могущие жить и размножаться внутри вашего организма. Причем не только в желудке или кишечнике, но и в крови, в легких, мышцах, даже в мозгу. Представляете, что с вами будет, когда внутри вас начнут множиться сначала миллионы, а потом миллиарды подобных тварей? Правильно, вы заболите. Практически все болезни вызываются тем, что в человека попали микробы и начали там размножаться. Причем каждая порода вызывает свою болезнь.

Далее я рассказал королю о составе крови и пояснил роль лейкоцитов как внутренних полицейских организма. Уточнил, что они способны учиться, и, если человек выздоровеет, например, от оспы, то его лейкоциты уже будут знать, как бороться с вызывающими эту болезнь микробами, и больше их хозяину оспа не угрожает.

Разумеется, я знал, что оспа имеет вирусную природу и механизм иммунитета к ней несколько иной, но не стал грузить собеседника и наверняка стенографирующего нашу беседу сотрудника Мосли лишними сведениями. Пока и так сойдет.

Тут на лице короля появилось вообще-то несвойственное ему выражение затаенной грусти.

— Эх, и почему вы не явились к нам на несколько лет раньше, — вздохнул он, — моя жена, Мария, скончалась от оспы всего четыре года назад.

— А до нашего появления тут не знали — люди, один раз переболевшие оспой, больше ей не заражаются? — поинтересовался я. — И что мешало вам приказать кому-нибудь найти способ заражения человека какой-нибудь слабой разновидностью этой болезни, которая заведомо не смертельна, но после нее образуется иммунитет? Более того, ваши доярки прекрасно знают, что переболевшим коровьей оспой человеческая не страшна. Просто никому не нужно было искать способы борьбы с болезнями, так при чем тут наше появление? Ваша жена умерла от вашего же безразличия к этим проблемам, вот и все. А говорю я это к тому, что однажды от подобной причины можете помереть и вы, чего лично мне не очень хотелось бы. Поэтому запомните, пожалуйста, две вещи. Первая — все болезни от грязи! Потому что в ней полно микробов. В общем, мыться надо чаще, что, кстати, москвиты во главе со своим царем прекрасно понимают. Второе — лекарство есть яд для микробов, вызывающих конкретную болезнь, но безопасный для человека. Кстати, мне тут недавно сообщили, что, оказывается, голландец Левенгук изобрел микроскоп еще тридцать лет назад. Ну так закажите ему десяток самых лучших, а потом посадите своих ученых исследовать, какой микроб какую болезнь вызывает и от какого яда дохнет. Для этого совершенно не нужны австралийцы, вы прекрасно справитесь и сами.

Вообще-то я захватил с собой этот микроскоп с целью подарить его Петру для стимуляции развития медицины в России. Так что даже если бы я сейчас ничего не рассказал английскому монарху о микробах и связанных с ними проблемах, максимум года через три в Лондоне это узнали бы и сами, разведка у них работает очень неплохо. Но такое могло вызвать неприятный осадок — ведь сейчас-то у нас отличные отношения, мало ли, кто там будет чьим вероятным противником через двадцать лет! Тем более что я надеялся на некоторые бонусы в обмен на свое душевное благородство, так что без особых сомнений устроил этот сеанс санитарного просвещения.

А через день после Вильгельма достижениями австралийской оптики любовался уже и русский царь. Причем разница в поведении двух монархов бросалась в глаза сразу. Английскому потребовалось порядка пяти минут — убедиться, что данный прибор

действительно увеличивает изображение объектов в сотни раз, и в капле воды обитает множество мельчайших живых существ. После чего он предпочел слушать мои объяснения, а не смотреть в микроскоп самому. Петр же прилип к микроскопу часа на полтора. Он даже достал нож с целью сделать порез на руке и посмотреть, как выглядит кровь, но я удержал его. Рассказал о болезнетворности микробов, после чего снова усадил гостя за микроскоп, смочил его нож водой и, стряхнув каплю на предметное стекло, предложил полюбоваться, какой зверинец мой гость чуть не запустил себе в кровь. После чего добавил к воде каплю спирта, и новоявленный микробиолог с явным удовольствием пронаблюдал массовый падеж злокозненной мелочи в капле. Проникшись, он минут пятнадцать оттирал нож спиртом, пока не решился царапнуть им руку и погрузиться в изучение своих красных и белых кровяных телец, от чего мне с немалым трудом удалось оторвать его только перед самым ужином.

Перед ним мой гость тщательно вымыл руки и спросил, не следует ли для надежности протереть их спиртом. Я ответил, что мыло у меня и так бактерицидное, после чего мы приступили к трапезе. Правда, уже садясь, Петр пробурчал что-то вроде "ну, если теперь кто из наших за стол с невымытыми руками полезет — сгною".

Отужинав, я обратил внимание визави на применение только полученных им знаний в хирургии.

— Лекари сейчас моют руки не до, а после операции! — накручивал я его. — Организм и так ослаблен болезнью или раной, его лейкоциты еле живы, а эти горе-медики напичкивают его кучей микробов, а потом разводят руками — пациент, мол, несмотря на все усилия помер от горячки. Да как же ему не помереть, если они сами его и заразили! В общем, в медицине первое дело — это чистота, по науке именуемая стерильностью. А комплекс мер по обеспечению этой стерильности называется антисептикой или санитарией. Кстати, она позволит не только снизить смертность в войсках, ведь основной причиной родильной горячки являются грязные лапы повитух.

— А нельзя ее наводить каким-нибудь иным способом, кроме спирта? Особенно в армии — если его вставить в положенное довольствие, так ведь в момент выпьют!

— Воду достаточно прокипятить, чтобы убить содержащихся в ней микробов. Из морских водорослей можно получить йод, я могу потом дать тебе инструкцию, как это делать. Так вот, если немного йода добавить в спирт, то пить полученный раствор будет уже нельзя, а его антисептические свойства станут лучше, чем у просто спирта. В общем, с введением в армии понятия "санитария" можно будет сократить число умерших от ран и болезней в несколько раз.

— Эх, — вздохнул молодой царь, — и так несделанного прорва немереная, а тут еще твою санитарию вводи. Но сие есть дело нужное, верю.

— Тебе помогут, — пояснил я. — Мы же на днях подписываем окончательный пакет документов о создании Ост-Австралийской компании, и я принял решение, не откладывая, отправить с тобой в Россию несколько вице-директоров, чтобы они сразу приступили к подготовительным работам. Один из них — по медицинской части, и ты уж ему учеников подбери поспособнее. Впрочем, он и сам их будет искать.

После медико-биологических вопросов царь перешел к производственным.

— Что в первую очередь начнет строить компания и сколько на это будет потребно народа? — достав тетрадку и карандаш, спросил он.

— Два объекта. Первый — рудный карьер под Курском, недалеко от Старого Оскола, и дорогу от него до реки. Сначала обычную, потом железную. На это в первые два года потребуются две — две с половиной тысячи человек.

— То места мне знакомые, я там собирался поначалу верфь ставить, но дубовых лесов поблизости не нашлось, — оживился Петр. — Так там, значит, руда есть? А я Демидыча на Урал отправляю...

— На Урале она тоже имеется, причем рядом с углем и медью, — напомнил я, разворачивая карту, — так что одно другому не мешает. Далее, второй объект — угледобыча и производство кокса на Северском Донце, вот здесь, где в него впадает Большая

Каменка.

Царю, судя по всему, очень хотелось спросить, откуда у меня такая подробная карта, но он сдержался и задал другой вопрос:

— Про уголь ясно, а производство чего ты там еще собираешься наладить?

— Кокса. Как делают древесный уголь, знаешь? Но ведь для тех количеств чугуна и стали, что мы собираемся плавить, никаких лесов не хватит. Однако каменный уголь тоже можно, как и дерево, обжигать без доступа воздуха, и из него получится очень хороший заменитель древесного угля, который называется кокс. На этот объект рабочих рук потребуется больше, для начала, я думаю, четыре тысячи.

— Найдем, — мотнул головой Петр, — на воронежские верфи нашли, и на это дело найдем. Только ты вот еще что скажи — про флот, который я должен построить вместо имеющегося. Мастеров дашь?

— Еще один вице-директор будет по корабельной части. Он умеет строить катамараны, для Азовского моря это вполне подходящие корабли.

— С двигателями, как у твоего? — привстал мой собеседник.

— Строить и спускать до Азова будут, естественно, без движков. Да и туда я в следующий приезд привезу четыре, максимум пять моторов. Остальные катамараны пойдут под парусами и веслами, это тоже неплохо. Но и обычные корабли мой инженер строить умеет, так что немного поможет тебе и в этом вопросе.

— Так, значит, сталь компания будет плавить на Донце?

— Да, а чугун и там, и в Осколе. Чтобы не гонять порожняком сначала суда, а потом вагоны, металлургическое производство лучше ставить в обоих местах.

— Есть у меня задумка, — поделился Петр, — прорыть канал между Волгой и Доном, тогда товары со всей России можно будет везти в Черное море водным путем.

— Не выйдет, — покачал головой я. Вообще-то догадаться, что царь обязательно поднимет этот вопрос, было нетрудно, так что я заранее распечатал соответствующую бумагу. — Вот, смотри, это чертеж перепада высот между Волгой и Доном. Видишь? Разница уровней рек — сорок четыре метра, да плюс на пути еще сорокаметровый подъем. Это нужно десятка полтора шлюзов, причем со стороны Волги они должны идти один за одним, лесенкой. Проще будет построить там волок, только современный, с рельсовыми путями и специальными транспортерами для кораблей.

Собственно говоря, в моих словах содержался ответ на вопрос, где взять людей для строящихся объектов компании. Да просто не рыть канаву между Волгой и Доном, вот и все, а направить их на строительство железки. Лет за десять, глядишь, удастся дотянуть ее от Азова до Курска, а если повезет, так и до Москвы.

— Кстати, — заметил я, поглядев, как царь морщит лоб, мысленно пересчитывая метры не то в сажени, не то в аршины, — тебе же все равно придется вводить какую-то единую для всей России систему мер. А то в Москве одна верста, в Коломне другая, а в Архангельске и вовсе третья.

— И аршин у каждого купца свой, — хохотнул Петр, — это у нас есть. Предлагаешь взять ваши метры?

— В общем да, но лучше сохранить старые названия, чтобы народ поменьше волновался. Вот тебе эталон.

С этими словами я протянул метровую слесарную линейку.

— Пока такой точности хватит, а потом пришлю другой. Видишь, он в общем-то похож на аршин. Так ты и издай указ, что аршин именно таков, а в версте тысяча аршин. Тогда она станет равна нашему километру. Эталон веса — килограмм, одна тысячная часть тонны, а это вес воды в кубе метр на метр на метр. Более мелкие объемы меряются литрами. Можешь их как-нибудь по-своему назвать, например, жбанами. Единица измерения температуры — градус. Ноль — температура таяния льда, сто градусов — кипения воды, и все это при давлении семьсот шестьдесят миллиметров ртутного столба. Вот тебе барометр и два термометра, ртутный и спиртовой. И на "Чайке" напомни, чтобы я дал тебе набор гирек от

грамма до килограмма.

— А откуда вообще пошел ваш метр? Вот английский фут — это длина чьей-то ступни, прямо из названия понятно.

Ответ на этот вопрос у меня был заготовлен заранее, так что я с ним не задержался.

— Метр есть одна десятиллионная длины параллели, на которой находилась первая столица Австралийской империи. Во время третьей атланти-австралийской войны она была уничтожена, сейчас там ледяная пустыня, но метр остался. Эта столица носила имя Метрополь, а весь южный материк — Метрополия. Кажется, в Европе известно его атлантическое название, то есть Антарктида. Австралией же называется не материк, а страна.

Где-то в середине февраля по договоренности с Вильгельмом в наше посольство явились три человека от адмиралтейства с целью согласовать морские сигналы, что было решено начать до нашего отбытия. Они показали мне свой сборник флажных сигналов от тысяча шестьсот пятьдесят третьего года и спросили, как с этим обстоят дела у нас. Про азбуку Морзе им знать ни к чему, про семафорную, введенную в русском флоте адмиралом Макаровым, тоже, так что я достал распечатку "Флаги военно-морского свода сигналов СССР" и вручил ее англичанам. Они с удивлением обнаружили некоторое сходство со своей таблицей, но, так как оно было весьма относительным, не стали углубляться в данный вопрос и предложили выработать какую-то единую систему, понятную обеим странам. С нашей стороны этим должен был без особой спешки заниматься лейтенант Кеша, я же ограничился тем, что попросил довести до английских моряков значения следующих русских флагов:

- "Аз" — нет;
- "Добро" — да;
- "Веди" — ваш курс ведет к опасности;
- "Слово" — лечь в дрейф.

Кроме того, англичанам был показан флаг, которого вообще-то изначально в своде не имелось. Весьма похожий на "и краткое", но черный круг на белом фоне был дополнен перевернутой буквой "п", так что вышло что-то вроде головы с поднятыми вверх руками. Я объяснил, что этот флаг означает "имею исключительно мирные намерения" и употребляется только при закрытых оружейных портах и зачехленных палубных пушках. В противном случае его подъем будет воспринят австралийцами как издевательство со всеми вытекающими последствиями.

Дальше должна была начать работу совместная комиссия, чтобы через год-два утвердить первый международный свод флажных сигналов. Правда, один из англичан все же спросил меня, почему буква "а" является символом отрицания, ведь "ноу" по-австралийски произносится как "нет".

— Это простая отрицательная форма, — объяснил я, — развернутая же звучит "А пошли бы вы все на хрен!", то есть начинается именно с буквы "а".

Я уже обратил внимание, что всякие "факи" и "шиты" в английском языке семнадцатого века не употреблялись — во всяком случае, я их ни разу не слышал. Посылали в основном к дьяволу. Однако после нашего позапрошлого года стояния в Дувре, когда я иногда вынужден был довольно эмоционально общаться с капитанами и интендантами отплывающих с нами английских кораблей, язык туманного Альбиона несколько обогатился. По крайней мере, среди моряков потихоньку получала распространение англо-австралийская идиома "ай эм вротэбал ю".

## Глава 10

Кроме встреч со всякими политиками и посещения в компании с Элли нескольких приемов в нашу честь, во время пребывания в Англии я периодически выкраивал время для творческой работы, причем такой, название которой почему-то стало нарицательным. Я сидел и изобретал велосипед. И не подумайте, что это было так уж просто! Его максимальная мощность должна была равняться как минимум семи киловаттам, и он

предназначался для приведения в движение состава весом порядка двадцати тонн или даже чуть больше.

Дело было в том, что производство чугунных рельсов в России начала восемнадцатого века представлялось мне вполне возможным. Но насчет паровозов у меня были глубокие сомнения. Во-первых, чисто технические — это не такая простая задача при полном отсутствии токарных станков соответствующих размеров и точности. Но главным все же были чисто организационные трудности. Ведь мы никому не собирались показывать поршневые машины! И, значит, появление паровозов в России возможно только тогда, когда будут приняты все необходимые меры для соблюдения секретности. Разумеется, Петр будет озадачен и этой проблемой, но скорого ее решения я не ждал.

Основой для проектных работ стали мои армейские воспоминания. В пятидесятых годах мне довелось неоднократно ездить на велодрезине, причем в качестве как пассажира, так и двигателя. И я помнил, что нормой для двух солдат являлась тонна груза. Причем оба должны были крутить педали только на подъеме, а по ровному месту вполне справлялся и один. На спуске оба отдыхали. Двадцать километров от складов до аэродрома пустая дрезина пробегала минут за сорок пять — пятьдесят, а груженная — за час с минутами.

Вот я и рисовал платформу с восемнадцатью педальными местами — шесть в длину, три в ширину. Заднюю часть этого, как я его назвал, педовоза, занимала кабина отдыхающей смены. Учитывая, что рельсы все-таки будут чугунными, а не стальными, я принял максимальную нагрузку равной трем тоннам на ось. То есть стандартный поезд получался состоящим из педовоза и четырех платформ с полным весом шесть тонн каждая и грузоподъемностью четыре. Поездная бригада — тридцать шесть человек.

Несложные расчеты показали, что для обеспечения выплавки миллиона пудов чугуна в год между Донецком и Осколом должны курсировать пятнадцать таких поездов, но это если они не будут ломаться. То есть я надеялся, что хватит двадцати — двадцати пяти педовозов, а такое в общем-то было вполне реально.

Когда я показал свои рисунки Петру, объяснив, что паровые двигатели из Австралии в первую очередь пойдут на боевые корабли и на железную дорогу их просто не хватит, он задумался, а потом предложил:

— Давай мы твои вагоны снабдим еще и мачтами! Помню, под Азовом всегда дули ветры, причем по несколько дней в одну сторону. По крайней мере половина дороги пройдет по степи, где ветер не будет задерживать леса.

А что, подумал я, здравая мысль, которая поможет несколько увеличить среднюю скорость движения. Хотя, конечно, парусный поезд с педальным приводом — это будет очень своеобразный механизм. Правда, в двадцатом веке один весьма известный режиссер вообще додумался до парусных танков, и ничего. А мы с господином бомбардиром чем хуже?

Значит, заодно и сам собой решается вопрос и с шириной колеи. В принципе для начала хватило бы и узкой, дорога тогда обойдется несколько дешевле, но зато сколько же геморроя появится потом! А раз платформы будут с мачтами и парусами, то для обеспечения их устойчивости сразу нужна достаточно широкая колея. Быстро прикинув с карандашом в руках, я получил, что при площади парусности одной платформы в сорок квадратных метров на шестиметровых мачтах двухметровая колея обеспечит устойчивость состава при скорости ветра до пятнадцати метров в секунду. Значит, принимаем историческое решение — отныне и навеки железнодорожная колея имеет ширину два австралийских метра. Или русских аршина, что одно и то же.

— Однако там ногайцы балуют, — уточнил Петр, — и если они или татары подожгут степь, кормов для лошадей там совсем не будет.

— Вот потому я и не хочу поездов с конным приводом. А продовольствие для рабочих все придется доставлять из-под Воронежа по Дону, ну или из-под Курска. Можно, конечно, попытаться договориться с турками о поставках зерна, хоть между вами и война, но не факт, что из-за этого купцы откажутся от денег. Однако решать это придется по месту. Ногайцы,

говоришь? Значит, для защиты строящейся железной дороги придется начать с постройки пары бронедрезин.

Петр пожелал узнать, что это такое, и я достал на всякий случай захваченную модельку бронедрезины ДТ-45 образца тридцать третьего года.

— К сожалению, она не подходит к твоей железной дороге, — пояснил я, — но уяснить ее устройство и назначение по этой модели можно.

После ухода Петра я в очередной раз задумался о вооружении защитников будущей железной дороги и шахт. Нашим основным противником тут будет конница, а против нее самым эффективным средством является пулемет. Впрочем, мины тоже должны неплохо работать, но с ними все более или менее ясно. А вот как быть с пулеметом?

Тут имелось два пути, и каждый из них обязательно должен был сопровождаться третьим. Потому как перед разработкой надо было решить, что мы скажем изумленной публике, когда она услышит звуки очередей. То есть кроме настоящих пулеметов нужен и как минимум один показушный, который не жалко будет выставить на всеобщее обозрение.

В оружейном деле у нас имелось два секрета, делиться которыми мы в ближайшее время ни с кем не собирались — капсюль и унитарный патрон. Значит, первый в Европе пулемет не должен использовать ни того, ни другого. Я представил себе, что сказал бы тот же Калашников, буде перед ним кто-то поставил такую задачу, хмыкнул и приступил к творчеству.

Главная трудность была видна невооруженным глазом — воспламенение заряда. Можно, разумеется, использовать кремневый замок наподобие того, что я ставил на свои показушно-подарочные револьверы, но вряд ли мне удастся добиться, чтобы в пулемете он работал хоть сколько-нибудь удовлетворительно. А еще и порох на полку надо как-то подсыпать...

В общем, это не выход, решил я после примерно десяти минут раздумий. Надо придумать что-то другое. Или вспомнить, что в этом плане и до меня придумало человечество. Итак, чем можно воспламенить пороховой заряд? Кремневым замком, капсюлем и фитилем. Хотя стоп, во время Бородинского сражения артиллеристы уже использовали не фитили, а раскаленные железяки, которыми они тыкали в запальные отверстия пушек. Эврика, восхищенно подумал я. У моего пулемета будет самый обычный боек, только поддерживаемый в горячем состоянии чем-то вроде маленькой паяльной лампы, работающей, разумеется, на спирту. Чтобы у вероятного противника, укравшего мою идею, пулеметчики всегда могли принять грамм сто или двести, в зависимости от обстоятельств и потребностей. А в каморах барабана вместо капсюлей будут небольшие дырки, сквозь которые раскаленный боек и станет ударять прямо в порох. Все остальное же особых трудностей не представляет, для вращения барабана и движения бойка туда-сюда потребуется не такой уж сложный пружинный механизм.

Обрадованный спонтанным проявлением у себя способностей оружейного конструктора, я приступил к эскизному проектированию теперь уже настоящего пулемета. И где-то через полчаса вынужден был признать, что схемы с подвижным стволом или с газоотводом нам реализовать не удастся. Многоствольные вращающиеся конструкции наподобие "Гатлингов" меня тоже не вдохновили, ибо перед глазами все время вставал знакомый до последней детали ППШ. Вот такое производить нам по силам, он даже проще трехлинейки, но мощность его патрона все же явно мала. А все попытки реализовать схему со свободным затвором на более мощных патронах, насколько я знал, к успеху не привели. Гильзы банально раздувались, а то и лопались.

Да, но ведь те конструкторы были ограничены уже имеющимися патронами, а я их могу разработать специально под данную задачу. Значит, делаем патрон мощностью примерно с промежуточный, но в толстостенной гильзе со стенками не меньше миллиметра. А ее донце вообще можно размахнуть и на сантиметр, мне не жалко. И пулемет сделать со свободным затвором и выстрелом с заднего шептала, он получится откровенно примитивным. Разумеется, в условиях двадцатого века, когда патроны считали миллионами



и миллиардами, подобный подход был абсолютно неприемлемым. Но нам-то нужно всего десять-пятнадцать пулеметов и максимум пятьдесят тысяч патронов! Причем, возможно, хватит и в несколько раз меньшей цифры, так что тут можно спокойно пойти на перерасход латуни и повышенные трудозатраты при изготовлении.

Однако организация компании имела и еще один аспект, нуждавшийся в срочном урегулировании. В принципе он мог быть обозначен одним словом — "шпионы". Говорю не только про контрразведку, которая там обязательно будет, но и про ее клиентов. Когда и как они появятся на землях компании?

Понятное дело, оптимальным вариантом являлся такой, при котором шпионы появились бы как можно раньше, пока народа на стройке еще немного и каждый находится на виду. То есть по уму следовало сообщить Вильгельму, что движимый лучшими чувствами я готов захватить его доблестных разведчиков и доставить их к месту работы на "Чайке". Однако у меня были определенные сомнения, что английский монарх правильно поймет столь широкий жест, поэтому следовало заранее озаботиться поиском иных мотивов.

Итак, зачем нам могут быть нужны англичане на первом этапе строительства? Пожалуй, для организации изготовления рельсов, потребных на дорогу от угольного карьера к пристани. Причем они нам действительно нужны, потому как мои люди хоть и имели представление об этом процессе, но чисто теоретическое. У Петра вообще никаких специалистов подобного плана не было, и только в Англии можно имелись мастера, уже участвовавшие в отливке чугунных рельсов. Итак, половина проблемы решена. Но вставала еще и вторая — в чем интерес Вильгельма по отправке этих людей в Россию? Ведь не будет же он прямо говорить, что им там надо немножко пошпионить. Значит, следует предложить ему что-то, которое сойдет за мотив, причем нам не очень нужное, ибо предлагать что-либо ценное меня душила жаба. Ведь на самом-то деле Вильгельму это нужнее, чем мне! Но фантазия работала довольно плохо, и единственное, до чего я смог додуматься — передать англичанам документацию на ружье по мотивам "Браун Бесс", которое я уже показывал Петру. Естественно, без вырубного штампа и вообще без технологии производства деталей замка, пусть делают их как умеют. Все равно они сами додумаются до такого ружья уже через тридцать лет.

Однако английский король проявил весьма меня удивившую широту взглядов.

— Дорогой Алекс, — заявил он мне за очередным ужином, — позвольте мне быть с вами откровенным. Вы ведь наверняка понимаете, что Англия не сможет оставить без внимания деятельность создаваемой Российской Ост-Австралийской компании. И, значит, просто вынуждена будет послать своих агентов к месту событий. Причем я знаю, что вы это понимаете, вы знаете, что я знаю... ну и так далее. Так зачем нам создавать лишние трудности друг другу? И подвергать ненужной опасности занимающихся разведкой людей. Тем более что начало процессу уже положено, я имею в виду деятельность посольств, как вашего, так и нашего. Но почему бы нам не развить сложившееся положение вещей? То есть договориться о статусе не только дипломатов, но и разведчиков, хотя грань между этими понятиями и так весьма зыбка. Разумеется, вы будете вправе по мере сил затруднять работу наших сотрудников, как и мы — ваших. Но все это в рамках достигнутых и зафиксированных на бумаге договоренностей. В частности, я предлагаю вам обмен представителями — наши в Ост-Австралийской компании в обмен на ваших в Ост-Индской. Имеется в виду английская, в голландской они у вас уже есть. Это два корабельных инженера, наблюдающие за постройкой заказанных вами кораблей.

Я чувствовал, что меня хотят надуть, но никак не мог понять, в чем именно. И, кляня себя за несообразительность, кивнул:

— Замечательная мысль. Тогда позвольте выразить пожелание, чтобы ваши люди, отправляемые в Россию с первой партией, имели в своем составе специалистов по отливке чугунных рельсов. Коммуникации между угольными карьерами, домнами и пристанью мы собираемся сделать именно рельсовыми.

— А двигать вагонетки будут машины, снабженные паровыми двигателями?

— Со временем — да, но не очень скоро. Для начала хватит и мускульной тяги.

Вообще-то наше пребывание в Англии близилось к концу, и уже была назначена дата отбытия — пятнадцатое марта. До этого срока Вильгельм обещал прислать восемь человек, из которых как минимум шестеро будут специалистами по чугунному литью. Я так и не понял, в чем тут подвох, устойчивой связи с Ильей установить не удалось из-за помех, так что данный вопрос откладывался на будущее. Ну, а пока на "Чайку" с "Кадиллаком" грузилась провизия и черный порох в бочонках, который мы закупили в Англии на нужды Ост-Австралийской компании.

Наш путь лежал в Венецию, причем с нами собирался плыть Петр в сопровождении Головкина и Меньшикова. Остальное посольство отправится пешим путем и будет в месте встречи скорее всего даже раньше нас. Ибо напрямую тут чуть больше тысячи километров, а морской путь составляет пять с половиной без учета неизбежного маневрирования. Но русскому царю очень хотелось совершить поход на австралийском корабле, и я не видел причин ему в этом отказывать. Правда, предупредил, что "Чайка" — корабль небольшой, да к тому же загруженный почти до предела, в силу чего я смогу выделить пассажирам всего одну умеренных размеров каюту.

Она была той самой, в которой в свое время Свифт с Темплом совершили путешествие из Себу в Англию, и ее преимуществом являлось то, что там так и оставались микрофоны и видеокамера. В конце концов, я тоже человек, и мне может стать скучно в бескрайнем море, а тогда нетрудно будет включить монитор, надеть наушники и попытаться увидеть или услышать что-нибудь интересное.

По дороге в Венецию мы должны были посетить французский город Ла-Рошель. Во-первых, мне было интересно посмотреть на место, где сравнительно недавно три мушкетера и примкнувший к ним д"Артаньян воевали на протяжении глав с одиннадцатой по семнадцатую второй части соответствующего романа. А во-вторых, там уже была подготовлена к отбытию в Австралию первая партия переселенцев из обещанной Людовиком тысячи, и следовало глянуть, что это за люди и на чем их собираются доставить к месту начала новой жизни. После чего пройти Гибралтар, полюбоваться на Средиземное море, которого, кстати, я до сих пор еще не видел, а потом податься в Адриатическое. Но всего за десять дней до назначенного выхода я услышал такое, что офигевал после этого минут пятнадцать, а придя в себя, вынужден был признать — мне здорово повезло, что я узнал эту так называемую новость не от Вильгельма. Он-то наверняка считал, что австралийцы давно в курсе, и мой авторитет в его глазах, дойди до него действительное положение дел, упал бы весьма низко. Однако мне подфартило, меня совершенно случайно просветила Элли, дополнительные же сведения я получил сначала от Петра, а потом смог нарыть кое-что и в своем ноутбуке.

## Глава 11

На Земле периодически происходят события, именуемые великими, величайшими и просто имеющими всемирно-историческое значение. В силу не очень систематического образования я считал, что первым из них явилась организация Питерсом и Таккером Всемирного университета в городишке Флоренсвиле, а междупланетный шахматный турнир в Нью-Васюках и великая битва под Эль-Аламейном случились уже потом. Лично же мне как-то раз довелось присутствовать на всесоюзном конкурсе адыгейской песни.

Так вот, выяснилось, что я несколько ошибался. Ибо как раз сейчас, в начале тысяча шестьсот девяносто восьмого года, уже четырнадцатый год бушевала величайшая война в истории человечества! Про которую я до сих пор не слышал вообще ничего, Илья тоже, а в ноутбуке нашлись только несколько небольших абзацев, да и то посвященных выпущенным в это время монетам, а не самим боевым действиям.

А называлось все это Великой венецианско-турецкой войной. Оказывается, в так называемую Священную лигу входила еще и Венеция, а я-то считал, что этот союз

ограничивался Священной Римской империей, Польшей, Папской областью и Россией. А тут вдруг из беседы с Элли выяснилось — у них был и есть союзник, который долгие годы ведет ожесточенную борьбу на бескрайних просторах Адриатического моря, а иногда даже собирается с силами и выползает не только в Ионическое, но даже в Эгейское. Впрочем, из обоих последних морей турки его всякий раз быстро вышибали.

В общем, венецианские торгаши пожинали плоды собственной же жлобской политики, направленной против Византии. В свое время они натравили на нее крестоносцев, а затем радостно потирали руки, глядя, как их конкурента окончательно уничтожает набирающая силу Османская империя. И в результате, оставшись с ней один на один, обнаружили, что воевать с таким могучим соседом у них получается плохо.

Вот правильно мне никогда не нравились спекулянты, подумал я, кое-как разобравшись с международной обстановкой в месте, которое мы вскоре собирались посетить. Небось начнут еще и подкатываться к нам на предмет помощи в священной войне против неверных, но тут их, разумеется, будет ждать полный облом. Ибо по договоренности с Вильгельмом и исходя из своих собственных интересов Австралийская империя собиралась поначалу демонстрировать Османской свое глубокое миролюбие. А показывать зубы следовало исключительно в ответ на недружелюбные действия турок, если таковые будут иметь место.

За оставшееся до выхода в море время не случилось ничего непредвиденного, и утром пятнадцатого марта мы покинули берега Англии. Погода стояла отвратная, ночью вообще шел снег, к утру перешедший в моросящий дождь. Ну и туман, естественно, это же вам не Австралия.

Первой шла "Чайка", потому что на ней был установлен один из трех имеющихся у нас радаров "Фуруно". Второй стоял на "Победе", а третий пока лежал на складе в Ильинске. Петра, кстати, заинтересовало, как это корабль идет при такой видимости и с такой скоростью, но, естественно, про радар я ему ничего не сказал. А просто объяснил, что мы каждые полчаса включаем сирену, у рулевых очень развита интуиция, расчет носовой пушки находится в готовности номер два, а форштевень у "Чайки" из железного дерева на стальном каркасе. В общем, если в нас кто-нибудь попытается врезаться, то с утра пребывающий в полном облачении корабельный унтерштурмпастьер сразу после этого события обязательно помолится за их души.

Весь день мы шли под дождем сквозь туман, но к вечеру маленько распогодилось, а утром на небе даже временами появлялось солнце. Все правильно, ведь теперь мы двигались вдоль французских берегов. Когда же утром следующего дня мы подошли к Ла-Рошели, погода вообще стала прекрасной.

Акватория этого города была трехступенчатой. Внутри довольно большого залива имела бухта, около входа в которую мы и встали. А в дальнем конце этой бухты между двумя башнями располагался вход во внутренний порт, кажется, образованный устьем какой-то речки. Но будущие переселенцы ждали нас за городом, их шатры ясно было видно еще на подходе.

Начал я, естественно, с ревизии лагеря и стоящих неподалеку двух кораблей, предназначенных для перевозки иммигрантов. Но, так как мы их не собирались сопровождать, то условия для капитанов несколько отличались от тех, что были в свое время озвучены английским морякам.

Подсчет голов произойдет в месте прибытия, причем больной будет считаться за полчеловека. А умерший — за минус одного. Например, если из трех переселенцев один в пути помрет, а один заболит, то это будет означать, что французы доставили нам всего половинку человека. Так было записано в договоре, и в подобных условиях нам совершенно ни к чему было обещать кого-то вешать, Людовик с этим прекрасно справится и сам.

Я обошел лагерь. Да, формально французский король точно соблюдает соглашение — явно больных или слабоумных не видно, половой и возрастной состав соответствует заявленному, то есть среди переселенцев много женщин с детьми. Но вот насчет добровольности у меня возникли серьезные сомнения. Больно уж хорошо охранялся этот

лагерь и слишком уж испуганно на мой вопрос "вас никто не принуждал?" спрашиваемые как один отвечали — "нет, господин, что вы, конечно же, нет!". Судя по всему, людям действительно был предоставлен абсолютно свободный выбор между переселением в Австралию и веревкой либо чем-нибудь еще хуже.

Я не собирался говорить им ободряющие речи. Ведь корабли, на которых они поплывут, будут считаться французской территорией, и еще как минимум полгода этим людям предстоит оставаться подданными Людовика Четырнадцатого. И по прибытии в Австралию их ждал как минимум полугодовой карантин на одном из расположенных неподалеку от Ильинска островов, где можно будет не торопясь разобраться, кто тут есть кто. А вот с капитанами надо обязательно побеседовать, подумал я и велел ошивающемуся вокруг меня французскому офицеру передать им приглашение на обед, который состоится в полдень на "Чайке".

После того, как капитаны отдали должное искусству нашего кока и качеству работы судового перегонного аппарата, я поинтересовался:

— Господа, надеюсь, вы хорошо представляете себе курс австралийского рубля?

Собеседники синхронно кивнули. Чего же тут не представлять, когда за три таких монеты дают семь луидоров!

— Так вот, каждый из вас может по прибытии в Австралию получить по тысяче рублей. Для этого требуется не так уж много. Первое — отсутствие смертности среди переселенцев на борту ваших кораблей. Второе — самые приятные их впечатления о плавании. То есть у нас первым делом все они будут допрошены. Если более чем у девяноста процентов не окажется нареканий на условия перевозки и обращение с ними команды, сумма засчитывается полностью. Если недовольных будет больше, вы получите меньше, а буде их число превысит половину — ничего. Наконец, если вдруг обиженными окажутся все, я найду способ довести свое мнение по этому поводу до его величества Людовика Четырнадцатого и даже простимулировать его на принятие соответствующих мер. Надеюсь, что в результате операции по перевозке иммигрантов я стану беднее именно на две тысячи, и жду ваших вопросов. Их нет? Тогда не смею более задерживать, наверняка с учетом только что услышанного у вас появятся срочные дела.

Тем временем к лагерю переселенцев подъехала довольно роскошная карета, запряженная двумя лошадьми, и мы с Элли, Петром и небольшой охраной снова отправились на берег. Судя по всему, это приехал бургомистр, ведь я говорил, что желаю засвидетельствовать ему свое почтение.

Так и оказалось. Я подарил ему зажигалку, а потом поинтересовался, можно ли мне посмотреть на бастионы, являвшие опорными пунктами обороны во время происходившей семьдесят лет назад осады. Увы, меня ждал облом — оказалось, что сразу после взятия города все они по приказу Ришелье были разрушены, причем очень основательно. Зато оказалось, что мы стоим чуть ли не прямо на другой достопримечательности, относящейся к тем временам. Не без оснований опасаясь прибытия английского флота на помощь осажденным, Ришелье приказал построить дамбу, утыканную заостренными дубовыми бревнами, направленными в сторону моря. Что-то вроде засеки, только против не конников, а кораблей. И мне была показана небольшая насыпь, из которой торчало два полусгнивших деревянных обломка.

Да, с привлечением туристов у вас тут не очень, подумал я спросил, сохранился ли механизм подъема цепи, которая натягивалась между двумя башнями и перегораживала вход в самую маленькую внутреннюю бухту.

Увы, оказалось, что ни цепи, ни механизма давно нет. Правда, башни остались, и бургомистр выразил желание сопроводить к ним мою светлость.

Поэтому вся экскурсия по Ла-Рошели свелась к подъему на башню Сен-Николя, более высокую из защищающих вход в гавань. При ближайшем рассмотрении она оказалась еще и заметно наклонившейся, но все же не так, как Пизанская, так что мы рискнули подняться на самый верх.

Городок был невелик и производил удручающее впечатление — видимо, он так и не смог оправиться после той осады, так что я почти сразу отдал бинокль Петру, который чуть ли не полчаса глазел в него, постоянно находя что-то достойное внимания. Но наконец мне это окончательно надоело, и я, деликатно кашлянув для начала, объявил, что мне, между прочим, и на "Чайке" есть чем заняться, и вообще мы через два часа выходим в море.

До Гибралтара наша эскадра добралась за трое суток, после чего вошла в Средиземное море и взяла курс на восток, держась ближе к африканскому берегу. Перед Венецией я хотел посетить еще одно довольно знаменитое место, а именно Мальту.

Судьба свела меня с этим островом еще в школе, когда я на уроке истории заявил, что данный географический пункт знаменит расположенным на нем масонским орденом. И был весьма удивлен, когда за столь замечательный ответ мне вклеили тройку с минусом. Правда, потом выяснилось, что орден-то там действительно был, из-за чего я и не получил кол, но не масонский, а мальтийский, имени святого Иоанна. Вот как раз он меня сейчас и интересовал.

Утром двадцать четвертого марта "Чайка" и "Кадиллак" были уже в Валлетте, столице Мальты. Явившемуся к нам портовому чиновнику мы подтвердили, что действительно являемся австралийцами, после чего я заявил, что приглашаю кого-нибудь облеченного властью на переговоры о весьма важных для ордена вещах. Лучше, конечно, самого великого магистра, но если он чем-нибудь занят, то можно и кого-нибудь из его замов.

Видимо, магистр уже немало слышал про Австралию, потому что явился сам и довольно быстро, как раз к обеду.

— Дорогой дон де Перелльос, — сказал я ему, когда мы закончили с обедом и перешли к десерту, — в далекой Австралии уже слышали о вашем ордене и с пониманием относятся к его борьбе за привнесение заповедей Христовых в акваторию Средиземного моря и, наверное, еще куда-нибудь. И австралийцы готовы помочь ордену в его нелегкой борьбе.

Магистр оживился, ибо вверенное ему псевдогосударственное образование сейчас переживало не лучшие времена. Грабить еврейских купцов рыцарям только что запретил папа, против турок же их допотопные галеры совершенно не годились. Но, так как не было добычи, то не было денег и на новые корабли, да тут еще пять лет назад приключилось разрушительное землетрясение, преодоление последствий которого съело все резервы. Дело житейское, в народе подобное называют заколдованным кругом, а в технике — положительной обратной связью.

Однако магистр все же несколько разочаровал меня тем, что позволил себе отвлечься на совершенную ерунду, а именно вопрос нашего вероисповедания.

— Австралийская христианская церковь признает католическую и даже в принципе готова согласиться с априорной святостью папы, — объяснил я. Действительно, а отчего бы и не признать его святым? Нам от этого точно не будет ни холодно, ни жарко.

— Более того, — продолжил я, — католическая церковь до сих пор не объявила нашу веру еретической, хотя имела достаточно времени для этого. И вопрос тут стоит очень просто.

Я достал из ящика стола небольшой сапфир, положил его перед магистром и пояснил:

— Скажите, ну разве сможет представитель еретического течения жертвовать подобные вещи на святое дело? А ведь это только начало, совсем небольшой аванс.

Дон де Перелльос повертел камень в руках, посмотрел на свет и признал, что подобное действительно совершенно невозможно, после чего беседа перешла в конструктивное русло.

— Насколько мы в курсе, у вас сейчас определенные трудности с кораблями? — начал я. — То, что мы можем видеть в бухте, является прекрасной тому иллюстрацией. И вы даже готовы на собственные средства построить один или два, чтобы с захваченных ими трофеев получить средства на воссоздание флота? Этот процесс можно несколько ускорить. Я готов пожертвовать вам порядка десяти тысяч рублей и предоставить займ на примерно вчетверо большую сумму, но при выполнении двух небольших пожеланий.

Магистр изобразил олицетворенное внимание.

— Первое. По принятии пожертвования и займа должны разойтись слухи, что и золота,

и драгоценных камней вам было предоставлено гораздо больше, чем в действительности. В принципе мы не против, если в этих слухах суммы приблизятся к миллиону или даже превзойдут его.

Так как этот пункт не вызвал у собеседника ни малейшего протеста, я озвучил следующий:

— Второе. Австралийцы зашли на ваш прекрасный остров в первый раз, но нам не хотелось бы, чтобы он стал последним. То есть вы пообещаете и впредь принимать гостей с юга настолько радушно, насколько это будет не противоречить вашему долгу как рыцаря и верного слуги католической церкви.

После примерно двухчасовой плодотворной беседы магистр отбыл, увозя с собой сапфир и два несколько более крупных рубина. И горсть рублей, потому как для возникновения и поддержания слухов требовалось, чтобы на острове появилось хоть какое-то количество этих монет.

А мы подняли якоря и двинулись на север-восток, в Венецию.

Через двое суток наша эскадра была уже в Ионическом море, примерно в ста километрах от побережья Греции, когда навстречу нам попала турецкая эскадра.

Как только наблюдатель заметил верхушки мачт, с "Кадиллака" была запущена летающая модель с телекамерой, наш "Орел". Свое имя этот беспилотник получил потому, что был и сконструирован, и раскрашен так, чтобы напоминать гигантскую птицу с четырехметровым размахом крыльев. Разумеется, полного сходства достичь не удалось, да я и не особо пытался, но до сих пор все зрители однозначно принимали его именно за птицу, а вовсе не за самолет. Хотя, возможно, это происходило оттого, что самолетов тут никто еще не видел даже во сне.

Модель базировалась на "Кадиллаке", потому как "Чайка" везла больно уж много пассажиров, которым вовсе ни к чему было с близкого расстояния глазеть на нашу гордую птицу.

И вот она полетела навстречу появляющейся из-за горизонта эскадре, а я спустился в свою каюту и включил монитор. Хоть "Орлом" и управлял Коля Баринов, картинка с его камеры транслировалась и мне.

Впереди шли два очень больших по нынешним временам корабля. Когда "Орел" подлетел к ним достаточно близко, Коля выровнял его высоту и скорость и два раза прогнал модель вдоль борта флагмана, измеряя по времени прохождения его длину.

— От шестидесяти до шестидесяти двух метров без бушприта! — раздался в наушниках голос молодого Баринава.

Ага, подумал я, очень неслабо. Ширина у него метров двенадцать-тринадцать и, наверное, осадка порядка пяти, так что водоизмещение получается почти полторы тысячи тонн. Во всяком случае, никак не меньше тысячи.

Модель начала закладывать круг за кругом над флагманом, иногда спускаясь почти до воды. Я считал пушки. Три ряда орудийных портов по каждому борту, общим числом сорок восемь, итого только бортовых орудий получается девяносто шесть. Правда, они не очень большие, на верхней палубе так вообще какая-то мелочь, а на нижней и средней что-то вроде английских двадцатичетырехфунтовок. Зато порты под них такого сечения, что из наших пушек туда уже можно было попытаться попасть с километра, а то ведь у кораблей подобного размера могли быть довольно толстые борта, да к тому же дубовые. В общем, для австралийских кораблей это был серьезный противник. Если, конечно, мы непонятно с какого перепуга приблизились бы к ним на полкилометра. А избежать подобного развития событий было явно нетрудно, потому как эти мастодонты, идя под всеми парусами при боковом ветре примерно в четыре балла, развивали всего десять километров в час.

На корме у них возвышались здоровенные сооружения, наводящие на мысль не о корабельных надстройках, а о новорусском коттеджном поселке. Сами судите — от линии верхней палубы три полноценных этажа верх и один вниз, да под ним еще что-то вроде полуподвала. Над третьим этажом возвышалось нечто наподобие мансарды, а у нее на крыше

торчала беседка с куполом и полумесяцем на шпигеле. Вот минарета там не было, а зря, он бы на такой посудине смотрелся весьма органично.

За двумя гигантами ползли три корабля поменьше, примерно с тот фрегат, что мы в свое время конфисковали у английских пиратов. А за ними — еще около десятка всякой мелочи, то есть кораблей размером примерно с "Чайку" или "Кадиллак" или даже чуть меньше.

При внимательном взгляде можно было рассмотреть, что идущая нам навстречу эскадра слегка потрепана. Нос у шедшего вторым корабля имел явные следы пожара, а правый борт — попадания немалых ядер, да и на парусах кое-где виднелись дыры. Флагману досталось меньше, у него был обломан бушприт или как там на таких корытах называется торчащая вперед носовая мачта.

Нашего "Орла" заметили почти сразу, на палубы высыпали просто толпы народа. Да, с дисциплиной у них не ахти, подумал я, но задирать турок в наши планы пока не входило. Так что я скомандовал поворот на четыре румба влево, и "Чайка" с "Кадиллаком" начали по широкой дуге обходить турецкие корабли. Они не пытались перерезать наш курс, хотя при этом маневре ветер был бы у них. То ли оценили скорость наших шхун и поняли бесперспективность подобного маневра, то ли им было просто не до нас. Хотя австралийские флаги они наверняка рассмотрели неплохо, потому как в точке наибольшего сближения нас разделяло километра три. Более того, турки даже чуть повернули к востоку, показывая, что вроде как уступают нам дорогу. Все правильно, судя по виду, эскадра недавно вышла из боя, а, значит, пороха и ядер осталось наверняка немного, а корабли вполне могут иметь и более серьезные повреждения, чем это казалось с первого взгляда.

Разумные люди, подумал я, если у них в Турции все такие, то не исключен вариант договориться, чтобы какой-нибудь городок они потом отдали без особой драки. Не Керчь, за ключ в Черное море турки станут держаться изо всех сил. Однако, когда они его все-таки потеряют, переговоры про Суэц смогут пройти и более конструктивно.

## Глава 12

Когда до Венеции оставалось километров сто или даже чуть меньше, мы нагнали тех, с кем сражались встреченные незадолго до этого турки — венецианскую эскадру. Была она куда более потрепанной, чем турецкая, и в данный момент происходила какая-то возня вокруг сильно поврежденной каракки. Судя по всему, она потихоньку тонула. Решив, что эскадра для нас особой опасности не представляет, я велел приблизиться к месту событий и в мегафон сообщил, что мы, австралийцы, готовы оказать помощь. Венецианцы оказались не против, и вскоре три больших лодки с "Чайки" доставили на каракку нашу аварийную бригаду со всем необходимым для борьбы за живучесть. Кроме всего прочего, мне хотелось потренировать свою команду в реальных условиях, а то ведь, когда не дай бог начнем тонуть уже мы, учиться будет поздно. Понятное дело, что с бригадой отправился я, а со мной увязался Петр. Меньшиков тоже хотел сопровождать царя, но ему объяснили, что лодки и так перегружены.

С караккой же произошло вот что. Турецкое ядро в бою попало прямо под ватерлинию, отчего образовалась пробоина. Капитан приказал побросать в воду все пушки правого борта, чтобы крен корабля поднял пробоину над водой. Решение, конечно, правильное, но турки-то никуда не делись и дали по незащитной теперь каракке еще один залп, пока она выходила из-под обстрела.

В общем, дыры кое-как заделали, но по пути домой снова открылась течь, причем сейчас вода прибывала быстрее, чем ее успевали откачивать.

Мои ребята показали венецианцам, как пользоваться нашими помпами, а сами занялись подводкой пластыря под пробоину. Это был, разумеется, не медицинский пластырь, а кусок прорезиненного брезента с веревками по углам, который был натянут на поврежденное место снаружи. И теперь его там держали не только тросы, но и давление воды. Кстати, в

этой операции принял посильное участие и Петр, причем он действительно больше помогал, чем мешал.

В общем, где-то через полчаса ситуация стабилизировалось, а затем уровень воды в трюме начал помаленьку убывать.

— Благодарю, ваша светлость, — поклонился мне тот, которого я поначалу принял за капитана, — помощь оказалась очень кстати, без нее мы бы могли потерять корабль.

После чего венецианец представился, оказавшись вторым проведитором эскадры Луиджи Гоцци.

Вот так, подумал я, нате вам еще одно доказательство того факта, что все европейские языки имеют в своей основе австралийские корни. Ведь кто такой этот самый проведитор? Правительственный комиссар, обеспечивающий конкретную операцию. То есть человек, которому так и приказали — проведи это, проведи то.

В ответ на его вопрос, как он может выразить свою благодарность, я попросил передать командующему эскадрой приглашение отужинать со мной на борту "Чайки", после чего наша спасательная команда отбыла, оставив венецианцам одну из двух помп. И, действительно, через полтора часа я уже принимал генерал-капитана Алессандро Молина.

Увидев гостя, я сразу полез в нижний ящик за другим подарочным револьвером, ибо тот, который был заранее приготовлен, совершенно не годился.

Генерал-капитан оказался тощим утонченным господинчиком крайне невысокого роста и с явно женоподобной физиономией, каковому впечатлению совершенно не мешала аккуратно подстриженная бороденка. Духами же от него несло так, что я сразу включил оба вентилятора своей каюты. Впрочем, когда он приблизился на расстояние вытянутой руки, выяснилось, что сильнейший парфюмерный запах не является единственной составляющей исходящего от визитера амбре. Ведь море же кругом, и почти не холодное, в некоторой растерянности думал я, ну что стоит если не окунуться туда, то хотя бы раз в неделю облиться водой на палубе? Это же надо как минимум год не мыться и не менять белье, чтобы так вонять.

В общем, гостю был подарен другой револьвер. Совсем маленький, калибром всего восемь миллиметров и с семисантиметровым стволом. Это оружие было голубенького цвета и имело на рукоятке накладку в виде розовых сердечек.

Ужин продолжался недолго, минут сорок, потому как у меня к генерал-капитану имелось всего одно небольшое дело. Я попросил его сразу по прибытии в Венецию передать дожу приглашение посетить борт "Чайки", где его будет ждать не только первый министр Австралийской империи герцог Романцефф, но и лицо еще более высокого происхождения, то есть средний сын императора принц Николай.

После отбытия делегации от венецианской эскадры ко мне зашла Элли. Принюхалась, чихнула и предложила провести эту ночь у нее, чтобы не встать утром с больной головой. А тут, может, до завтра и проветрится.

Город Венеция оказался расположенным в лагуне наподобие той, что имела на Чатеме, но только со множеством островов и островков. От моря лагуна отделялась песчаной косой с тремя проливами в ней.

Вообще-то я ожидал, что вся эта коса будет застроена мощными укреплениями и уставлена пушками, но с удивлением обнаружил полное отсутствие как одного, так и другого. Охренеть, подумал я, вот это люди воюют! До вражеского берега чуть больше ста пятидесяти километров, а город вообще не укреплен — подходи и бери его, кто хочет. Кому и чем тут смогут помешать несколько не очень больших галер, стоящих на внешнем рейде?

Мы явились в сопровождении возвращающейся эскадры, причем генерал-капитан уверял меня, что над турками была одержана блистательная победа. Я не возражал, хотя и видел турецкую эскадру своими глазами. Блистательная так блистательная, вот и ремонтируетесь после нее. Пройдя в лагуну, возвращающиеся корабли эскадры обогнули островную Венецию и двинулись к ее материковой части, Местре, где располагались верфи, а мы, убедившись, что и в городе не только нет пушек, но и вооруженные люди появляются



не очень часто, встали прямо напротив дворца дожей. Английские мастера чугунного литья и по совместительству шпионажа тут же собрались на берег, хотя был уже вечер, аналогично поступили Петр с Меньшиковым и Головкиным. Я же остался на "Чайке".

Когда стемнело, наши корабли, как и положено, начали периодически включать прожектора и обводить лучами окружающее пространство. На площади Сан-Марко быстро собралась толпа зевак, которая к ночи только увеличилась. Более того, вскоре на набережной появились музыканты и начали развлекать публику в перерывах между включениями прожекторов. Впрочем, их дуделки, сопелки и бренчалки создавали не очень много шума, так что я, велев дежурной смене не принимать никаких специальных мер по поддержанию тишины, около часа ночи отправился спать.

На следующий день ближе к обеду из-за дворца выплыла приличных размеров лодка с балдахином и направилась к нам. Но это оказался не дож, а всего лишь какой-то церемониймейстер, с которым беседовал наш корабельный унтерштурмпастьер, потому для меня или тем более Коли Баринава персона была явно мелковата. Гость сообщил, что дож Сильвестро Вальер изволит посетить австралийские корабли завтра в полдень. Причем посланец именовал своего патрона не высочеством или величеством, а всего лишь "экселленси". То есть дож, оказывается, был даже не светлостью, как я, например, а простым сиятельством.

Однако не самое высокое прилагательное к титулу было с лихвой компенсировано пышностью действия, развернувшегося на следующий день.

Сначала из всех щелей полезли лодки, лодочки и чуть ли не плоты, к часу дня заполонившие гавань перед дворцом. Я даже объявил расчетам пушек повышенную готовность и вызвал на палубу стрелков, но ближе ста метров к нам никто приблизиться не рискнул.

Затем водная толпа чуть раздалась в стороны, и по направлению к нам двинулась внушительная процессия. Возглавляла ее украшенная коврами длинная узкая лодка со скрипичным ансамблем на борту — правда, без дирижера. Затем плыло нечто высокое и пузатое о восьми веслах. Третьим, судя по обильной позолоте и массе статуэток, шло персональное плавсредство дожа, а за ним — еще четыре лодки немного поскромнее.

Вскоре процессия приблизилась к "Чайке". Лодка с не переставшим пикивать оркестром отвернула в сторону, а к нашему борту вплотную подошло то самое, пузатое, оказавшееся раздвижным плавучим трапом. Типа не по веревочной же лестнице карабкаться его сиятельству!

Дожд, грузный мужчина где-то под пятьдесят, перешел со своей лодки на трап, а по нему поднялся на борт "Чайки". Его сопровождали три типа помельче и помоложе. Один тащил шест с какой-то разлапистой золоченой штуковиной вроде орла на тарелке. При каждом шаге своего патрона он воздевал эту палку вверх, а потом пристукивал ей по палубе. Второй нес за дожем длинную полу то ли мантии, то ли плаща, то ли не знаю чего, которая без него волочилась бы по полу. Третий держал богато украшенный ларец странной формы — с квадратным основанием и примерно вдвое превышающей его высотой. То есть по форме более всего напоминающий помойное ведро советских времен. Сходство усиливалось тем, что ларец был зеленого цвета.

Затем на "Чайку" поднялись еще три богато разодетых типа. Я уже знал, что это сенаторы. Дожд имел право встречаться с иностранными представителями только в их присутствии. Более того, вся адресованная ему корреспонденция должна была обязательно проходить через их руки. И как с таким устройством власти Венеция еще держалась на плаву, мне было решительно непонятно.

Дожд сделал знак рукой, и скрипичный оркестр заткнулся.

— Ваше высочество, ваша светлость, — обратился гость к нам с Колей, — я рад приветствовать вас на благословенной земле Венеции. Позвольте начать свой визит с вручения скромных подарков.

После чего Коле был преподнесен большой зеленый ларец, а мне — совсем маленькая

красная коробочка. Мы поблагодарили и пригласили дожа с сенаторами в каюту. О том, что остальных туда не пустят, церемониймейстера предупредили еще вчера, так что дож оставил свою мантию свите и прошествовал вниз, к уже накрытому столу. Сенаторов я к нему не приглашал, для них вдоль стены имелась небольшая откидная скамейка. Ну что поделать, не люблю я надзирателей ни в каком виде, и все тут. А их мнение по этому вопросу меня и не особо интересовало. Мне важен был сам факт визита, вот и все.

Усадив гостей, мы с Колей поинтересовались, чего такого нам подарили. Выяснилось, что принц стал обладателем кубка литра на два, сделанного из венецианского стекла и богато украшенного золотым орнаментом.

— Будет из чего поить де Тасьена, — шепнул мне младший Баринов.

Меня же осчастливили перстнем с каким-то зеленым камнем.

В ответ мы с подобающей торжественностью вручили дожу невероятной ценности подарок. Пусть ему, скупердю, станет стыдно за свои грошовые презенты! Под звуки австралийского гимна, в качестве которого как-то сам собой прижился марш "Прощание славянки", господину Сильвестро Вальеру была преподнесена алюминиевая пластина сто на сто тридцать миллиметров при толщине восемь, обильно утыканная отходами нашего ювелирного производства, ограненными учениками Мерсье. На ней был выфрезерован парадный портрет императора Ильи Первого.

Кстати, и дож, и сенаторы, уяснив, кому и как предлагается рассаживаться за обедом, сделали вид, что ничего другого и не ожидали. Сенаторы с непроницаемыми лицами сидели у стенки, а дож до самого десерта болтал исключительно на кулинарные темы. Может, ему от меня тоже в общем-то ничего не надо, как и мне от него, и сейчас он просто выполняет очередную скучную обязанность?

Однако, когда в его утробе исчезла последняя капля компота, визитер заявил:

— Ваше высочество, ваша светлость, великодушно прошу меня извинить. Однако в мире существует много довольно неприятных вещей, которые тем не менее требуют к себе постоянного внимания. В силу каких-то причин я не могу обойти молчанием войну, которую сейчас с напряжением всех сил ведет Венеция.

Меня так и подмывало сказать ему, что ведомая хоть с каким-нибудь напряжением сил война выглядит совершенно иначе, но я только пожал плечами.

— Да, это не очень приятно, мир лично мне нравится больше.

— Вот именно! — воодушевился дож. — Но не всякий, а только такой, который будет способствовать дальнейшему процветанию государства. Если же это невозможно, то, увы, единственным выходом является продолжение войны.

Так, подумал я, сейчас он начнет уговаривать меня употребить все свое влияние на Петра, чтобы тот с пониманием отнесся к тому, что союзники по Священной лиге того и гляди заключат за его спиной сепаратный мир. Однако ошибся, дож повел речь почти прямо в противоположном направлении. Он просветил меня, что для Петра достигнутые результаты войны являются совершенно недостаточными, ибо, пока Керчь в руках турок, взятие Азова не дает практически никаких бонусов. Но зато способствует повышенным расходам на его оборону, ибо турки не смирились с потерей этой крепости. А дальше я услышал, что Венеция с одобрением относится к борьбе, которую молодой русский царь ведет против басурман, и готова оказывать ему посильную помощь. Но — поймите меня правильно, заявила эта хитрая рожа, — совершенно неофициальную.

А, сообразил я, все логично. Если турки будут озабочены возможным продолжением азовско-черноморской экспансии России, они заключат мир с Венецией на более выгодных для той условиях, чтобы побыстрее выбраться из неприятной для них ситуации войны на три фронта. И, значит, вполне оправдана некоторая помощь Москве, лишь бы та продолжала войну. А что потом, собравшись с силами, турки выбьют Петра из Азова, так тут ничего не поделаешь, издержки большой политики.

Скотина ты недалёковидная, подумал я про дожа. Ведь было уже один раз такое, когда вы предали Константинополь! И что, лучше вам стало от этого? Сейчас происходит почти то

же самое. Вместо того, чтобы радоваться появлению нормального союзника, каковым вне всяких сомнений является Петр, эти политиканы хотят оставить его на съедение за какие-то острова в Греции. Да разделаются турки с русскими и отберут острова обратно, это и к гадалке не ходи!

Хотя, наверное, вот это и есть издержки коллегиальной системы управления, особенно такой, как здесь. То есть всякое принимаемое решение основано на балансе шкурных интересов узкой группы дорвавшихся до власти лиц. Это решение вполне может оказаться тактически выигрышным, но о долговременной перспективе никто заботиться не станет. Собственно, подобное и привело некогда процветающую Венецианскую республику к нынешнему жалкому состоянию, которое менее чем через сто лет прекратится вовсе. И, кстати, в покинутой нами России двадцать первого века ситуация очень похожа. Однако сейчас у нас уже давно семнадцатый век, и Австралийская империя не собирается идти по подобным тупиковым путям.

В общем, дальнейшее мне было уже не очень интересно, тем более что дипломатическую эстафету перехватил один из сопровождающих дожа, некто Карло Руццини. Но я все же выслушал его предложения о том, как лучше замаскировать венецианскую помощь Петру под австралийскую. И, зевнув, согласился с предложенным, добавив, что Австралия все равно собирается сотрудничать с Москвией, причем в куда больших объемах, чем мне тут предлагают уважаемые посетители.

На мордах этих самых уважаемых появилось нечто вроде беспокойства, и Руццини осторожно спросил, в каких примерно объемах будет происходить предполагаемое сотрудничество. И не может ли Венеция предоставить Австралии то, в чем последняя нуждается.

— Да что же мне тут, каждый паршивый миллион считать, даже если выражать суммы в рублях, а не в мелочи типа венецианского дуката? — чуть обиделся я. — Мы не крохоборы, сколько потребуется, столько и вложим. А нужны нам руды... да, вот вам блокнотик и ручка, можете записать... так вот, нам нужен уран, марганец, никель, хром, вольфрам и редкоземельные металлы. Ах да, чуть не забыл, и гелий тоже. Как только у вас это появится, сразу дайте знать, мы не имеем привычки мелочиться при оплате.

Вечером мы беседовали с Петром. Его посольство, как ни странно, до сих пор не прибыло в Венецию, так что он вернулся на "Чайку". Я рассказал царю о недавно закончившейся встрече.

— За моей спиной, значит, хотят мириться, — помрачнел он.

— Разумеется, я тебе это когда еще говорил. Но, что самое смешное, как они собираются использовать тебя, их сейчас точно так же надувают цезарцы! Уже начались переговоры о сепаратном мире между Священной Римской империей и Турцией. А Венецию на них не позвали, пусть себе воюет помаленьку, авось османы станут посговорчивей. Хорошие у тебя союзники, правда? Кстати, Август с Фредериком ничуть не лучше, можешь мне поверить. Но тут можно вспомнить неплохую поговорку — "с паршивой овцы хоть шерсти клок". Так что, не раздумал в Азов плыть на "Чайке"?

## Глава 13

Русское посольство появилось в Венеции через два дня. Опоздание было объяснено тем, что пришлось задержаться в Вене, где Лефорт имел аудиенцию у императора Леопольда, на которой пытался уговорить его при заключении мира с турками иметь в виду и интересы России. Естественно, ничего даже отдаленно похожего на результат Франц Яковлевич не добился.

Кроме того, в Вене посольство получило письмо из Москвы, от Ромодановского, адресованное не только Петру, но еще и Лефорту. В нем князь-кесарь сообщал, что в начале марта среди стрельцов возникли волнения, связанные с задержкой жалования и, как они написали в челобитной, "произшедшей от этого бескормицы". Но все было быстро улажено.

Однако второй пункт вызвал у Петра сильнейшее возмущение. Я это могу сказать точно, потому как он это письмо читал у меня в каюте, оторвавшись от партии в шахматы.

— Ну что за люди! — вскочил молодой царь, опрокинув при этом доску. — Откуда в них этот страх бабий? Сбрехнул им кто-то, что я умер, а они и поверили, как дети малые! Ладно Лев Кириллович, но Ромодановский-то почему, скажи, Алекс?

— Потому что непрочно они себя без тебя чувствуют, оттого и пугаются, но ты вообще-то немножко не о том думаешь. Вот смотри — волнения были в начале марта. А письмо отправлено пятнадцатого! Это значит, что за пять дней там успели успокоить стрельцов, разобраться с причинами, приведшими к волнениям, провести розыск... а?

— Точно! — грохнул кулаком по столу Петр. — Не розыск у них там был, а воровство сплошное! Ну, Федор Юрьевич, удружил, а я-то ему как родному верил.

— И правильно делал. Ошибиться может всякий, важно, как он эту ошибку потом исправит. Ты, между прочим, тоже вроде бы собираешься поступить не лучшим образом. Небось хотел просить, чтобы мы завтра же вышли в море, на всех парах летели к Азову, а там ты бросишь все дела компании и помчишься в Москву?

— А ведь и точно, — слегка смутился царь, — так я и хотел. А надо не так?

— Можно не так, — подчеркнул я первое слово. — Написать письмо и отправить курьером, он все одно быстрее тебя в Москве будет. Здесь же надо закончить с моряками и мастеровыми — зря, что ли, я для тебя дожа с сенаторами уговаривал чуть ли не целый день?

Вообще-то, если уж быть совсем точным, дело происходило несколько наоборот. Венецианцы хотели отправить Петру своих в данный момент безработных специалистов. Мол, им от этого не убудет, а у русских появятся дополнительные возможности для продолжения войны. Но, чтобы не портить грядущих переговоров с турками, мне предложили вербовать этих людей для работы в нашей компании, и я, для порядка самую малость поломавшись, согласился. Но отягощать Петра столь мелкими и незначительными подробностями я не стал, а продолжил:

— И в Азове лучше хоть на недельку задержаться, а по уму так и на две не помешает. Потому как если Ромодановский даже после твоих прямых письменных указаний не сможет провести нормальное следствие, то тут уж тем более спешить будет совершенно некуда. Но это вряд ли, он, по моим сведениям, человек и верный, и неглупый.

К вечеру Петр написал пространное письмо, которое следующим утром с курьером было срочно отправлено в Москву. Возня же с вербовкой венецианцев в Россию продолжалась еще неделю и обошлась, кстати, не так уж и дорого, всего рублей в четыреста. В процессе нее я тихо офигевал. Откуда в воюющей стране взялись безработные самых востребованных при морской войне специальностей — кораблестроители и матросы? И почему при такой организации дел турки до сих пор не взяли Венецию?

Впрочем, у них сейчас царил бардак едва ли не еще похлеще. По моим сведениям, за последние пять лет там сменилось четыре султана, и вскоре ожидался пятый. Причем ни один из них не освободил трон не только естественным, но даже полустественным порядком — ну типа тихо отравили болезного. Однако нет, всех с шумом, стрельбой и резней свергали янычары.

Но все на свете когда-нибудь да кончается, и к девятому апреля нами было завербовано сто десять человек. Добираться до России им предстояло по суше, а мы утром десятого числа покинули Венецию и вышли в море.

На сей раз "Чайка" с "Кадилаком" шли не рядом, а примерно в тридцати километрах друг от друга, поддерживая постоянную связь по радио. Такое построение имело целью поймать какой-нибудь одиночный турецкий кораблик, а потом вежливо побеседовать с находящимися на нем информированными людьми про обстановку в Эгейском и Мраморном морях.

Первые два дня мы двигались по Адриатике, и никаких кораблей, кроме трех венецианских, тут не встретили. Почти половину этого времени Петр провел в моей каюте, постигая основы расчета на прочность балочных конструкций в приложении к катамарану.

Он решил, что такой тип судна будет очень хорош в прибрежных операциях. Первое преимущество — он может нести заметно больше десанта, чем обычный корабль такого же водоизмещения. Это ему подсказал я, но дальше мой ученик думал сам и пришел к довольно интересным выводам. Им способствовало то, что в Венеции он мог хорошо познакомиться с галерами, коих немало имелось во флоте республики.

Главным достоинством галеры была возможность маневрировать при слабом ветре или вовсе без такового, но оно полностью нивелировалось тем, что на галерах практически некуда было ставить пушки. И в результате их там было совсем мало, от одной до максимум восьми, но мелких. Катамаранная же схема позволяла разместить гребцов в корпусах, оставляя всю перемышку между ними свободной. Кроме того, артиллерия тут могла быть расположена для стрельбы вперед или назад, то есть такой корабль мог и атаковать, и удирать, непрерывно стреляя при этом, а классические суда были лишены такой возможности.

— Железные балки надо делать! — сообщил мне Петр в конце второго дня своего сидения над чертежами. — Тогда можно будет построить катамаран тонн на триста и полусотней гребцов по каждому борту. А на палубе хватит места для десятка двадцатичетырехфунтовых пушек.

— Вот и строй, балки тебе компания скоро предоставит. А один такой корабль сможет выходить на бой против нескольких турецких.

— Это как?

— У твоих пушек будет преимущество в дальноточности, — пояснил я, — турецкие стреляют каменными ядрами и не так далеко. Но для его реализации необходимо, чтобы корабль превосходил противника и в скорости, и в маневренности. Тогда он сможет все время держаться за пределами зоны обстрела вражеских орудий, непрерывно нанося им ущерб своим огнем. Но корабля и пушек тут мало. Нужна команда, которая сможет маневрировать, как надо, и артиллеристы, умеющие стрелять на большие дистанции. Короче, у тебя в Азове давно пора учреждать морскую школу.

— Эх, а людишек-то для нее где взять...

— Первый раз слышу, что в России мало народу. Преподают для начала пусть венецианцы, среди них есть толковые люди. Потом подспеют наши. А ты объяви крестьянам — за пять лет в службы в Азовском флоте будет воля. А затем пойдет жалованье, причем не меньше рубля в месяц. И предусмотрим возможность продвижения самых талантливых матросов в офицеры с получением дворянства, тогда у тебя отбоя не будет от добровольцев. Ведь тут надо-то всего две тысячи человек!

На третье утро пути мы вышли в Ионическое море. И где-то часа в три дня с "Кадиллака" радиовали, что видят турецкую фелюку и приступают к сближению. Увидев австралийскую шхуну, посудина попыталась удрать, но быстроходность фелюки оказалась весьма относительной. "Кадиллак", подняв пары, догнал ее за полтора часа. Мы тоже двинулись к месту randevu и вскоре его достигли. К тому времени я уже знал, что фелюка называется "Медария", идет из Салоников в Геную, ее владельца и капитана зовут Ицхак Хамон и он в данный момент пьет кофе на "Кадиллаке" в компании Коли Баринава, причем уже успел сообщить, что при всех несравненных достоинствах австралийского кофе арабский все-таки лучше.

"Чайка" легла в дрейф, я, чуть подумавши, упаковал в полиэтиленовый пакет подарок для Колиного гостя, погрузился в лодку и через пару минут был на борту "Кадиллака". Когда я зашел в каюту и был представлен почтенному Ицхаку, он встал, поклонился и сказал, что уже слышал про мою светлость год назад в Тулоне. Там португальские моряки рассказывали, как австралийцы заходили на остров Мадейра и что из этого вышло.

Наша беседа уложилась примерно в час. В результате нее я узнал, что проливы в общем-то никак специально не охраняются. Во всяком случае, никакой службы, которая контролировала бы проход каждого корабля, там нет. Правда, когда его султанское величество удостаивает Стамбул своим присутствием, в Босфоре становится оживленно, но

такое бывает редко, нынешний султан в основном живет в Эдирне.

Я не стал спрашивать, где это, а поинтересовался, не хочет ли уважаемый расширить зону своих гешефтов. И объяснил, что мы идем в Азов, где собираемся основать свое поселение, которому скоро понадобятся продукты. Узнав, по каким ценам, Колин гость проникся и сказал, что не видит в этом ничего невозможного.

Остаток разговора прошел в уточнении деталей, после чего я вручил купцу подарок — небольшой алюминиевый поднос с завитушками по краям, на днище которого было изображено получение Моисеем заповедей на горе Сион. Купец настолько расчувствовался, что заявил — он не может расстаться с нами, не подарив два... нет, даже три мешка настоящего арабского кофе.

Почти двое суток Ионическое море радовало прекрасной погодой, но потом как-то разом все взяло и кончилось. Море вокруг нас вдруг стало называться Критским, солнце исчезло, по небу поползли тучи, периодически разражающиеся дождем. Но по большому счету оно было и к лучшему, потому как дорога стала гораздо свободнее. В Критском море мы вообще никого не видели, и только в Эгейском, проходя неподалеку от острова Хиос, повстречали три турецкие галеры. Но они не обратили на нас особого внимания. И вот ранним утром шестнадцатого апреля, еще до рассвета, мы подошли к Дарданеллам. "Кадиллак" на всякий случай поднял пары заранее, у него на эту операцию уходило почти двадцать минут. Прямоточные же котлы "Чайки" выходили на режим всего за три, так что мы пока шли на одних парусах, благо ветер, хоть и порывистый, был практически попутным. Мы держали скорость порядка двадцати километров и где-то через час оказались в самом узком месте пролива — около крепости Чанаккале. Впрочем, ее почти не было видно за дождем. Светало, но кораблей нам пока не попадалось. Расчеты дежурили у пушек, на "Кадиллаке" уже была приведена в полную готовность катапульта для ракет.

Вскоре мы нагнали двигающееся в попутном направлении небольшое турецкое судно. Но ему было явно не до нас, турок вообще, кажется, просто сорвало с якоря, так что мы просто взяли немного левее и, продолжая движение, через час с небольшим миновали Гелиболу и вышли из уости пролива. Впереди было Мраморное море, где базировались основные силы турецкого флота, и следовало проскочить его побыстрее, пока нам благоприятствует погода. Тем более что это море по размерам примерно вдвое уступало Азовскому.

К двум часам ночи наша эскадра приблизилась к входу в Босфор. Ветер за день сменился на практически встречный, и, так как маневрировать в проливе было негде, наши корабли полностью убрали паруса и пошли на одних машинах.

В такую ночь никто не рисковал плыть проливом, да и мы прошли его исключительно благодаря радару. Дождь, порывистый ветер баллов в семь, иногда нагоняющий клочья тумана — вот по такой погоде мы три часа шли этой узкой извилистой кишкой, разделяющей Европу и Азию. Но, наконец, в шестом часу утра "Кадиллак" с "Чайкой" оказались в Черном море. Мы подняли паруса, заглушили машины и под свежим северным ветром двинулись на северо-восток, к Керчи.

Черное море мы пересекли за сутки с небольшим, и к полудню девятнадцатого апреля впереди показалась Керчь. Так как погода уже не очень способствовала незаметному преодолению пролива, то мы легли в дрейф примерно в километре от входа в него и подняли английские сигнальные флаги "нуждаемся в лоцмане". Нас уверяли, что туркам знакомы эти сигналы. Вполне возможно, что так оно и было, но лоцмана мы не дождались, зато на расположенной у берега батарее началась какая-то возня, и вскоре в нашу сторону выстрелила пушка. Судя по звуку и дыму, довольно крупная, но все равно ядро плюхнулось в воду, не долетев до нас метров триста. Однако такие действия подразумевали адекватный ответ, так что с "Кадиллака" был запущен "Орел". Модель гордой птицы несла под брюхом две осколочных гранаты, которые и сбросила на только что стрелявшую батарею. Причем очень удачно, ибо там неплохо рвануло — видимо, грохнул боезапас одной из пушек.

Перед вторым походом в Европу "Орел" был немного модернизирован. Я оснастил его

моторчик глушителем и добавил в список съемного оборудования компактный, но мощный усилитель с динамиком. Запись содержала завывание, улюлюканье, сатанинский хохот и несколько вариантов боевых кличей. В данный момент я выбрал тот, который условно считался турецким, так что модель носилась над Керчью, издавая примерно такие звуки:

— Ууу-и-ии! Вв-вяу! Улю-лю! Бу-га-га! Уу, кирдык, биять!!!

Наши пассажиры, то есть англичане и трое русских, стояли на палубе и во все глаза пялились на развернувшееся действо. Их уже предупредили, что австралийский дрессированный орел относится к совершенно секретным вещам и поэтому рассматривать его в подзорные трубы не нужно. Правда, отголоски его воплей иногда доносились и до "Чайки", так что Петр спросил:

— Алекс, а чего это он?

— Некормленный с утра, вот и злой, — пожал плечами я, а потом как бы догадался:

— Или ты спрашиваешь, как это он вообще кричит? Так ведь орлы умеют разговаривать не хуже попугаев, их просто научить труднее. Что, ваши молчат? Ну, может, это просто потому, что никто с ними не занимался. Или у вас орлы какие-то неправильные, я точно не знаю.

Тем временем модель вернулась на "Кадиллак", а вскоре от берега отделилась небольшая посудина о десяти веслах и направилась к "Чайке".

— Вот, наверное, и лоцман, — предположил я.

Действительно, он там имелся, но, кроме него, в лодке присутствовал некто Арудж-бей, по-английски представившийся посланником самого Муртазы-паши, керченского коменданта. Я пригласил гостя в свою каюту и спросил:

— Как прикажете понимать ваш огонь по мирным австралийским кораблям, собравшимся с познавательными целями посетить Азовское море?

В ответ бей промямлил что-то насчет ошибки, в результате которой вместо салюта в честь дорогих гостей произошел случайный выстрел, но далее сказал, что прямо сейчас пропустить нас в Азов Муртаза не может, для этого ему нужно разрешение от султана.

— Дорогой мой, — разъяснил я ситуацию посланцу, — австралийцы спрашивают разрешения только у друзей. Если бы Керчь являлась английской крепостью, то мы вне всякого сомнения выполнили бы распоряжение ее коменданта. Но ведь друзьями не становятся просто так! Когда мы первый раз явились к берегам Англии, нас с богатыми подарками встречал сам король. Недавно наша эскадра гостила в Венеции, и опять-таки визит начался с того, что борт "Чайки" с изъявлениями всяческого почтения посетил дож. А что мы видим тут? Не султан, а всего лишь какой-то паша, да поимеет его ишак, не желает сам прибыть на наш корабль! И где, спрашивается, подарки? Нет, ни о какой дружбе тут речи идти не может. И, значит, перед вами всего два пути. Либо вы остаетесь нейтралами. Тогда мы просто проходим пролив, не обращая на вас никакого внимания. Либо вы, не оценив наше миролюбие, пытаетесь нам препятствовать. Тогда мы перед проходом в Азовское море разрушим Керчь артиллерийским огнем, на это хватит трех часов. Что, не верите? Тогда прошу на палубу.

Там уже был установлен миномет, и Вака уточнял дистанцию до батареи, недавно стрелявшей в нашу сторону.

— Нет, — сказал я ему, — это слишком близко. Вон там, километрах в двух, какая-то стройка. Господин бей, что у вас здесь собираются возводить? Крепость Ени-Кале? Да ни к чему она вам, вот ей-богу. Вака, огонь.

Миномет грохнул три раза подряд. Две мины упали за пределами стройки, но одна — в самом ее центре. В бинокль было видно, как с площадки в панике разбегаются рабочие.

— Убедились? — обратился я к бею. — На каждом из наших кораблей по восемь таких орудий. Станете конфликтовать или как?

Чуть побледневший бей согласился, что "или как" будет лучше, и представил мне лоцмана. Сам же почему-то засобиравшись на берег, но я вежливо попросил его составить нам компанию в прохождении пролива.

Вообще-то у меня имелось при себе целых три лоции этих мест. Первая — двадцать первого века. Вторая — составленная в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году поручиком Сухомлиным, и третья, тысяча семьсот первого года от Адриана Шхонебека. Кстати, она наиболее соответствовала действительности, потому как кос Чушки и Тузлы тут сейчас не было. Вместо них наличествовал длинный остров у самого кавказского берега. Впрочем, все три лоции сходились в том, что пролив следует проходить, держась примерно в километре от Крыма.

Турецкий лоцман повел нас именно так, и вскоре эскадра оказалась в Азовском море. Я отпустил бея, сказав, что обратно мы двинемся недели через две-три. И пусть за это время керченский паша свяжется с султаном и получит инструкции, как себя с нами вести. Впрочем, в случае чего нам нетрудно и немного пострелять, напутствовал я сажающегося в свою лодку бея.

## Глава 14

Прибытие австралийской эскадры в Таганрог началось с небольшого конфуза. Он заключался в том, что Петр смог найти свой строящийся город только с третьей попытки.

Поначалу мы двинулись было к устью Миусского лимана, где, по уверениям русского царя, сейчас должна была строиться крепость. Но уже с пары километров стало видно, что если здесь что-то и начинали строить, то как минимум осенью забросили. Тут имелась какая-то недорытая канава, три насыпи и два сарайчика, причем один без крыши.

— Может, что-то вскрылось и крепость, как поначалу и задумывали, ставят на Петрушиной косе? — не очень уверенно предположил наш царственный Сусанин.

— Или еще где-нибудь, — согласился я, — ладно, давай пройдем пока на ту косу.

До нее было километров двадцать пять, мы прошли их за полтора часа. Вообще-то я представлял себе, что мы там увидим, ибо имел замечательную карту, каковая будет составлена в тысяча семьсот первом году. На ней было ясно указано, где находится город, коего никак не мог найти молодой царь. То есть вовсе не на косе, приблизившись к которой, мы опять не увидели ни крепости, ни города, ни порта. Петр покраснел, а я с невинным видом предложил:

— Не применить ли нам метод дедукции? Ведь если искомого города здесь нет, то это означает, что он есть в каком-то другом месте. Причем оно скорее всего находится на берегу, а не в море. Берег же простирается от нас как назад, так и вперед, но сзади мы уже были и ничего не нашли. Значит, остается перед, где мы видим мыс Таганий, а на нем — какое-то копошение. Однако кому тут копошиться, кроме строителей города и крепости? На, сам погляди.

С этими словами я вручил Петру двенадцатикратный бинокль. Он припал к окулярам и вскоре с облегчением выдохнул:

— Точно, крепость строят на этом мысу. Значит, опять все успели переменить. И то верно, на Петрушиной больно уж места мало, да и все оно какое-то открытое.

Мы обогнули мыс, на котором действительно всюду что-то строилось, и зашли в довольно просторную бухту, по берегу которой и располагался наконец-то найденный город.

На первый взгляд он раза в два уступал Ильинску по численности населения, примерно в те же два раза превосходил его по площади и как минимум в двадцать — по бардаку и грязи. Куда ни посмотри, все было перерыто, завалено досками, камнями и просто мусором. Дороги выделялись на фоне всего остального обилием непролазной полужидкой глины, в которой лично я сразу насчитал четыре застрявших телеги. Впрочем, их вполне могло быть и больше, потому как с моря было видно не все.

Никакого причала, ясное дело, тут пока не было, так что мы бросили якоря метрах в ста от берега, встав так, чтобы выступающий в море мыс защищал наши корабли от свежего юго-западного ветра. Петр засобирился на берег, причем приглашал с собой и меня, но я отказался.



— Все равно первое время ни тебе, ни строителям будет не до нас. А вот к завтрашнему утру ты уже успеешь выделить нам место для лагеря и для склада продукции, которую мы здесь собираемся оставить. Что именно? В основном оборудование на первое время. Так вот, распорядись насчет леса для постройки, выдели охрану, предупреди всех о статусе австралийцев. Кстати, я тебе уже говорил, но мельком, а сейчас давай-ка расставим точки над "и". Мы пока не имеем возможности выделить своим специалистам охрану, которая гарантированно обеспечит им безопасность. И, значит, за тобой выбор. В принципе мы можем никого тут и не оставлять. Просто напишем подробные инструкции, что нужно сделать к следующему нашему появлению, и все. Но, сам понимаешь, вряд ли этого хватит.

— Так ведь решили уже!

— Почти, — покачал головой я. — Окончательное слово за тобой. Понимаешь, Австралийская империя очень ценит своих людей. Всяких, а уж грамотных специалистов тем более. Поэтому оставить их тут я могу только под твою ответственность. Личную. И не деньгами или чем-нибудь еще, а головой. Так что решай сейчас и здесь, на австралийском корабле, где ты не царь, а просто мой гость. На берегу я тебе такого сказать уже не смогу.

— Сказать не сможешь, а голову снять в случае чего сможешь? — криво усмехнулся Петр.

— Да, это в наших силах. Не моих, а именно в наших. Есть способы, и есть люди, владеющие ими. Так что до своего отбытия ты уж, пожалуйста, внеси ясность в этот вопрос.

Раздумья заняли не больше минуты.

— А, где наша не пропадала! Я и так за всю Россию головой отвечаю, случись что — она у меня первого полетит. Согласен. Писать что-нибудь будешь?

— Зачем? Я сказал, ты слышал, мы цену слова друг друга знаем, больше же нам сюда приплетать никого не надо. Значит, как будет готово, о чем я просил, пошли человека на "Чайку". Ну, до завтра.

Наши русские гости погрузились в надувную лодку и вскоре были на берегу, где их уже ждала потихоньку увеличивающаяся толпа. Петр первым выпрыгнул из лодки, сделал несколько широких шагов и вляпался правым сапогом в какую-то промоину. Попытался выбраться, но в результате увяз и левым. К нему подскочил Меньшиков, бросил себе под ноги валявшуюся рядом доску, взял Петра под локти и выдернул его из грязи.

Тем временем подбежал невысокий разодетый господинчик в парике чуть не до пояса и, размахивая руками, начал что-то возбужденно тараторить. Царь молча смотрел на него сверху вниз, а когда у господинчика случился небольшой перерыв в словоизвержении, поманил его пальцем. Тот подошел на шаг. Петр аккуратно снял с него парик, передал Меньшикову, после чего сильнейшим ударом в глаз отправил докладчика в нокаут. Алексашка быстро вытер полученным париком сапоги своего государя, вернул его зашевелившемуся хозяину, и тройца прибывших на русскую землю двинулась в сторону единственного в городе деревянного тротуара, огибающего стройку. Решив, что сегодня ничего интересного на берегу уже не будет, я направился в трюм — надо было готовить к выгрузке то, что мы собирались тут оставить.

Курьер от Петра прибыл где-то к обеду следующего дня. К тому времени катамаран был уже собран и спущен на воду. Сегодня на нем предполагалось возить на берег грузы, ну, а потом ему предстоял путь на Северский Донец, к месту закладки будущего города. Который я, не мудрствуя лукаво, решил так и назвать Донецком.

Элли уже успела внимательнейшим образом рассмотреть берег в бинокль и со вздохом согласилась — да, пока ей там делать абсолютно нечего. Но царь Петр обещал устроить в нашу честь ассамблею, напомнила она мне. И попросила проследить, чтобы место проведения оной хоть как-то отличалось от свинарника, а риск утонуть в грязи по дороге к нему находился в разумных пределах.

Вообще-то одно время у меня была мысль строить металлургический завод именно здесь, но, поразмыслив, я от нее отказался. В той истории этот город через четырнадцать лет был разрушен, а место отдано туркам. Мало ли что будет в этой! Мне, честно говоря, и за

Донецк-то было беспокойно.

К моему визиту от берега к стройке было проложено что-то вроде дорожки — то есть наиболее выдающиеся ямы успели закидать мусором и присыпать сверху песком, так что путь стал попроще, чем вчера у царя. Сейчас он напоминал дорогу к только что сданной новостройке в позднебрежневские времена. То есть при некотором везении по нему можно было пройти и в ботинках, правда, достаточно высоких. Но я не стал шиковать и пошел в офицерских сапогах.

Меня встретил сам Петр и повел показывать место для временного лагеря. Оно находилось снаружи возводимой крепостной стены, примерно в полукилометре от наших кораблей и двухстах метрах от берега. Это было нечто вроде небольшого плато, нормальный проход на которое имелся только с противоположной от моря стороны. Со всех остальных имелась обрывистая осыпь высотой от двух до пяти метров. Разумеется, на площадку можно было влезть и по обрыву, но это представляло собой определенную трудность. Площадь выделенного нам участка я на глаз оценил соток в тридцать.

Когда мы зашли на место нашей будущей дислокации, там уже разгружались две больших телеги с бревнами, а на подходе было еще три поменьше.

— Ты же сам сказал, что вам нужны бревна, на доски вы их будете распускать прямо тут, — уточнил молодой царь, — сами, что ли, будете бревна пилить? А то смотри, я уже выделил пяток мужиков.

— Это хорошо, пусть подтаскивают и кладут станину, а пилить будет механизм под названием "циркулярка". Его мы привезем первым рейсом, он уже на катамаране.

— О как? — оживился Петр, — тогда и меня позови, как он начнет пилить. Бревна подтаскивать я, чай, смогу не хуже мужиков, силушкой бог не обидел.

Осмотрев площадку, я отошел в сторону, повернулся спиной к публике и, достав из кармана рацию, сказал пару слов. Вскоре от "Чайки" отделился катамаран и двинулся к нам, при его менее чем метровой осадке он мог пристать практически в любом месте.

Все запланированное к высадке перевезлось за три рейса. Когда мы уже начали ставить палатки, к нашей площадке сравнительно ровным строем приблизился взвод. От него отделился довольно молодой парень, одетый, с моей точки зрения, ну совершенно не по обстановке. Наверное, то, что заменяло ему шинель, называлось кафтаном. Или камзолом, я как-то до сих пор не удосужился разузнать, чем они отличаются друг от друга. В общем, нечто малиновое, со множеством пуговиц и галунов, но только выше пояса, в данный момент расстегнутых. Из-под него виднелось что-то наподобие кителя, с длинными и торчащими в стороны лапами. Было оно синего цвета. Красные штаны доходили примерно до колен, а ниже были некогда белые чулки. На голове подошедший имел треуголку с бахромой, а на ногах — совершенно не подходящие к местным реалиям туфли, покрой которых я не смог определить из-за налипшей грязи. Вместо оружия визитер держал трость.

Он осмотрелся, быстро выделил взглядом меня и, подойдя, бодро гаркнул:

— Ваша светлость, второй плутонг первой роты Лефортовского полка прибыл в распоряжение Ост-Австралийской кумпании! Рапорт отдал поручик князь Голицын.

— Прекрасно, — восхитился я. — Не падайте духом, поручик Голицын! Вас ждет очень интересная служба. А пока получите на личный состав две больших палатки, это вон там. Выберите из солдат пару-тройку тех, кто может кашеварить, пусть начинают осваивать полевую кухню, это та железная бочка с трубой и на колесах, видите? Организуйте караульную службу, посторонних ближе пятидесяти саженей от площадки быть не должно. Пускать только австралийцев или государя, всех остальных с разрешения старшего по лагерю. На обустройство и организацию службы вам два часа, а потом жду в своей палатке, она тут единственная синего цвета.

С утра я начал готовить к запуску циркулярку. Люди, знакомые с данным механизмом, могут удивиться — да чего тут готовить-то? Но должен напомнить, что ни двухсот двадцати, ни трехсот восьмидесяти, ни еще каких-нибудь вольт в Таганроге конца семнадцатого века не имелось. Кроме того, электропривод нельзя было никому показывать, во избежание

стимулирования мыслей в ненужном направлении. Наконец, к этому времени уже все привезенные из двадцать первого века бензиновые и дизельные генераторы давно нашли применение в Австралии. Правда, оставались генераторы без двигателя, которых я в силу компактности захватил довольно много, но их еще нужно было крутить.

Однако наша с Ильей возня вокруг авиационной паровой турбины оказалась полезной в том смысле, что образовалось несколько опытных образцов, которые были непригодны для установки на дирижабль, но вполне могли вертеть генератор. Один из них и был установлен под циркуляркой.

Когда я потихоньку поднял пары, прибежал Петр. Первое бревно распустил я, молодой царь в компании с одним из выделенных нам мужиком только поднял его на станину и потом подталкивал. Но, естественно, после первого бревна последовал вопрос — все ли понятно в работе механизма. Получив ответ "да, все", я отошел в сторонку и дальше только смотрел, как Петр командует около циркулярки. Одного мужика он посадил подбрасывать дрова в топку, два других подавали бревна, а царь стоял на самом ответственном месте у диска и принимал доски. Первое время я еще покрикивал "ровней, ровней веда, а то диск закусит", но потом, убедившись, что экипаж станка уже освоился, занялся другими делами.

За полдня Петр с командой распилил все привезенные бревна и, довольный как слон, сел обедать, сочетая прием пищи с расспросами про полевую кухню. Впрочем, в силу несложности данного устройства их было немного. Солдаты, кстати, были ей очень довольны, о чем и не упустили случая сообщить царю.

Как там про него потом напишет Пушкин? Кажется, "на троне вечный был работник". Да, от работы царь не бежит и, главное, я уже заметил в его характере любопытную черту — он любит учиться. И с уважением относится к тем, кто его учит, то есть за время нашего знакомства я стал для него почти непререкаемым авторитетом в технике. Ну, а политические советы я всегда старался всунуть между технических, да так, чтобы они не особо выпирали. Вот и сейчас я ждал, когда царь вернется к циркулярке в приложении к воронежским верфям. И, действительно, покончив с ухой, он сказал:

— Сей механизм заменил пятьдесят работников, а ведь мы его пользовали неумело. Научившись, можно заменить сто. Вот бы мне в Воронеж хоть один такой!

— Одного и только в Воронеже мало, — возразил я. — Сделать-то мы их можем, чем ты за них заплатишь, тоже договоримся, но ведь техника требует ухода или, как у нас говорят, регулярного обслуживания. Значит, тебе надо заранее готовить людей, причем не абы каких. Вот, например, что можешь сказать про паренька, который обрезки собирал и в топку их подбрасывал?

— Отца его, Афоню, знаю, — чуть растерялся Петр, — отрока же сего раньше не видел.

— А он, между прочим, с полуслова понял, что такое манометр и как надо соизмерять его показания с потребным количеством топлива, — пояснил я. — Вот тебе первый, его только подучить малость, и получится готовый сменный мастер. Остальных сам ищи, и учти, что среди мужиков смышленные встречаются ничуть не реже, чем среди дворян, их просто заметить труднее. И, значит, вернемся к циркуляркам. Эта останется здесь на нужды будущего Донецка. Для воронежской верфи я тебе в следующий раз привезу побольше. И еще одна пригодится в Таганроге, тут тоже надо верфь ставить. Кстати, что это там за возня в бухте, метрах в трехстах от "Кадиллака"? Вообще-то о таких вещах предупреждать надо, а то мало ли чего капитан подумает.

— Не предупредили? — вскочил Петр, — хотя ты-то откуда знаешь, сюда же гонца не было?

Вообще-то мы с Колей Бариновым только что побеседовали на эту тему по радио, и в конце разговора я велел отправить юнгу на ют — тренироваться в сигнальной азбуке адмирала Макарова. Поэтому я просто показал царю на размахивающего флажками паренька.

— Ну, Данилыч, погоди, вот я тебе... нет, смотри, пошла лодка!

— За это время снайпер с корабля мог десять раз перестрелять всю ту команду,

поэтому в следующий раз пусть предупреждают заранее. Так чего им там надо-то?

— Есть у меня задумка на той отмели построить рукотворный остров, а на нем форт, чтобы защищал бухту с моря, вот сейчас и меряют глубины. И что ты там говорил, какой... э... снапер?

— Такой островной форт лучше в Керчи делать, когда ты ее возьмешь, — хмыкнул я, — а если не возьмешь, так он и тут будет не больно нужен.

Пожалуй, следует сделать небольшое отступление. Наверное, многие помнят место в "Семнадцати мгновениях весны", где Штирлиц утверждает, что в разговоре запоминается последняя фраза. Это не совсем так, если, конечно, беседуют не дебилы. Но вот на отношение ко всему услышанному конец беседы действительно влияет очень сильно. И теперь, когда я уже сообщил Петру все, что было запланировано на сегодня из стратегических установок, следовало закончить наш разговор чем-нибудь эффектным, что будет потом долго вспоминаться, причем в положительном плане. Именно из подобных соображений я пояснил:

— Снайпер — это отличный стрелок, вооруженный дальнобойным оружием. Слышал про нарезные штуцеры?

— Не только слышал, в руках держал и даже стрелял из него. Бой, конечно, хороший, но больно уж дорогая штука. И, главное, перезаряжать ее долго, у меня так минут десять уходило.

— А сейчас я покажу тебе, как делают штуцеры в Австралии. Где бы тут пострелять, чтобы не переполюшить весь лагерь?

Я сходил в свою палатку за штуцером и всем необходимым для стрельбы, вручил Петру мишень, и мы отошли от лагеря на полкилометра. Там царь отмерил двести своих шагов, которые были по метру, если не больше, и воткнул в землю шест с ростовой мишенью. Потом вернулся и с интересом уставился на извлеченный из чехла штуцер. Действительно, тут было на что посмотреть — у оружия полностью отсутствовала вся задняя часть ствола. То есть оно было предназначено для стрельбы вроде как унитарными патронами, только они имели толщину стенок "гильзы" в восемь миллиметров и не вставлялись в ствол, а просто насаживались на его выточку и контролировались затворным рычагом.

— Значит, рычаг вверх, вставляем патрон, рычаг вниз, взводим курок, передергиваем рейку затравочной коробки, чтобы на полку подсыпался порох, и стреляем. Планка прицела уже стоит во втором положении, это как раз на двести метров. Вот восемь заряженных патронов, пробуй. Кстати, я дарю тебе этот штуцер, только постарайся не показывать его англичанам, да и своим без разбора тоже ни к чему.

## Глава 15

Очень давно, где-то лет за триста с хвостиком до рождества Христова в древней Греции жил знаменитый ученый по имени Аристотель. Даже такой дуб в древнейшей истории, как я, и то слышал про его великие деяния. Наверняка не все, но три его эпохальных свершения мне были известны.

Первое — он внес неоценимый вклад в становление философии. Ладно, с кем не бывает, тем более что я эту науку толком никогда не знал, а после сдачи экзамена и вовсе забыл.

Второе его деяние имело куда большее практическое значение. Сей ученый муж был воспитателем Александра Македонского, и, судя по успехам его ученика, добился на этом поприще выдающихся результатов.

Но в моих глазах все это было всего лишь прелюдией к главному. Итак, успокойте дыхание и сосредоточьтесь, это поможет вам глубже оценить все величие следующего подвига Аристотеля. Он сосчитал количество ног у мухи. И получил восемь!

Я долго думал, как он смог достичь такого. Первая мысль — в момент подсчета ученый

был нетрезв до удвоения в глазах — не объясняла выведенной им цифры, ведь в этом случае ног было бы двенадцать. Но потом меня осенило — наверное, ему попалась муха, которой кто-то уже оборвал пару лапок. И вот, в очередной раз хлебнув из амфоры, ученый недрогнувшей рукой вывел на пергаменте — восемь.

Дело тут не в том, что старик ошибся. И даже не в том, что он не проверил результаты подсчета, хотя для хоть сколько-нибудь серьезного ученого это обязательно. Но его ошибку заметили только в конце восемнадцатого века! Попробуйте соврать что-нибудь так, чтобы в ваше вранье верили аж две тысячи лет подряд, и это при том, что установить истину может любой и за пару минут! Уверяю, вряд ли у вас получится. Ибо при всем моем уважении к вам вы все же не Аристотель.

Честно говоря, я немного сомневался в истинности всей этой мушиной истории, но во время второго визита в Англию получил совершенно железное подтверждение. Как-то раз Вильгельм привел ко мне какого-то ученого сморчка из Королевского общества и попросил описать ему животный мир Австралии. Я между делом спросил, сколько ног у европейской мухи, и с удовлетворением услышал, что их ровно восемь. После чего у меня разыгралось вдохновение, и я наплел ученому такого, что в ту ночь мне пришлось вместо посещения Элли корпеть над тетрадкой, в которую записывалась австралийская флора и фауна, ибо к утру я вполне мог забыть как минимум половину из рассказанного.

Но к чему это рассказано? Перед своей эмиграцией в прошлое я скачивал из интернета все, хоть самым краем относящееся к истории оружия и вообще техники, и среди прочего мне попалась довольно любопытная статейка. Вообще-то там рассказывалось о первых броненосцах, но в качестве иллюстрации утверждалось, что бомбическое ядро изобрел некий француз по имени Анри Пексан в начале девятнадцатого века. Для далеких от истории техники поясню, что речь идет о стрельбе полыми ядрами с порохом внутри.

Правда, это сразу показалось мне сомнительным — больно уж поздно! — и я полез искать подтверждения или опровержения. Второй источник утверждал то же самое — Пексан, тысяча восемьсот девятнадцатый год. Третий... десятый... я пожал плечами и принял это как данность. Но все же как-то раз спросил у Петра, знаком ли он с бомбическими пушками.

— А как же! — с энтузиазмом отвечал царь, — сам, вот этими руками выпустил сорок семь бомб по Азову во время второй осады! А теперь подумываю, что такие пушки неплохо бы поставить и на корабли. Правда, больно уж они тяжелые, тут маленьким и даже средним кораблем не обойдешься.

В результате вместо открытия глаз дикому москвиту, который, оказывается, разбирался в предмете уж всяко лучше меня, а тем более авторов скачанных статей, мне пришлось засесть за инженерный расчет бомбической пушки, с тем, чтобы она получилась без лишнего веса. И готово это было только к нашему прибытию в Таганрог. В процессе чего я повнимательнее перерыл свой ноутбук и пришел к выводу, что скорее всего упомянутый Пексан сделал то же, чем занимаюсь я. То есть он приспособил бомбическую пушку для стрельбы по настильной траектории с корабля, по возможности облегчив ее при этом.

А вообще-то я готовился к небольшой местной экспедиции, на Северский Донец. Наиболее тяжелый груз туда доставит катамаран, а солдаты, прихватив с собой полевую кухню, двинутся пешком, благо весна уже вступила в свои права и дороги почти высохли.

Петр же развил бешеную деятельность по ускорению постройки так называемых царских хором, где вскоре должна была произойти ассамблея в честь визита в Россию его высочества Николая Баринава, австралийского принца. Ну и нас с Элли тоже, все-таки герцоги, тем более не просто заморские, а вообще заокеанские. Но это событие произойдет уже после моего возвращения из Донецка.

Кстати, во избежание путаницы следует уточнить, что в будущем очень любили давать совершенно разным населенным пунктам одинаковые имена. Например, Москва — это не только столица Российской Федерации. Городишко с таким названием есть и в Штатах. А лично я был еще в одной Москве, которая расположена в пятнадцати километрах от

райцентра Ворошилово, причем эти километры идут по такой грунтовке, где не всякий раз проедешь и на тракторе. Население той Москвы временами доходило аж до пятнадцати человек.

Так вот, Донецков в двадцать первом веке тоже было два, причем располагались они недалеко друг от друга, хоть и в разных странах. И я собирался основывать свой Донецк на месте того, который изначально был Гундоровкой, а не того, коего в девичестве звали Юзовкой.

Пеший отряд, в том числе и англичане, туда направился на третий день после нашего прибытия в Таганрог, и предполагалось, что путь будет проделан за четверо суток. Австралийцы же должны были добраться до места на катамаране, но я не спешил, пусть пешая команда явится к месту randevu раньше. Так что мы двинулись в поход незадолго до рассвета двадцать первого апреля. Через полтора часа, когда уже рассвело, катамаран был в устье Дона. Выделенный Петром лоцман Федосей, до того дремавший на носу в поставленной специально для него маленькой палатке, показал рулевому вход в гирло, убедился, что катамаран направился именно туда, и опять ушел в свою палатку.

Часов в девять утра мы прошли мимо Азовской крепости. А ничего так, впечатляет, подумал я, глядя на две сходящиеся под углом стены с башней между ними. При том, что крепость в основном была рассчитана на оборону от нападения с суши, ее обращенная к реке часть тоже внушала уважение.

На Дону было сравнительно оживленно, но практически все плыли навстречу, то есть к морю. Все правильно, сейчас, по высокой воде, самое время сплавлять из Воронежа все, что можно, а то потом будет перерыв до следующей весны для кораблей с осадкой боле двух метров. Впрочем, нашего катамарана это не касалось никоим образом.

К обеду мы уже поднялись до места, где в более поздние времена был основан город Ростов-на-Дону, а пока где-то тут должно быть урочище "Богатый колодезь". Но однозначно определить его я не смог, ибо, не очень ясно представляя себе, что же такое урочище, полез выяснять это в ноутбук. Ну, а после того, что я там прочел, представление о предмете исчезло окончательно. Ибо написано было вот что:

"Урочище — одна из морфологических частей географического ландшафта, сопряженная система фаций и их групп (подурочищ), объединяемых общей направленностью физико-географических процессов и приуроченных к одной мезоформе рельефа на однородном субстрате".

Посмотрев выведенное сначала слева направо, потом наоборот, затем по диагонали, я плюнул, закрыл ноутбук постарался побыстрее забыть только что прочитанное. Тем более, пока я подобно барану пялился на экран, мы прошли место, где это таинственной урочище находилось, будучи хрен знает к чему приурочено на субстрате.

А вообще-то Дон удивил меня полным отсутствием любых следов человеческой деятельности на его берегах. По самой реке навстречу нам то и дело попадались посудины всех размеров, но берега были девственно пусты.

Поздним вечером мы добрались до устья Северского Донца и пристали к острову напротив него, где и переночевали. В шесть утра — снова подъем и в плавание, уже по более мелкой реке. На берегах было столь же безлюдно, но теперь даже лодки навстречу не попадались. Правда, один раз километрах в двух показалась была небольшая группа всадников, но она скрылась быстрее, чем мы смогли определить, кто это такие. Хотя лоцман считал, что это были ногойцы.

Место randevu показалось к середине следующего дня. Пеший отряд расположился на узком треугольнике, две стороны которого образовывали реки Каменка и Северский Донец, а третью — поставленные одна к одной телеги. Серели палатки, дымил полевая кухня, за телегами стояли часовые, а метрах в ста перед ними уже что-то копали.

Приставший к берегу катамаран был встречен бравым поручиком Голицыным, который доложил, что они тут уже два дня, расположение лагеря выбрано согласно диспозиции, солдаты готовят место для частокола, а обед будет через полчаса.

День прошел в хлопотах по разгрузке и обустройству остающихся здесь австралийцев, а вечером я пригласил поручика Голицина на катамаран.

У меня были сильные подозрения, что это будущий фельдмаршал, во всяком случае имя и отчество — Михаил Михайлович — совпадали. Правда, особого сходства с парадным портретом фельдмаршала мне усмотреть не удалось, но ведь там ему было за пятьдесят, да и художника явно звали не Леонардо да Винчи. Но в любом случае это был очень неглупый парень, и спросил его за ужином, как он понимает поставленную ему государем Петром Алексеевичем задачу.

— Австралийцы помогут нам делать корабли, равных которым нет ни у кого, — начал поручик, — вооруженные лучшими в мире пушками. Наладят производство отличных ружей, мощного пороха и многого другого. Наконец, с ними мы построим у себя австралийские чугунные дороги, по которым от Таганрога до Москвы можно будет добраться всего за трое суток, причем с большим грузом. И мне велено их защищать, не щадя ни своей жизни, ни солдатских. Ибо если враги убьют нас — государь пришлет новых. Разрушат все, что здесь было построено — все возведем заново. Но если убьют австралийцев, то не будет ни кораблей, ни пушек, ни дорог.

— Правильно понимаете, — кивнул я, — и, значит, насчет ружей. Я оставляю на ваш плутонг двадцать фузей, которые всяко лучше тех, что у вас есть сейчас. Пять барабанных ружей, они бьют чуть дальше, точнее и существенно чаще, но требуют хорошего ухода. И два штуцера, из них можно поражать цели за двести сажень. Выберите пяток лучших солдат, завтра я покажу им, как обращаться с новым оружием, а потом они научат остальных. И последнее. С сего момента вы приняты в число служащих компании с жалованием пятьдесят австралийских золотых рублей в год, это письменно подтверждено государем Петром Алексеевичем. И вот вам первая получка.

Я протянул ошалевшему поручику мешочек с пятьюдесятью монетами.

— Не стесняйтесь тратить их на нужды своего плутонга, расходы будут возмещены, и с процентами.

Перед тем, как двигаться в обратный путь, я еще раз напутствовал остающихся здесь восьмерых австралийцев, семеро из которых были мориори, причем один — побочный сын Ильи. И француз, несколько лет назад подобранный нами на терпящей крушение шхуне "Красавица". За это время Шарль, приобретя первые практические навыки в наблюдении за своими соотечественниками, закончил школу имени Штирлица и по результатам экзаменов в числе прочего получил право сменить имя на Максима Исаева. Ему оставялась рация и несколько отличное от всех прочих задание. Кроме организации подготовительных работ по добыче угля, производства кокса, а затем и чугуна, они должны были отбирать кандидатов на приглашение в Австралию. А Исаеву поручалось искать тех, кто согласится перед этим несколько лет отработать в России. По не очень афишируемой специальности, образно говоря.

Ранним утром двадцать шестого апреля катамаран покинул поселок, который уже вполне официально назывался Донецком, и двинулся вниз по речке Северский Донец. По течению, да еще и без груза наш кораблик шел заметно быстрее, и вечером двадцать седьмого мы вернулись в Таганрог.

Ассамблея прошла первого мая, или двадцатого апреля по действующему в России календарю. Вообще-то Петр уже говорил мне, что собирается ввести европейский календарь, причем не только по годам, повелев считать их не от сотворения мира, а от рождества Христова, но и по датам.

— Вот только попы не начали бы палки в колеса ставить, — поделился опасениями он.

— Да как же без них, обязательно начнут. Так что лучше делай это в два приема. Сначала — новое исчисление лет, это удобнее будет приурочить к наступлению нового века. А потом, когда патриарх помрет, нового сразу выбирать не давай, а посади какого-нибудь местоблюстителя из верных. Кто там сейчас патриархом-то, Адриан? Вроде человек он еще не очень старый, так что раньше чем через два года не помрет. Но и не очень молодой,

больше двух с половиной ему никак не протянуть.

Петр внимательно глянул на меня, но ничего не сказал, а я продолжил:

— У тебя среди попов что, верных нет? Ну, вот это ты совершенно зря, церковь — большая сила, и тебе давно пора учиться ей управлять, причем лучше неявно. Жалко, что твой посольский поп Битка больно уж низкого звания, а то ведь мужик умный, верный и в шахматы хорошо играет. Может, пока как-нибудь пропихнешь его в епископы? Для тренировки перед более серьезными делами.

Ну, а ассамблея прошла неплохо, несмотря на отсутствие у организаторов опыта. Элли имела потрясающий успех, причем ей здесь понравилось даже больше, чем в Лондоне. Все правильно, там на нее смотрели не столько с восхищением, сколько с завистью, а то и с ненавистью из-за подрыва ей вековых устоев. Здесь же для большинства присутствующих она была первой увиденной светской дамой, на которую они взирали с детским восторгом. Это была первая причина, но имелась и вторая. На атмосфере в царских покоях, где происходило данное действо, очень благотворно сказалось распоряжение Петра. Дословно я его не помню, но в нем говорилось — мол, ежели кто вздумает явиться на ассамблею, не побывав в этот день в бане, того палками гнать до залива и там кунать в воду с головой не менее трех раз. Впрочем, и без этого указа баней русские не пренебрегали, в отличие от англичан и французов.

Отбытие австралийской эскадры было назначено на пятое мая, но нам пришлось задержаться на день. Ибо когда на "Кадиллаке" уже начали разводить пары для выхода из бухты, сигнальщик обнаружил довольно быстро приближающееся судно, которое вскоре было опознано как фелюка "Медария". Я дал отбой своей эскадре и через час имел честь принимать на борту "Чайки" владельца и капитана подошедшей фелюки, почтенного Ицхака Хамона. А спустя полчаса к нам присоединился и Петр, пожелавший узнать, ради кого это австралийцы задержались с выходом в море, да еще приветствовали его трехкратным пушечным салютом и подъемом флагов.

Купец из города Салоники привез в Таганрог зерно, соленую рыбу в бочках, марокканские мандарины и оливковое масло. Я познакомил его с русским царем и попросил, чтобы почтенному Ицхаку, как первому поставщику компании, береговые власти отныне благоприятствовали, и Петр сказал, что распорядится об этом.

— Вот видишь, — заметил я ему, — а ты мне тут говорил — проливы, мол, проливы. Между прочим, мы их прошли без всякой задержки. Но это ладно, у нас быстроходные корабли и мощные пушки. Однако достопочтенному купцу они тоже не помешали, хотя на его кораблике всего две пушки калибром аж два фунта каждая. Насколько я понимаю, вопрос тут стоит таким образом — где, кому и сколько следует дать. Это вообще-то очень полезная наука, так что ты будь поласковой с купцом, вашим такие навыки тоже наверняка пригодятся.

## Глава 16

При подходе к Керчи мы увидели, как от крепости отчалили три мини-галеры и двинулись нам наперерез. В принципе "Чайке" с Кадиллаком" не составляло большого труда увернуться от неповоротливых и медлительных посудин, но меня разобрало любопытство. А вскоре я получил прекрасную иллюстрацию на тему того, как оно, это самое любопытство, может повлиять на кота.

В среднем суденышке, богато украшенном и с красным балдахином посередине, явно пребывало начальство. И мне стало интересно, что именно везут в следующем за ним кораблике, существенно большем по размерам. Уж не подарки ли?

На сей раз австралийскую эскадру посетил сам паша Муртаза в сопровождении все того же бея, который взял на себя роль переводчика. При взгляде на пашу в первый момент мне стало даже слегка неудобно, что я вытащил столь пожилого человека из постели, где он явно отсчитывал последние часы перед встречей с аллахом. Однако потом присмотрелся и



решил, что нет, с такой-то пройдошистой рожей этот дедушка переживет кого угодно. Но тут бей от общих приветствий перешел к озвучиванию ассортимента подарков для дорогих гостей из далекой Австралии, и я с трудом удержался от непечатных комментариев.

— Тридцать три молодых невольницы, кои воистину станут украшением любого гарема! — заливался гадский турок, — которых я лично отбирал из лучших в Кефе! Они достойны стать наложницами самого султана, но великий паша повелел иначе.

Да что же его кондрашка-то нехватила в процессе повеления, хмуро подумал я и распорядился поднимать дев на борт "Чайки". Стоящая рядом Элли сделала квадратные глаза — кажется, ей померещилось, что я решил одним махом увеличить количество своих жен еще на три десятка. Но, так как дамы перебирались к нам минут десять, нашлось время успокоить герцогиню. После чего кое-как построенным на палубе гостям была сказана краткая речь. В ней я объяснил, что с этого момента их судьба находится в их же прекрасных ручках. И, кстати, тут я не особо преувеличивал, потому как в большинстве своем девушки действительно были очень даже ничего.

— Вы можете отправиться вместе с нами в Австралию, — начал я, — где станете желанными гостями, но все же учтите две вещи. Первая — женщин там и без вас примерно в два раза больше, чем мужчин. Второе — у нас действует принцип "кто не работает, тот не ест". И вам придется именно работать.

После чего я минут десять расписывал дамам прелести труда на картофельном поле, в угольной шахте или на химкомбинате. Вообще-то на пожелавших плыть в Австралию девушек у меня уже появились несколько иные планы, связанные с работой по их специальности. И не у нас, а в Европе, правда, после прохождения курса в одном незаметном учебном заведении на окраине Ильинска. Однако следовало слегка напугать потенциальных кандидаток, чтобы остались самые решительные.

— Кто не хочет в Австралию, может отправляться в Таганрог, — продолжил я, — где сейчас пребывает русский царь со своей свитой. При желании там можно добиться очень неплохих успехов. Наконец, те из вас, кого не устраивают эти два варианта, могут возвращаться в Керчь.

Закончив выступление, я дал девушкам пятнадцать минут, чтобы те, кто понял мою речь, перевели тем, кто не понял, ну и на раздумья. После чего скомандовал:

— Желаящие в Австралию — направо, в Таганрог — налево, в Керчь — остаются на месте. Вперед, девушки, выбирайте свое будущее.

Направо пошло всего восемь дам, остальные стайкой кинулись к левому борту. На месте не остался никто. Я сходил в каюту, откуда радировал на "Кадиллак", чтобы за гостями прислали лодки, а потом со всей возможной скоростью везли их в Таганрог и возвращались сюда, где будет ждать "Чайка".

Потом вернулся на палубу, где вручил туркам ответные подарки — три зеленые пластиковые бутылки из-под "Спрайта". Правда, предварительно отклеив этикетки, а то больно жирно им будет, рабовладельцам хреновым.

Вскоре "Кадиллак" на всех парусах помчался в Таганрог, унося основную массу подаренных нам дам, а обустройством на борту "Чайки" восьмерых, пожелавших плыть в Австралию, занялась Элли.

В общем, из-за турецкого подарка мы задержались около Керчи почти на двое суток. Скорее всего, паша с беем и хотели достичь именно такого результата, потому как еще при нашем подходе из гавани вышел небольшой кораблик и на всех парусах рванул в открытое море. Через три часа мы отправили модель с телекамерой, и, когда она вернулась, убедились — судно чешет напрямик на Босфор, причем довольно быстро, со скоростью километров пятнадцать-шестнадцать. То есть к тому моменту, когда мы покинули Керчь, оно прошло порядка трех четвертей пути до Стамбула. И, значит, с учетом нашей скорости у турок будет около суток на подготовку встречи. Интересно, до чего они додумаются?

В общем, выяснилось, что постоянная времени передачи информации внутри Османской империи как минимум существенно больше суток, потому как к моменту нашего

прохода через Босфор турки не успели сделать ничего. На сей раз мы проскочили его днем и на предельной скорости, помогая машинам парусами, ибо дул свежий попутный ветер. В начале и в конце пролива в нашу сторону дергались какие-то весельные посудины, но оба раза мы успевали проскочить точку встречи. Явной агрессии никто не проявлял, мы тоже вели себя как мирные люди. Когда мы вышли в Мраморное море, уже темнело.

Ночь была хоть и облачной, но иногда все же показывалась луна, так что мы и без радара кое-что видели. Ну, а радар обеспечивал обнаружение даже самых мелких кораблей километров за пятнадцать. Их нам повстречалось немало, так что путь наш представлял собой весьма извилистый зигзаг. И уже под самое утро, недалеко от Дарданелл, из-за острова Мармара наперерез нам двинулась турецкая эскадра. Судя по всему, та же самая, что повстречалась нам по пути в Венецию. Или просто такого же состава, нас подобные тонкости интересовали не очень сильно. А значение имело то, что при сохранении прежнего курса и скорости мы прошли бы перед турками впритык, метрах в пятистах, чего мне совершенно не хотелось. Так что я дал команду повернуть на два румба вправо и готовить к запуску большую неуправляемую ракету. Таких изделий на борту "Чайки" имелось четыре штуки, и они предназначались для поражения крупных береговых объектов. Попасть ими в корабль было маловероятно, но сейчас этого и не требовалось.

В предрассветной мгле полет ракеты смотрелся весьма эффектно. Она пролетела около трех километров, а потом взорвалась в воздухе метрах в трехстах перед флагманом. Тот впечатлился и постарался резко отвернуть, но, учитывая его размеры, получилось это у него не очень хорошо. А у следующего за ним линейного корабля — еще хуже, он чуть не врезался в первого. В эскадре начала нарастать неразбериха, скорость упала, и наши корабли проскочили мимо нее километрах в полутора.

Дарданеллы мы форсировали ранним утром. Впереди зигзагами летел "Орел", в промежутках между завываниями матерясь по-таджикски. Столь обширные лингвистические познания у меня образовались во время ремонта купленного в деревне дома, осуществленного бригадой из этой солнечной страны.

Наконец в восемь утра "Орел", выкрикнув последнее "дадета гом!"\*, пошел на посадку. Мы

вышли в Эгейское море.

По Средиземному морю мы шли неделю, и это был сплошной курорт — все-таки в начале мая погода тут просто замечательная. Все это время дул свежий южный ветер, и мы, теперь уже не нанося никаких визитов, каждые сутки отматывали примерно по пятьсот километров в сторону Гибралтара. Кораблей нам почти не встречалось, волнение было умеренным, Элли потихоньку дрессировала девушек — в общем, имела место быть натуральная лепота. Я отдохнул и отоспался.

Однако, приблизившись к Гибралтару, мы обнаружили признаки заметного оживления. В гавани перед проливом толпилось порядочно кораблей, и вскоре нам стали ясны причины этого явления.

Вообще-то в проливе имеется постоянное течение со скоростью до восьми километров в час, направленное в Средиземное море. А уже несколько дней оно дополнялось юго-западным ветром, то есть для выхода в океан кораблям пришлось бы идти не только против течения, но еще и курсом, обозначение для которого ввел в оборот великий мореплаватель Христофор Бонифатьевич Врунгель — "вмордувинд". Вот только для кораблей текущей эпохи он был недоступен, отчего перед входом в пролив и стало довольнолюдно. Мы же, как белые люди, убрали паруса, развели пары и за два с половиной часа хоть и потихоньку, но преодолели узость пролива. После чего прошли еще километров двадцать на паровой тяге, а потом повернули налево, поставили паруса и курсом бейдевинд двинулись вдоль марокканского берега, потихоньку удаляясь от него.

За первый месяц в Атлантике нам не встретилось ни одного корабля, и в начале июня мы зашли на остров Святой Елены с целью пополнить запасы продовольствия. Когда-то, еще в том мире, я читал про поиски голландского корабля "Витте Лиув", везшего золото и

бриллианты и затонувшего у Святой Елены. Причем обстоятельства данного прискорбного события были таковы, что сразу возникала мысль о неправильности названия злополучного утопленника. Ибо "Витте Лиув" переводится как "Белый лев", но кораблю гораздо больше подошло бы имя "Серый ишак". Потому как лев, только что задравший хорошую добычу, никогда не станет тут же бросаться за новой, ибо он умный и понимает, что сначала надо разобраться с тем, что уже есть. Ну, а голландцы в самом начале семнадцатого века думали иначе. Казалось бы, везешь ты золото с бриллиантами, ну так и вези их поаккуратней! Но нет, встретив две португальских карраки, голландцы ринулись в бой. В принципе это можно понять, ведь на их стороне было двойное численное преимущество, да и по количеству пушек каждый голландский корабль превосходил португальцев.

Однако быстро выяснилось, что пушки-то они, конечно, пушками, но умения воевать не заменяют. Португальцы отошли в бухту, где встали бортами ко входу в нее, а голландцы не могли туда заходить более чем по два, да и то в неудобной для стрельбы позиции. В результате первым лезший на рожон "Витте Лиув" словил ядро в кюйт-камеру и взорвался. Его сосед получил серьезные повреждения и заблокировал для оставшихся снаружи кораблей вход в бухту, но не прикрыл их от огня португальцев. В общем, голландцы еле сумели удрать, да и то потому, что португальцы их не преследовали.

Я же читал рассказ английского дайвера, который с друзьями нашел-таки "Витте Лиув". Точнее, его носовую часть, ибо кормовая была разнесена взрывом. Но в носу обнаружился только китайский фарфор, а более ценные вещи наверняка находились в исчезнувшей корме. Жаль, ведь у нас есть аквалангисты, но искать алмазы с золотом бессмысленно. А фарфор нам не нужен, перед отбытием в прошлое я хорошо затоварился в интернет-магазине "Одноразовая посуда".

Все это происходило в бухте Джеймстауна, английского поселения на этом острове. А сейчас тут стоял большой торговый бриг, который при ближайшем рассмотрении оказался одним из зафрахтованных нами для перевозки в Ильинск купленных в Англии чугунных отливок. Ему требовался мелкий ремонт, но капитан заверил меня, что максимум через три дня путь будет продолжен. Ну, а мы, пробыв на острове сутки, двинулись дальше и к концу июня прошли мимо Капстада, которому еще только предстояло со временем стать Кейптауном. Первая половина пути была позади, и меня потихоньку начало обуревать нетерпение — да когда же, наконец, на горизонте покажутся родные австралийские берега? Но до этого эскадре предстояло сделать еще одну остановку.

Примерно на полпути между Южной Африкой и Австралией находился остров Амстердам, открытый лет за двести до описываемых событий, однако до сих пор не то что не заселенный, но даже не объявленный чьм-то владением. Ибо был он на фиг никому не нужен, в такой-то дали. Теперь же мы по согласованию с Англией и Голландией собирались устроить на нем нечто вроде Святой Елены, только в Индийском океане. То есть пункт заправки водой и провизией для идущих в Австралию и из нее судов. Но не только, скоро туда начнет завозиться уголь для пароходов, причем сразу с двух сторон. Голландцы повезут его с запада, о чем мы уже договорились, а австралийцы с востока. Ибо походы "Чайки" и "Кадиллака", имеющих нефтяное отопление, убедительно показали не только его преимущества, но и недостатки. Главным из которых была невозможность дозаправиться нефтью на маршруте. Уголь же было можно купить, и он не требовал сложных резервуаров для хранения.

Вот, значит, исходя из этих соображений французские корабли, недавно пошедшие тут с иммигрантами в Австралию, должны были оставить на Амстердаме человек пятьдесят добровольцев, снабдив их всем необходимым для обустройства на этом клочке земли посреди океана. И теперь я собирался посмотреть, как французы выполнили это мое указание.

Остров Амстердам представлял собой эллипс с осями семь и десять километров, вытянутый с севера на юг. Его западная часть была гористой, восточная — более или менее равнинной. Французы основали поселок на северной оконечности, у места впадения в

океанскую бухту небольшого ручья. Бухта была так себе, открытая примерно четверти всех ветров, но ничего лучше на острове не нашлось. Так что по уму тут надо будет со временем ставить волнорез, ну, а пока просто утешаться тем, что сильные северные ветры случаются здесь довольно редко.

Колонистов высадили примерно сорок дней назад. Более точно они сказать не могли, ибо уже успели запутаться в датах. Но лес на острове имелся, топоры и несколько пил им оставили, так что к моменту нашего прибытия на берегу бухты уже стояло четыре дома и строилось еще семь. С провизией было терпимо, но однообразно. Ибо основную пищу составляли морские котики, в изобилии водившиеся на острове. Но и тут намечался кризис, потому как ружей у колонистов было всего два, причем с небольшим запасом пороха и пуль, а бить котиков дубьем — это еще надо уметь, да и не больно-то они подпускают к себе охотников.

Узнав, что никаких семян поселенцам не дали, я поставил в блокноте небольшой минус, означавший, что вознаграждение капитанов будет немного уменьшено. Неужели трудно было захватить из Франции семян чего-нибудь национального? Я уж не говорю про лягушек, которых на Амстердаме тоже не водилось.

Вечером я связался с Ильинском. Оттуда сообщили, что Илья недавно выходил на связь и сообщил, что английская экспедиция найдена. Правда, от нее остался один корабль, пребывающий в жалком состоянии, и на нем всего двенадцать человек команды, к тому же поголовно больных. Все правильно, антарктические воды — не самое приятное для плавания место. Но теперь корабль починен, среди команды ведется разъяснительная работа. Затем наши яхты проводят англичан до Огненной Земли и отправятся в Австралию. То есть император собирался прибыть в Ильинск максимум через четыре месяца, а возможно, и раньше.

Я в ответ наябедничал на французских капитанов и велел вычесть из их премий по сто рублей. Потом попросил, чтобы с ближайшим кораблем на Амстердам была отправлена картошка, семена капусты и огурцов. Немного ржи я отсыпал из корабельных запасов. Кроме того, поселенцам было выдано еще десять ружей с запасом пороха, пуль и дроби. Ибо, помимо котиков, на острове в изобилии водились птицы. Кроме того, французам был подарен наш катамаран, правда, без двигателя — для организации рыболовства. Ну, а для повышения образовательного уровня я вручил им пять экземпляров самоучителя австралийского языка. Потом, вспомнив, как этот язык постигал Франсуа, добавил две библии.

Поселенцы уже успели избрать мэра, который обратился ко мне с вопросом — а как им назвать свой строящийся город? Ибо о том, что все делопроизводство в империи ведется на австралийском языке, их уже предупредили. Большая часть иммигрантов была из-под Орлеана, и мэр спросил, как будет "Новый Орлеан" по-австралийски. Я вынужден был огорчить человека, сказав, что в Америке такой город уже есть и плодить других таких же не надо. В общем, по результатам примерно пятиминутных раздумий столица острова получила гордое австралийское имя Большие Орлеаничи. Потому как на восточной стороне острова, оказывается, уже неделю имелся шалаш охотников на котиков, который теперь станет вторым по величине населенным пунктом острова — поселком городского типа Малая Орлеановка.

Вечером двадцать седьмого августа тысяча шестьсот девяносто восьмого года "Чайка" и "Кадиллак" вошли в бухту Порт-Филипп. Вторая европейская экспедиция, продолжавшаяся год и один день, была успешно завершена.

\*Я твой папа имэл! (тадж).

## Глава 17

Когда после долгого отсутствия возвращаешься домой, часто кажется, что тут все стало как-то немножко не так. Вот и я, вернувшись из диких Европ, с некоторым изумлением

взирал на вход в бухту, которая, хоть и не дотягивала до гордого названия "море", все же имела размер пятьдесят на пятьдесят километров. И соединялась с океаном проливом шириной около трех. Так вот, теперь на косе слева поднималась недостроенная башня. Не иначе маяк начали строить, подумал я, но задерживаться не стал, потому как хотел попасть в Ильинск до темноты.

Километрах в десяти от входа в бухту располагался небольшой остров. Или два, в зависимости от направления ветра и прилива-отлива. То есть всю середину острова занимала большая лагуна, соединяющаяся с бухтой двумя проливами. И если северный был достаточно широк и глубок, чтобы там проходили корабли, то южный в самом глубоком месте был мне примерно по пояс. А иногда и вовсе исчезал. На наших картах этот остров назывался "Mud", ну, а мы и по смыслу, и по созвучию присвоили ему имя "Дурацкий".

Так вот, на этом Дурацком острове тоже происходила какая-то возня, там явно что-то строили. Но и туда мы заходить не стали, решив, что никуда этот остров не денется.

В Ильинске нас ждало еще одно новшество — два нормальных пирса, к которым смогли пришвартоваться "Чайка" с "Кадиллаком".

Командовал торжественной встречей приехавший в порт на императорском рыдване принц Михаил. Он сказал краткую приветственную речь, после которой приватно осведомился у меня, как скоро я смогу к нему зайти для беседы. Судя по всему, парню не терпелось свалить на меня хотя бы часть исполняемых им императорских обязанностей, и я, вздохнув, сказал, что прямо сегодня, часа через полтора. После чего повернулся было к своим женам, но они были уже заняты — Элли после долгой разлуки обнималась и целовалась со своими коллегами Таней и Зоей. Воспользовавшись заминкой, вперед протолкался Темпл, тоже толкнул краткую речь и пригласил на торжественный обед в честь нашего возвращения, который состоится в английском посольстве завтра. Я обещал быть, и, кроме того, порадовал старика, сообщив, что австралийский климат действует на него просто прекрасно и с нашей последней встречи он буквально помолодел. И, наконец, двинулся к своей семье.

Поздним вечером я ужинал в императорском дворце, у Михаила. Он вкратце обрисовал мне ситуацию, подчеркнув, что, несмотря на принимаемые меры, производимого в колонии продовольствия ей хоть и немного, но не хватает. Слишком уж большой процент населения занят в промышленности и золотодобыче. На последнем я попросил остановиться подробнее и услышал, что на прошлой неделе золотой запас Австралийской империи дошел до полутора тонн. И еще как минимум тонна будет извлечена до конца года из уже разрабатываемых россыпей. Добычей занимаются в основном патагонцы под руководством ветеранов-золотоискателей из мориори, которые начинали еще на месте будущего Ильинска. Запас необработанных алмазов — двести тридцать три грамма, бриллиантов — двести девяносто карат, среди них восемь камней более чем десятикаратного веса. Два самых крупных — двадцать шесть и тридцать карат. Рубины и сапфиры за время моего отсутствия не расходовались.

— Недостающее продовольствие поставляет Гонсало? — уточнил я и, получив утвердительный ответ, предложил:

— Пусть из первой партии французов, которые уже здесь, около сотни отправляются на остров Кенгуру и готовят место для следующих переселенцев. Устроим там сельскохозяйственный район. Кстати, чего они строят на входе в Порт-Филипп, в общем понятно, действительно, маяк и форты там не помешают. А что за деятельность происходит на Дурацком острове?

— У вас, Алексей, устаревшие сведения, — улыбнулся Миша, — он уже третью неделю называется островом Свободы. Просто Ильинск растет, порт тоже, и скоро имеющаяся в нем свободная экономическая зона начнет мешать. Ну мы с отцом и решили потихоньку перенести ее на тот остров, перед этим приведя его название в соответствие с новыми реалиями.

Я кивнул. Вообще-то по Михаилу было видно, что его так и тянет чем-то похвастаться,

и предложил ему не томить и рассказывать.

— Как по-вашему, сколько стволов мы нарезали для стомиллиметровых пушек? — гордо спросил он.

Я, честно говоря, вообще не ожидал, что к моему возвращению будет готов хоть один, но, раз Михаил употребил множественное число...

— Неужели два?

— Все четыре! — огорошил меня старший сын императора. — И это потому, что канавки мы не нарезали, а травили. Сделали из железного дерева цилиндр под внутренний размер ствола, врезали в него закручивающиеся полосы из графита, погрузили в раствор, пустили ток — и через полдня уже нарезанный ствол осталось только подшлифовать. Это я вспомнил, как вы мне рассказывали про травление печатных плат, вот и решил попробовать применить это для несколько иной задачи.

— Молодец, — кивнул я, — просто молодец. Ну, а теперь выкладывай, что ты собираешься свалить на меня, даже не дав толком отдохнуть после дальней дороги.

В общем, я ожидал худшего. Михаил всего лишь хотел, чтобы я взял на себя остров Кенгуру и надзор за переносом свободной экономической зоны на остров, а все остальное, включая руководство постройкой нашего первого броненосца, он был согласен оставить за собой.

Тут, конечно, некоторые могут подумать, что металлургия в Австралии достигла совершенно невиданных высот. А иначе откуда возьмется сталь для постройки огромного корабля? Но увы — наш недавно заложенный корабль только назывался броненосцем, а по сути был деревянной канонерской лодкой водоизмещением в тысячу сто тонн. Да, он будет почти весь покрыт броней, но не стальной, а из многослойной переклейки эвкалипта с железным деревом.

Михаил тем временем рассказал еще про одно новшество. Дело было в том, что нашему разросшемуся химкомбинату перестало хватать обрезков с верфи в качестве топлива, а лесов ближе трех километров от Ильинска уже не осталось. И, чтобы не увеличивать это расстояние, из досок были сделаны четыре двухметровых фигуры, слегка напоминающих параболоид. Потом их вогнутую часть зашкурили, отполировали и покрасили серебрянкой. Правда, получившиеся зеркала для телескопов или даже как обстановка комнаты смеха совершенно не годились, но сконцентрировать солнечный зайчик сантиметров пятнадцати в поперечнике они могли. И теперь химкомбинат потреблял топливо только в пасмурную погоду, которая случалась в Ильинске довольно редко, а количество работающих сократилось примерно на четверть.

Выслушав все новости, в том числе и последнюю — о том, что Илья прошел уже половину пути домой и будет в Австралии через месяц с небольшим, во втором часу ночи я отправился спать. Во всяком случае, именно так это занятие часто называется в художественной литературе. И по дороге гадал — до какой очередности договорились мои жены? Ответ оказался предсказуемым, то есть меня ждала старшая, Таня.

С утра я впрягся в работу, но начал не с административных дел, а с технических. При отъезде я обозвал большой сарай, где мы собирали первый дирижабль, или, скорее, пародию на него, "вторым авиационным заводом". Имея в виду, что первый завод — это навес, под которым были склеены оба наших самолетика, "Колибри". А Франсуа назначил директором этого самого второго завода. Однако в процессе написания приказа выяснилось, что у него, оказывается, нет фамилии. То, под чем он до этого фигурировал, всего лишь последнее прозвище, полученное уже в бродяжничестве. И тогда в знак его особых заслуг в области воздухоплавания я торжественно присвоил ему фамилию Цеппелинюк.

За время моего отсутствия молодой француз составил проект уже почти настоящего дирижабля, на четыре тысячи кубов, который перед самым отбытием утвердил император. И новоявленный Франсуа Шарлевич Цеппелинюк, подобрав четырех помощников, приступил к изготовлению балсовых заготовок для каркаса первого воздушного лайнера.

Я внимательно рассмотрел его проект. Потом проверил расчеты на прочность — они,

если взглядеться, были сделаны с некоторой избыточностью, но я счел подобное вполне допустимым. И, узнав, что бальсы у нас осталось еще достаточно, а привезенные бальсовые саженцы уже принялись на австралийской земле, велел сразу делать еще один комплект. Пусть у Вильгельма и Людовика будут совершенно одинаковые дирижабли, во избежание лишних недоразумений. Ведь я уже успел пообещать каждому из монархов, что его воздушный корабль будет не хуже, чем у оппонента, а обещания надо выполнять. Особенно когда это выгодно и самому, ибо с первого раза наверняка что-нибудь получится не так, и в третьем дирижабле, который пойдет уже нам, можно будет учесть ошибки, совершенные при изготовлении первых двух.

В качестве двигателей для предназначенных королям воздушных лайнеров имелись две изготовленных Ильей паровых турбины — правда, он смог достичь только девятнадцати сил на каждой. Между прочим, у него получилась довольно любопытная конструкция — с гидравлическими подшипниками. То есть пустотелый вал турбины сидел на оси с зазором порядка пяти миллиметров. Точнее, он висел на двух цепях редуктора от вала к винту. На оси имелась спиральная нарезка, и во время работы в зазор под давлением подавалось масло. И где-то начиная с двух тысяч оборотов вал турбины зависал на этом масляном подшипнике, более не касаясь оси. Это не только снижало трение, но и обеспечивало самоцентрировку вала. Потому как у Папена, например, главная причина, по которой его изделия регулярно разваливались, заключалась именно в тряске. Но по расчетам Ильи выходило, что подобная схема может работать только на сравнительно маломощных турбинах.

То есть бортмеханик парового дирижабля должен будет почти непрерывно качать ручки трех насосов. Первый — водяной, ибо турбина требовала давления не меньше пятнадцати атмосфер, а показывать европейцам прямоточный котел мы не собирались. Поэтому его роль играла обычная скороварка, изобретенная тем же Папеном, которой хватало ровно на три минуты работы турбины. И, значит, в нее требовалось постоянно закачивать воду. Второй насос — воздушный, для создания давления в резервуаре со спиртом. Этот придется качать реже и не так интенсивно. Наконец, третий будет создавать и поддерживать давление масла в подшипниках. В общем, я сильно подозревал, что экипажу в полете не придется страдать от скуки.

Обедал я в английском посольстве. Вопреки опасениям, мне там не пытались подсунуть овсянку, хотя этот злак имелся в Австралии. Нет, на первое был суп из кенгуру, по которому я уже успел соскучиться, а когда на второе объявили бифштекс с яйцом, меня и вовсе одолели воспоминания о столовой оставшегося в двадцать первом веке ФИАНа. Однако поданное блюдо имело довольно мало общего с ранее пробованным под тем же названием. Это была не котлета с заграничной кличкой, а нечто вроде спагетти из тонко нарезанных мясных полосок. Очень даже ничего, подумал я, жуя произведение кулинарного искусства, и тут меня осенило. Да как же это мы так лопухнулись, что в передовой Австралии до сих пор нет ни одной мясорубки? Мало того что я не захватил этих полезнейших приспособлений из будущего, так и здесь только сейчас про них вспомнил. Но ничего, устройство это несложное, и мы запросто сможем его производить. У Стругацких, вон, в совершенно неразвитом Арканаре отец Кабани ее вообще смастерил на коленке, а мы чем хуже? Пусть те же англичане попробуют, что такое настоящий бифштекс, то есть по-австралийски.

После обеда и краткого рассказа о нашем путешествии я покинул посольство и отправился на наш металлообрабатывающий завод. Во-первых, прикинуть, как, не нарушая более серьезных планов, все-таки сделать десяток-другой мясорубок. А во-вторых, мне было любопытно глянуть на пушечные стволы, нарезанные электрохимическим способом. Все-таки в двадцать первом веке подобные технологии использовались только для сравнительно небольших калибров.

До сих пор все наши пушки, кроме притащенной из будущего сорокапятки, были гладкоствольными. Но сделать к ним снаряды, обеспечивающие приличную дальность, так и не удалось. В результате при дальнобойности в три километра попадать в корабль получалось только с тысячи восьмисот метров, да и то не всегда. А этого все-таки было мало,

ибо подобную дальность уж не знаю как скоро, но смогут выдать и стреляющие ядрами европейские пушки, пусть и на черном порохе. И, значит, следовало заранее увеличить дальность австралийских орудий — так, чтобы можно было открывать огонь километров как минимум с четырех. И повысить мощность снарядов, потому как наши теперешние были эффективны только против менее чем полуметровой деревянной обшивки, а английские линкоры имели до метра дуба в качестве брони.

В общем, я быстро понял, почему предложенный Михаилом способ не получил распространения. Нарезы вышли явно грубоватыми, несмотря на шлифовку после травления. Но, действительно, все-таки лучше такие, чем вовсе никаких.

Вообще-то готовы были не стволы целиком, а лайнеры для них — то есть сменные вставки в ствол пушки. По мере износа их можно будет заменять, не выбрасывая ствола. Они делались на основе захваченных из будущего тонкостенных труб из хром-ванадиевой стали. А сами стволы изготавливались методом многократной навивки на двадцатимиллиметровую трубу толстой проволоки с последующей проковкой, причем слои были разными. Мягкая инструментальная сталь, потом пружинная, потом снова мягкая — в общем, получалось что-то вроде дамаска. И этому процессу до завершения оставалось не меньше месяца.

Ближе к вечеру меня поймала Элли и объявила, что восемь подаренных нам в Керчи девушек определились со своей дальнейшей судьбой, причем в большинстве своем не без ее помощи. В общем, она, герцогиня Романцева, решила организовать собственное дело — пошивочное ателье. А то на весь Ильинск всего два портных, да и те шьют в основном простейшие штаны и рубахи без рукавов. Может, в поле или на химкомбинате такая одежда оправдана, но даже для кабака она уже не очень. То-то эта еврейская морда, сэр Ротшильд, ставит уже третью платяную лавку! Если и дальше ничего не делать, то он ведь и в поставщики императорского двора пролезет. Но она, Элли, считает, что подобное будет непатриотично. И просит меня войти в дело, причем главным моим вкладом будет помещение, которое надо построить вон на том холмике между дворцом и нашим домом. И проложить к нему асфальтовую дорожку. Из семи девушек шесть уже умеют шить, а три даже слегка освоили машинку "Радом".

— Из семи? — уточнил я, — мне припоминается, что разговор начался про восьмерых. Одна не желает стать портнихой?

— Да, она спрашивала, принимают ли женщин в небесные войска.

— Рост, вес?

— Чьи?

— Дорогая, ну не твои же! Их я и так знаю с точностью чуть ли не до грамма и миллиметра. Этой, желающей в авиацию.

Элли взяла маленький свисток, который, оказывается, висел у нее на шее, и вскоре перед нами стояла чуть запыхавшаяся белобрысая пигалица. На вид лет шестнадцати, ростом, кажется, даже меньше метра шестидесяти и тощая, как я не знаю кто.

— Австралийский знаешь?

— Да, ваша светлость, — пигалица изобразила нечто вроде книксена.

— Хочешь в авиацию? Тогда сложи руки в замок, вот так.

Я обхватил оба ее кулачка своим правым, присел, поднатужился и поднял даму одной рукой.

— Сорок пять кило, у тебя великолепные данные для пилота. Элли, покажи ей, где у нас министерства. Да, только оборона на втором этаже, на первом министерство животноводства. Пусть зайдет в первый отдел, пройдет инструктаж и получит допуск, а потом предписание на второй авиазавод. Пробное задание — навести там порядок. Чтобы можно было ходить, не спотыкаясь об доски и гвозди, а желательно еще и повлиять на персонал в смысле — пусть они свои рожи или бреют, или носят нормальные бороды, а не как сейчас. Не пойми чего, будто это не авиаторы, а какие-то, прости господи, Абрамовичи.

После встречи с женой и ее протеже мне пришлось зайти в императорский дворец.



Кроме собственно резиденции его величества там располагались контрразведка и узел связи. Именно в таком порядке я и посетил эти заведения.

Шефом контрразведки у нас был сам император, а сейчас его замещал Михаил. Я рассказал парню о несколько нестандартных устремлениях бывшей турецкой невольницы, но добавил, что за остальными тоже нужен глаз да глаз. Ибо я, например, организуя нелегальную резидентуру, рассматривал бы ателье как близкое к идеальному прикрытие. Никакой визит туда не будет подозрительным, а среди клиентов вполне могут оказаться и болтливые, и осведомленные. Правда, лично мне казалось маловероятным, чтобы у турок, да еще в такой дыре, как Керчь, оказались подготовленные агентессы. Но, как говорится, чем черт не шутит, в таких вопросах лучше перебдеть, чем наоборот.

И, наконец, последний в этот день визит был на узел связи, где примерно за полтора часа мне удалось связаться с нашим посольством в Лондоне. И, как оказалось, вовремя, потому как всего несколько часов назад там был интересный визитер, представившийся турецким посланником. Его зовут Стефан Кантакузин, по-английски говорит с французским акцентом, по-австралийски с каким-то шипящим, так что половину слов невозможно понять. Морда — пройдошистая. Далее отец Юрий сообщил, что этому псевдотурку назначено на послезавтра. В случае отсутствия указаний из Ильинска беседа будет проходить по инструкции за номером девять.

Я ответил, что попытаюсь выйти на связь завтра вечером. Если же это не получится, то пусть резидент действует, как собирался.

Чем-то меня слегка царапнула фамилия гостя. Во-первых, она совершенно не турецкая, а во-вторых, где-то я ее уже слышал. Вот только где именно, сразу вспомнить не получилось.

## Глава 18

Стефан Кантакузин смотрел на лондонские улицы сквозь венецианские стекла кареты, но его мысли были далеки от архитектурных красот английской столицы. Он в который раз перебирал все предшествующие события, пытаясь найти — не упущено ли что-нибудь важное?

Когда два месяца назад его вызвал великий визирь Амджазаде Хусейн-паша Кёпрелю, он уже представлял себе, о чем пойдет речь. Ибо еще в конце апреля по греческому кварталу Стамбула поползли слухи о двух черных кораблях, ненастной ночью как молнии промчавшихся по Босфору из Мраморного моря в Черное. Шли они против ветра и без парусов. В прежние времена за одно это великий визирь мог лишиться головы, ибо спокон веку в Черном море плавали исключительно османы и лишь иногда те, кому они разрешали.

Дальше — больше. Корабли среди бела дня прошли Керченским проливом, а гарнизон крепости не смог им помешать! Брат Стефана, Матвей, рассказывал о том, как шейх-уль-ислам Фейзуллах-эфенди настаивал, чтобы керченский комендант был подвергнут показательной казни, однако великий визирь придерживался противоположной точки зрения. А из того, что Муртаза-паша до сих пор оставался на своем месте, следовало, что великому визирю удалось убедить султана в своей правоте. Правда, командующего эскадрой капудан-пашу, не сумевшего задержать пришельцев в Мраморном море, все же сняли с должности. Однако не казнили и даже не заключили в тюрьму. Все это говорило о том, что в соперничестве шейх-уль-ислама и великого визиря за влияние на султана наступил перелом. И, значит, этот выскочка Александр Маврокордато, поднявшийся именно при покровительстве Фейзуллаха-эфенди, теперь вынужден будет поумерить прыть.

— Для Османской империи наступили тяжелые времена, — наставлял великий визирь Стефана, — впервые за столетия война может кончиться потерей территорий. Да, наша империя истощена, но противники воюют из последних сил, так что в подобной неустойчивой ситуации любая мелочь может качнуть чашу весов судьбы в нужную сторону. Держава же, корабли которой плавают втрое быстрее, чем у любой другой, а пушки бьют на вообще непредставимые расстояния и поджигают корабли с первого выстрела — это не

мелочь. Да, царю Петру удалось чем-то заинтересовать этих австралийцев. И ему, Стефану Кантакузину, поручается узнать, чем именно.

— Дозволено ли будет мне, недостойному, привнести свои жалкие... — начал было Стефан, но визирь нетерпеливо махнул рукой — оставь это. И Кантакузин продолжил:

— Я уже узнал следующее. Все случаи установления австралийцами отношений с европейскими странами начинались с визита их глав к пришельцам, причем с подарками. Король Вильгельм, венецианский дож, русский царь — все они первыми являлись на их корабли. А вот Людовик Четырнадцатый не пошел на такое, и сейчас Франция соотносится с Австралией через третьих лиц. Но может ли великая Османская империя позволить себе подобное тому, что сделали король, дож и царь? Плюс, по неподтвержденным сведениям, магистр мальтийского ордена.

— Нет, не может, — твердо ответил великий визирь. — И именно поэтому я ставлю задачу тебе, а не какому-нибудь мелкому чиновнику из Топкапы. Австралийцы должны сами явиться к солнцеподобному султану с изъявлениями почтения и богатыми подарками. Но средства на достижение этого результата будут выделены очень большие. Многократно превышающие стоимость их подарков и ограниченные только моими возможностями, которые ты наверняка неплохо себе представляешь.

При этих словах Стефан ощутил воодушевление, грозящее перейти в восторг, ибо действительно представлял упомянутое весьма и весьма неплохо.

И вот теперь карета катилась под моросящим дождем по булыжной мостовой Лондона, а ее пассажир в который раз прикидывал возможные варианты развития первой беседы с австралийским послом.

Прием состоялся сразу по прибытии Стефана к особняку посольства, находящемуся на территории королевского Кенсингтонского дворца. У входа Кантакузина встретил огромный, но довольно молодой парень в сопровождении двух вооруженных барабанными ружьями солдат. Посланник визиря уже знал, что это какой-то родственник австралийского императора. Возможно, даже и сын, но, скорее всего, побочный. Или от какой-то далеко не главной жены, ибо, хоть австралийцы и были христианами, ходили слухи, что у них допускается многоженство. Парень сказал, что его премногосвятость отец Юрий примет только одного, так что Кантакузину пришлось взять коробку с подарками у слуги.

В сопровождении этого не то эскорта, не то конвоя пройдя по коридорам особняка и поднявшись на второй этаж, Стефан оказался в кабинете австралийского посла. Отец Юрий принял его стоя.

Одет он был в нечто напоминающее рясу московитских попов, но сходство кончалось на уровне пояса. Кожаного, широкого, с пряжкой из какого-то серебристого металла с выдавленной посередине пятиконечной звездой. Слева на этом ремне висела открытая кобура с так называемым револьвером, то есть австралийским многозарядным пистолетом, от нее через плечо шел еще один ремешок, потоньше. Выше одеяние посла имело отложной воротник, в вырез которого проглядывала ослепительно белая рубаша с черным галстуком. На уголках воротника и на рукавах сверкали какие-то серебристые значки в виде все тех же пятиконечных звезд и полосок. Поверх одеяния висел большой крест на толстой цепи, богато украшенный драгоценными камнями. Судя по всему, из алюминия — очень легкого и безумно дорогого металла австралийцев.

Сам отец Юрий был невысокого роста, худощав и слегка смугл, но на араба не походил совершенно. Его можно было принять за европейца, если бы не странной формы широкий приплюснутый нос.

— Рад видеть посланца великой Османской империи, — приветливо сказал он на безупречном английском, — проходите, садитесь и почувствуйте себя как дома, правда, при этом не забывая, что вы все-таки в гостях. Что будете пить — чай, кофе, фанту?

Стефан выбрал последнее, рассудив, что вряд это что-нибудь ядовитое, а попробовать австралийский напиток не помешает. И вскоре с интересом смотрел, как отец Юрий наливает в стаканы воду из прозрачной и почему-то гибкой бутылки, а затем досыпает туда

желтый порошок, от которого вода в стакане тут же окрасилась в оранжевый цвет и зашипела. На вкус эта австралийская фанта слегка напоминала апельсиновый сок.

Тем временем посол открыл врученную ему коробку, с интересом глянул на ее содержимое и, сунув туда руку, за шкурку вытащил белую персидскую кошечку.

— А ничего так, пушистенькая, — с одобрением сказал он, рассматривая очумело висящего с растопыренными лапами зверька, — но почему такая мелкая? В ней не больше четырех фунтов, а кот его светлости герцога Алекса, например, весит двенадцать килограмм, то есть он раз в семь тяжелее вашей кошки. Но это не страшно, на благодатной австралийской земле и не такие доходяги откармливались до вполне приличного вида. В общем, большое спасибо за подарок, и давайте перейдем к делу.

С этими словами посол нажал какой-то выступ на своем столе, в кабинет зашла девушка, взяла кошку, коробку и вышла.

Кантакузин успел узнать, что пришельцы с другого края земли не признают длинных предисловий и предпочитают говорить коротко и прямо, поэтому сразу сказал, что Османская империя может предоставить австралийцам определенные преимущества в плавании по принадлежащим ей морям, и было бы неплохо обсудить условия, на которых это произойдет.

— Дорогой сэра Стефан, — усмехнулся австралиец, — не подскажете ли, как называется ваше одеяние, которое я по вполне простительному незнанию считаю кафтаном? Ах, копаниче? Спасибо, постараюсь запомнить. Так вот, давайте я то самое копаниче, которое на вас надето, вам продам? Недорого, мы люди не жадные. А рубинчики, что там вместо пуговиц и которые у вас, видимо, считаются драгоценными камнями, так и вовсе подарю, ибо требовать денег за такую мелочь стыдно.

Кантакузин уже понял, к чему ведет речь отец Юрий, но ждал продолжения. И оно, естественно, последовало.

— Вам кажется странным предложение продать вашу же одежду? А мне не менее удивительно слушать про какие-то условия. Право плавать везде, где им надо, является основополагающим и неотъемлемым для подданных нашей державы. И ограничено оно только повелениями императора, размерами австралийских кораблей и мощностью их орудий.

Услышанное не явилось такой уж новостью для османского дипломата, ведь перед визитом в Англию он собрал все сведения и слухи, ходившие по Средиземному морю. Но для того сюда и послан именно он, чтобы даже такую, с первого взгляда заведомо проигрышную ситуацию, повернуть к вящей славе султана и, естественно, своей выгоде. И первым делом следовало уточнить, собираются ли австралийцы вообще договариваться с Османской империей хоть о чем-либо.

— Да, разумеется, я понимаю, что вы вполне обоснованно надеетесь на ваши быстрые корабли и мощные пушки. Но зачем вообще доводить дело до стрельбы? Ведь снаряды наверняка очень недешевы. Кроме того, всякая война вредит торговле, в чем, как мне сказали, Австралийская империя имеет немалый интерес.

— Вы совершенно правы, уважаемый сэра Стефан, — вздохнул посол, — но в своих рассуждениях не учли одной мелочи. А именно — пострелять нам придется всего один раз. Я не думаю, что после того, как Стамбул будет превращен в дымящиеся развалины, найдется много желающих послужить новыми мишенями. И, поверьте, я ничуть не преувеличиваю. Если хотите, могу прямо при вас подсчитать потребное количество стволов, боеприпасов к ним и количество задействованных в операции кораблей, как морских, так и воздушных. Наверняка получатся не такие уж огромные цифры, все-таки Стамбул — сравнительно небольшой город, и в нем много деревянных домов, которые отлично горят. Да и в большинстве каменных, насколько я в курсе, перекрытия из дерева. Относительно же цены снарядов — да, она велика. Но сейчас Австралийская империя ни с кем не воюет, а это значит, что потихоньку начинают возникать проблемы с боеготовностью наших вооруженных сил. И в такой ситуации возможность потренировать экипажи в условиях реальных боевых действий стоит куда больше истраченных на снаряды и топливо для

кораблей денег.

Кантакузин ждал продолжения, он чувствовал, что это еще далеко не конец беседы. И не ошибся в своих предположениях, ибо посол сказал:

— Однако все на свете имеет свою цену. И, если Османская империя ее предложит, наверняка можно будет повернуть дело к обоюдной выгоде.

Да, подумал посланник упомянутой империи, речи завоевателей во все века и во всех странах одинаковы. Или давайте богатый выкуп, а потом платите дань, или от вашего города не останется и камня на камне. Но то, что собеседник упомянул об обоюдной выгоде, внушает надежду, и для уточнения следует повернуть разговор самую малость в сторону.

Видимо, отца Юрия посетили похожие мысли, потому как он предложил:

— Уже полдень, не желаете ли отобедать? Правда, турецкой кухни в посольстве нет.

— Ничего страшного, — заверил его Стефан, — я немало странствовал на своем веку и успел привыкнуть и к европейской.

— У нас австралийская, но отличия от знакомых вам не слишком велики.

Сказав это, австралиец нажал на тот же выступ, но несколько раз подряд, причем так, как будто отбивал какую-то мелодию. Минут через десять уже знакомая девушка быстро накрыла стол.

Австралийская кухня мало чем отличалась от европейской, да и было сейчас Кантакузину не до кулинарных изысков или посуды из неизвестного материала. Он осторожно начал:

— Позвольте мне коснуться одного вопроса, который может вызвать ненужные недоумения. Я о подарке от визиря...

— Простите, а какие тут недоумения? — возразил австралиец, — все понятно. Подарок не очень официальный, поэтому должен быть небольшим. Что же до его весьма относительной ценности, то тут тоже все логично — что толку дарить дорогие вещи, если еще неизвестно, чего ждать от одариваемого!

— Вот именно, — обрадовался явному намеку османский посланник, — и теперь, когда мы с вами уже обменялись мнениями и перешли к поиску точек соприкосновения, позвольте вас спросить. Как в вашей империи относятся к тому, что некое должностное лицо будет получать пенсию от иной державы?

— Нормально относятся, — пожал плечами посол.

Тут он несколько не лукавил — еще на первом инструктаже герцог Алекс сказал, что когда предложат — надо брать. Причем, если позволяет обстановка, удивиться, что дают так мало. Главное — ни на секунду не забывать, что полученное принадлежит Австралийской империи. Поэтому отец Юрий добавил:

— Только не надо никому предлагать золото, в том числе и мне. Ни в метрополии, ни в колониях оно у нас особо не ходит, мы используем его в основном для внешней торговли. Вот алюминий — совсем другое дело.

— А серебро или драгоценные камни?

— Серебро у нас считается малоценным металлом, из него чеканят деньги для колоний, разве что речь идет тоннах о пятидесяти-шестидесяти, но камни... а давайте-ка я открою вам небольшой секрет. Есть у меня маленькая слабость — я собираю рубины, причем так, чтобы каждый последующий был больше предыдущего. И если у вас найдется камень крупнее того, что я вам сейчас покажу...

Тут в соответствии с инструкцией следовало придать лицу алчное выражение, но в силу почти полного отсутствия практики оно получилось скорее мечтательным.

Отец Юрий открыл выдвижной ящик стола и достал из него простой ларец без всяких украшений. Открыл, извлек содержимое, и Кантакузин потерял дар речи. В ларце находился всего один рубин. Но какой! Едва ли не пяти дюймов в длину при ширине не меньше полутора! Вряд ли в сокровищницах султана найдется хотя бы впятеро меньший.

Взяв камень слегка трясущимися руками, Стефан внимательно его рассмотрел. Так вот они какие, австралийские рубины, ценящиеся даже дороже бирманских, не говоря уж о

кашгарских.

Камень был огранен очень просто, то есть неведомые ювелиры вовсе не старались получить максимальный размер из имеющейся заготовки. И цвет... такого ровного и ясного Кантакузину видеть еще не доводилось. Но все-таки было в нем что-то неживое и холодное. В самый раз для империи, посол которой равнодушно рассуждает, сжечь им древний Стамбул для тренировки своих пушкарей или пока погодить, подумал Стефан, возвращая камень.

— Мне тоже нравятся рубины, но даже отдаленно похожего нет не только у меня, но и...

— Тогда вы меня наверняка поймете, как коллекционер коллекционера. Вспомните, сколько восторга вызывает каждый новый экземпляр! И как этот восторг прискорбно быстро меркнет, когда появляется новый камень. Ведь, скажем, над своим первым рубином я ночей не спал, все не мог на него наглядеться, а теперь, честно вам скажу, просто не понимаю, чего такого особенного я в нем мог найти. Да вот, сами взгляните.

Этот камень, судя по всему, просто валялся у посла в ящике стола без всякого футляра и тянул карат на сто. Конечно, никакого сравнения с предыдущим он не выдерживал, но все равно стоил целое состояние.

— Даже иногда возникают мысли подарить его какому-нибудь хорошему человеку, — продолжил австралийский дипломат, — но давайте вернемся к прерванному обедом разговору. Итак, посмотрите на карту. Вот Австралия, вот Европа. И кратчайший водный путь проходил бы по красной линии, если бы она не пересекалась коротеньким отрезком суши между Красным и Средиземным морями. Герцог Алекс уже имел беседу с английским королем, и то, что я сейчас говорю, есть согласованная позиция Англии и Австралии. Наши страны готовы помочь Османской империи построить канал на условиях паритетного владения. То есть по нему будут свободно плавать корабли всех трех стран, а также тех, кому это единогласно разрешат державы-учредители. Разумеется, не задаром. Полученные средства мы предлагаем делить поровну. В случае принципиального согласия Турции остальные проблемы решить нетрудно. Наши послы придут в Стамбул и со всем почтением вручат богатый бакшиш султанскому величеству. Правда, на всякий случай донесите до визиря, что город, в котором кто-то попытался нанести вред австралийцу, подлежит немедленному и безусловному уничтожению, а если попытка удалась, то вместе с жителями, в первую очередь самыми знатными. Но я надеюсь, что церемония пройдет мирно, так что никто про это и не узнает. Не нужно давать ответ прямо сейчас, вы же никуда не спешите? Вот и давайте встретимся дней через семь-восемь. А пока — возьмите на память и в качестве небольшого аванса. В случае же решения только что обозначенной проблемы вы получите еще вчетверо больше.

— По количеству или по размеру? — внезапно охрипшим голосом спросил османский посланник.

— На ваше усмотрение, — сделал широкий жест отец Юрий.

После визита в австралийское посольство Кантакузин обращал на Лондон еще меньше внимания, чем до него, ибо мысли были заняты иным. Время Османской империи катится к закату, это понимают все умные люди. Брат Матвей со своим взрослым сыном уже давно по сути дела работают на Вену. Но, кажется, ему, Стефану, судьба готова предоставить более выигрышный шанс. Осталось придумать, как убедить великого визиря принять предложения австралийцев, но ничего невозможного в этом нет.

## Глава 19

Отбив финальное "к", означающее "конец связи", я помахал затекшей от долгой работы с ключом рукой и снял наушники. Теперь предстояло аккуратно переписать все принятое за сеанс связи.

Между прочим, когда Виктор впервые увидел мою работу в качестве

радиотелеграфиста, она его весьма удивила. Ведь он на основе какого-то фильма про гражданскую войну считал, что телеграфист записывает точки и тире, а потом специальный человек расшифровывает эти таинственные знаки. Но я объяснил ему, что точки с тире пишет на бумажной ленте телеграфный аппарат, причем самый примитивный, у которого вообще нет никаких мозгов, даже механических. Человек же, услышав, например, "тиии-ти-ти", воспринимает это не как тире и две точки, а в виде музыкальной фразы, которую его мозг преобразует в "дааай-по-пить", а рука сама выводит букву "д".

Так вот, карандашных каракулей, представляющих собой отчет Уиро Мере-тики, то есть отца Юрия, о его недавней беседе со Стефаном Кантакузиным, на столе валялось шесть листов, и мне предстояло привести их в более похожий на документ вид.

Я все-таки успел вовремя вспомнить, почему фамилия Кантакузин показалась мне знакомой, и отправить соответствующие инструкции отцу Юрию.

Где-то году в седьмом или восьмом, во время одного из последних визитов в Москву, я купил там книгу воспоминаний некой Юлии Кантакузиной. Она была внучкой американского героя Улисса Гранта, а замуж вышла за русского князя, потомка византийских императоров, Михаила Кантакузина. В книге описывались предреволюционные годы и собственно революция, причем достаточно интересно. Я потом даже посмотрел в интернете, от каких таких императоров происходил ее муж.

Скажем прямо, Иоанн Шестой был отнюдь не самым блистательным из своих коллег, скорее даже наоборот. Ладно, на трон он влез в результате гражданской войны, где ему помогал сначала какой-то эмир, а потом и вовсе турки. Хотя, конечно, это его тоже не очень красило, но дальше пошло хуже. Он затеял войну с Генуей и вчистую ее проиграл. Потом случилось восстание, для подавления которого этот Кантакузин снова пригласил турок, причем на оплату их услуг ушла вся казна и большая часть церковной утвари. А подавив восстание и убедившись, что Византия никакой опасности для них не представляет, предки османов взяли и захватили два византийских города — просто потому, что они им понравились. Иоанн, демонстрируя полное непонимание обстановки, попытался воззвать к совести захватчиков, чему те были несказанно удивлены. Мол, скажи спасибо, что взяли всего два города, а не десять, и вообще отстань, сейчас нам не до тебя.

Тут у византийцев наконец-то лопнуло терпение и начались волнения, в результате чего этот Иоанн отрекся от престола, удалился в монастырь и долго писал там историю своих выдающихся свершений.

Ясно, что семья одним этим экземпляром не ограничивалась. Кантакузиных было много, несколько ветвей, и они составляли заметную часть правящей элиты Византии.

Но вскоре для страны настали тяжелые времена, турки осадили Константинополь, и помощи ждать было неоткуда. Вы думаете, что элита, как один, с оружием в руках полегла на крепостных стенах? Ага, держите карман шире. Сразу после падения города она чуть ли в полном составе наперегонки кинулась выражать свое почтение завоевателям! Впрочем, а чего тут удивительного? Мне, например, почему-то кажется, что в случае захвата Москвы скажем, китайцами "элита" Российской Федерации повела бы себя еще хуже.

Ну, а вернувшись в прошлое, можно увидеть, что бывшая византийская знать верой и правдой служила Османской империи — естественно, до тех пор, пока эта империя находилась на вершине своего могущества. Как только же появились первые, почти незаметные признаки движения вниз, обитатели стамбульского квартала Фанар, которых так и называли фанариотами, вдруг почувствовали какую-то странную тягу к переменам. И к началу восемнадцатого века их верность туркам приняла несколько относительный характер. Теперь фанариотов можно было встретить и среди исторических врагов Турции, то есть в Австрии и России. В частности, муж внучки Гранта происходил от Фомы Матвеевича Кантакузина, перебравшегося в Россию при Петре Первом и сразу получившего чин генерал-майора.

Правда, никаких сведений о том типе, что вышел на связь с нашим посольством, у меня не было, но я решил исходить из общих соображений и предположил, что он поведет себя как среднестатистический фанариот. То есть продаст, если, конечно, предложить

нормальную цену. И, судя по отчету отца Юрия, ошибки здесь не было.

Разумеется, беседа шла под видеозапись, но передавать такие объемы информации по радио на другой край света мы не могли, так что ознакомиться с ней у меня в ближайшее время не получится.

Через неделю Кантакузин еще раз посетил наше посольство, где, кроме уточнения позиций по Суэцкому каналу и прочим пунктам грядущего австралийско-турецкого договора, он озвучил еще одну забавную новость.

Надо сказать, что в Турции имелась интересная организация — Константинопольская православная церковь. Понятное дело, что в насквозь мусульманской стране ее влияние было весьма далеко от всеобъемлющего, если не сказать более. Поначалу она располагалась в Стамбуле, но лет сто назад очередной султан решил, что в столице правоверных такому не место, и выпер ее вообще куда-то в провинцию.

А глава этой самой церкви именовался Вселенским патриархом. Помню, когда я узнал об этом, то подумал, что на месте того патриарха обозвался бы как-нибудь поскромнее — не Вселенским, а хотя бы Галактическим, а то и вовсе ограничил бы сферу ответственности одной Солнечной системой.

И вот, значит, наш фанариот решил параллельно с основным проверить еще одно небольшое доброе дело, которое, возможно, благотворно скажется на его загробной судьбе. Или на состоянии кармана, такой вариант тоже имеет право на существование. Короче, он озвучил предложение гала... то есть тьфу, вселенского патриарха приступить к подготовке чего-то вроде конференции, на которой наши церкви договорятся об отношениях между ними. От себя Кантакузин добавил, что патриарх не исключает вхождения Австралийской церкви в состав Константинопольской. И, кроме того, он надеется на финансовую помощь, ибо господь завещал нам что-то похожее.

Отец Юрий сказал, что насчет финансов он не против, а все остальное требует обдумывания. И я, выбрав свободный вечер, сел за проект документа о взаимоотношениях церквей.

Разумеется, с вхождением в состав патриарх несколько перегнул. Сразу пишем, что церкви являются сугубо... блин, да как же это слово пишется... кажется, вспомнил — автофекальными. Или все же автотефальными? Пришлось лезть во флешку, куда у меня было свалено все, относящееся к религии. Вскоре там нашлось и искомое слово, которое, оказывается, писалось как "автокефальными". Я немного поразмышлял о происхождении данного термина, ведь его синонимом является "самостоятельные". "Авто" — действительно, так и означает "само". Но тогда что, "кефаль" — это "стоящая"? Да ни фига подобного, видел я в Черном море эту рыбу. Вовсе она не стоит, а очень даже шустро плавает, а иногда и вообще выпрыгивает из воды.

Так и не придя к определенному мнению, я продолжил составление документа. Итак, церкви равноправны и самостоятельны. Все возможные конфликты решаются на основе взаимного согласия сторон, для чего создаются специальные межконфессиональные комиссии. А для облегчения данного процесса необходимо предусмотреть взаимное участие церквей в делах друг друга. То есть пусть наш пастырь автоматически становится вторым лицом в Константинопольской церкви — каким-нибудь первым митрополитом. А патриарх — обергруппенпастырем Австралийской христианской церкви, с правом ношения мундира, револьвера и получения должностного оклада в австралийской валюте.

Вот и пусть думают, решил я, ставя последнюю точку. Соглашется — поможем с финансами, да и еще с чем-нибудь. Откажутся — получают сто рублей от отца Юрия, ну, а дальше — извините, у нас своих дел хватает.

Хотя, конечно, официальное признание нас достаточно авторитетной церковью лишним не будет. Пока же об отсутствии принципиальных разногласий с австралийскими христианами заявили только протестанты, да и то устами всего одного попа, старшего из тех, что прибыли из Англии. Но, учитывая отсутствие у протестантов единого руководящего центра, для начала этого хватит.

Католическая же церковь пока хранила гордое молчание, что нас в общем-то устраивало. Потому как надеяться, что папа нас признает, при том, что мы от него как были независимы, так ими и останемся, было бы глупо. Ладно хоть анафему не объявили, и то хлеб.

Однако в ближайшее время можно было ожидать развернутых контактов с двумя православными церквями — русской и эфиопской. До смерти патриарха Адриана оставалось немного, а его преемники скорее всего окажутся разумными людьми, не склонными к излишней догматике, ибо у Петра Алексеевича особо не забалуешь. Но несколько дней назад узел связи принял еще серию радиogramм — из Красного моря.

Еще когда я находился в Таганроге, из Ильинского порта вышел фрегат "Ястреб", прошедший ремонт и небольшую модернизацию после рейса к Командорским островам за стеллеровыми коровами. А теперь он отправился в Эфиопию, с задачей попробовать установить дипломатические отношения с этой страной. И вот он радировал, что задание практически выполнено. Борт "Ястреба" посетил сам император Иясу Великий, а присланные им чиновники сейчас совместно с нашими людьми составляют текст договора.

Что интересно, этот император уже слышал об Австралии. И он сразу спросил, что наша держава запросит за помощь по двум пунктам. Первый — дипломатическими мерами поддержать усилия Эфиопии по заключению соглашения с Турцией насчет статуса порта Массауа, около ста лет назад захваченного османами. У Эфиопии еще оставался небольшой кусок побережья Красного моря, но там не было не только ни одного порта, но даже и удобного места для него. "Ястреб" вообще стоял в полукилометре от берега. Поначалу его пытались атаковать какие-то лодки неизвестной и никого не интересующей национальности, но после трех наглядных демонстраций, чем кончается даже для достаточно крупной посудыны прямое попадание пятидесятимиллиметрового снаряда, от нашего фрегата отстали. Правда, только для того, чтобы повторить попытку ночью. Но у команды "Ястреба", естественно, имелись ночные бинокли, так что после расстрела всех пяти лодок, участвовавших в ночном нападении, новых героев взамен погибших не появлялось уже вторую неделю.

Так вот, с портом Массауа Иясу начал разбираться десять лет назад и к сегодняшнему дню достиг немалых успехов, причем исключительно мирным путем, отчего я сразу почувствовал к нему большое уважение.

Для снабжения порта продовольствием имелось два пути — сухопутный, из Эфиопии или просто через ее территорию, и морской. Первым делом император так задрал пошлины на поставляемые по суше продукты, что в Массауа буквально взвыли. А полученные в результате этого деньги он употребил на подкуп арабских пиратов, коими Красное море чуть ли не кишело, так что и морским путем в порт почти ничего не перепадало. Видя такое дело, портовые власти пошли на неофициальный договор с эфиопами, и теперь все суда, везущие товары в обе стороны, могли беспрепятственно и беспошлинно делать это через Массауа. Однако императору хотелось закрепить достигнутый успех на более высоком уровне.

Вторая его просьба явилась результатом стрельбы "Ястреба" по пиратам. Императору очень захотелось иметь такие пушки, а когда ему показали наши аналоги "Браун Бесс" и штуцеры, то и их тоже.

Подобное развитие событий предусматривалось заранее, поэтому ответ по второму пункту Иясу получил сразу. Ему предложили собрать три сотни лучших кузнецов и оружейников в его империи, после чего австралийские специалисты быстро проверят их умения и отберут сто пятьдесят самых-самых для доставки в Австралию. Где они год работают на правах учеников, то есть за еду, жилье и минимальное жалованье, а потом по результатам учебы становятся рабочими или даже мастерами, и не абы где, а именно на оружейном производстве. Там они отработают пять лет, причем произведенная продукция будет делиться в соотношении — две части нам, одну Эфиопии. После окончания срока рабочие будут вправе вернуться на родину, или подписать контракт на новый срок, или, у кого появится такое желание, остаться в Австралии навсегда.



По первому же пункту капитан "Ястреба" запросил инструкций, и я передал, что поддержка вполне возможна, а ее конкретные формы зависят от экспортных возможностей Эфиопии. В общем, ничего страшного, если на переговорах с турками придется затронуть и этот вопрос, ведь в случае строительства канала нам так и так потребуется база на Красном море.

Уже после отбытия Иясу на фрегат прибыла церковная делегация, которая начала интересоваться контактами с нашими соответствующими структурами. Правда, быстро выяснилось, что Эфиопская православная церковь не совсем едина, там сейчас происходит какая-то грызня, и к нам явились представители только одной группировки. Но я отбил радиограмму, что это даже к лучшему. Действительно, ведь у людей серьезные трудности, а мы готовы им бескорыстно помочь. В таком случае вряд ли они будут придираться к тому, как именно крестятся в Австралии или на каком языке там читают "Символ веры". В общем, в скором времени в Ильинске должны появиться трое православных эфиопских батюшек. И не исключено, что после их визита Австралийская христианская церковь будет признана Эфиопской православной.

Кроме того, мы были признаны и еще одной религиозной организацией. Правда, к какой именно конфессии она относилась, не знал никто, и в первую очередь ее члены. А ими являлась заметная часть бывшей команды "Ястреба", то есть сосланных на лесоповал пиратов, среди которых большинство составляли англичане. Так вот, они построили церквушку в своем поселке на Тасмании, где два наиболее набожных матроса по своему разумению вели воскресные службы. И они полностью признавали Австралийскую христианскую церковь, в знак чего даже приложили пальцы к соответствующей бумаге, ибо расписаться им помешала общая неграмотность.

Вообще-то с их поселком надо было что-то делать, ибо там сейчас оставалось всего два десятка человек. Восемь, отбыв срок, предпочли вернуться в Европу, а двадцать с лишним подали заявления о получении подданства и потихоньку перебрались на материк. И, главное, эвкалиптовая роща у самого поселения, ради которой все и затевалось, к текущему моменту была вырублена полностью. Прочие же находились не ближе семи километров и не на берегу реки, так что надобность в поселке лесорубов в общем-то отпала. С учетом всего этого отправившийся туда вчера корабль будет одним из последних, а может, и последним, если у жителей поселка окажется не слишком много имущества, которое они пожелают захватить с собой.

Однако на следующий день с того корабля пришла радиограмма. Оказывается, из двадцати человек четверо позавчера сбежали, захватив с собой все имеющиеся в поселке ружья общим числом три и почти весь запас пороха и пуль.

Охренеть, подумал я. Неужели за несколько лет им так понравилась Тасмания, что они решили провести остаток жизни в ее лесах?

Я радировал, чтобы корабль забирал всех оставшихся, если, конечно, они хотят перебраться на материк. Отказавшихся не было, но, когда лесовоз следующим утром вышел в море, на его борту обнаружилось только четырнадцать поселенцев. То есть еще двое ночью слиняли неизвестно куда. Золото они там, что ли, нашли? Так ведь оно на плоскогорье в южной части острова, куда не так просто попасть! По крайней мере, на моих картах. И даже если нашли, то зачем оно им в лесах?

Ответа на этот вопрос я не знал, но также и не имел возможности его искать — у нас не было лишних людей для организации нормальной поисковой экспедиции. Так что я решил пока плюнуть на это дело. В конце концов, если вдруг вскроется что-нибудь интересное, не поздно будет и вернуться, подумалось мне.

## Глава 20

В середине октября, то есть в разгар австралийской весны, которая тут все-таки являлась лучшим временем года, хотя и остальные были тоже неплохи, в Ильинск после

долгого отсутствия вернулся его величество Илья Первый. Небольшая эскадра подошла ко входу в Порт-Филипп поздним вечером, и, ориентируясь по радару и зажженному на недостроенной башне маяка прожектору, вошла в бухту. До порта она добралась уже ночью, так что никакой торжественной встречи не было. Да и не очень торжественной тоже, потому как Илья заявил, что он желает наконец-то отоспаться за несколько месяцев, ибо в экспедиции это не очень получалось. Основные новости мы с Михаилом уже знали, ведь по мере приближения кораблей к Австралии стала возможна связь с ними не только в телеграфном, но и телефонном режиме. Так что Илья в сопровождении своего сына отправился во дворец, а утром население колоний узнало, что к нему снова вернулся император. Ближайшие четыре дня его величество изволит отдыхать, а потом пойдут приемные часы по обычному расписанию. Как и ожидалось, первым записавшимся на прием был Темпл.

Официальная версия гласила, что император на неопределенное время удалился в метрополию по государственным делам, а полуофициальная — что в той метрополии возник если не заговор, то определенное брожение в верхах. Ну, а теперь англичане узнают, что кризис преодолен, в верхних эшелонах власти произведены необходимые перестановки, и вообще все кончилось настолько хорошо, что даже вешать почти никого не пришлось.

Естественно, что высокородного герцога Романцева слова о начале приема через четверо суток не касались, и в три часа следующего дня я обедал в компании недавно проснувшегося императора. Илья самую малость осунулся за время экспедиции, но, судя по тому, с какой скоростью и в каких объемах он поглощал продукцию дворцовой кухни, в ближайшее же время ширина физиономии будет восстановлена, а с фигурой и так ничего не стало.

Слегка заморив червячка, на что ушло минут сорок, Илья велел передать на кухню, чтобы готовили новую порцию шашлыка, а то эта уже почему-то кончилась, и приступил к описанию своих свершений.

С летающей моделью радиусом действия в сто пятьдесят километров и с двумя телекамерами они нашли англичан довольно быстро, за две недели. Но все же немного опоздали, потому как один корабль уже успел утонуть. Судя по всему, во время ночного шторма его разбило об айсберг. Второй пребывал в плачевном состоянии, и, достигнув кромки льдов острова Ватерлоо, пристал к ним для ремонта. Хорошо хоть за Полярный круг болезных не занесло, делился впечатлениями Илья, а то мы бы их ночью точно не нашли, а день там наступил бы через полгода.

Когда ремонт был кое-как закончен, от экипажа оставалось всего одиннадцать человек, мало того что больных, так еще и полуослепших, потому как последнюю неделю стояла ясная погода, а люди и не пытались защитить глаза от сияния льдов коротким антарктическим днем.

А потом поднялся ветер, и то ли корабль сорвало с якоря, то ли три человека на нем решили сбежать, что было совершенно идиотской идеей, но восемь англичан остались на острове без припасов, с одной палаткой и в не очень соответствующей сезону одежде, пока Илья три дня ловил их корабль. Наконец он его нашел, но на нем был всего один матрос, да и тот с дыркой от пули в голове. В общем, мой друг не стал выяснять, что там произошло, а просто пригнал посудину к Ватерлоо, где его экипажи занялись ее более основательным ремонтом, а император с верховным шаманом приступили к сеансам гипнотического внушения.

— Это оказалось не очень трудно, — пояснил Илья, — они уже и сами толком не понимали, на каком пребывают свете. Двое, кажется, рехнулись окончательно. В общем, плыть в Антарктиду зимой было далеко не лучшей мыслью, мы и то там пару раз едва не потонули.

Дале Илья рассказал, что, оказывается, англичане и до встречи с ним не только видели австралийский ледяной корабль, но даже успели сфотографировать его. Эта экспедиция брала с собой фотоаппарат, подаренный нами Свифту, полтора десятка наших пластинок и

около сорока произведенных уже в Англии. Существенно хуже качеством, но и на них можно было получать вполне приемлемые снимки.

Я посмотрел фотографию, сделанную с расстояния около трех километров. Действительно, айсберг довольно правильной утюгообразной формы, на "носу" и "корме" выступы, отличающиеся по цвету от основного тела ледяной горы, а на плоской центральной части — множество черных фигурок.

— Пингвины?

— Они самые. Приближаться англичане не рискнули, да им бы и ветер не дал, но в подозрную трубу они даже видели, как им приветливо махали руками. Я сначала и сам удивлялся — пингвины действительно совсем как люди машут, этими своими верхними лапами, то есть якобы крыльями.

Ну, а дальше пошла уже, так сказать, слегка подкорректированная история. Теперь у англичан имелось еще два снимка ледяного корабля, сделанных с гораздо более близкого расстояния, где можно было рассмотреть достаточно деталей.

Дальнейший сюжет выглядел так. То ли с корабля все-таки сообщили о виденных пришельцах на берег, то ли это была просто случайность, но через три дня с юга прилетел огромный дирижабль. Он спустился довольно низко, что позволило сделать великолепную фотографию, и выстрелил из пушки по курсу идущего первым английского корабля. А там то ли сдуру, то ли от избытка героизма как-то задрали ствол своей пушечки вверх и пальнули. Причем, что прискорбно, попали, дирижабль загорелся, но все же успел двумя выстрелами уничтожить своего убийцу. А потом взорвался, каковой момент фотографу, находящемуся на втором корабле, тоже удалось запечатлеть.

Оставшийся в одиночестве английский бриг взял курс на север, но следующим утром на горизонте показался мощный столб дыма. Капитан вовремя подвел бриг к плавающей ледяной горе, так что вскоре показавшийся из-за горизонта очень большой военный корабль прошел мимо, не заметив англичан. Судя по курсу, он спешил к месту крушения дирижабля. А высадившиеся на айсберг смельчаки, фотограф со своим помощником, успели сделать три снимка, основой для которых, насколько я смог рассмотреть, стал броненосец "Севастополь" времен русско-японской войны.

После чего был долгий путь по бурному темному морю, где день длился лишь три часа, множество опасностей, которые экипаж, теряя людей, героически преодолевал...

— Мы довели их до Магелланова пролива и направили прямо на два английских корабля, следующих в сторону Европы, — закончил Илья, — до них оставалось километров двадцать, когда мы ушли. Но с модели потом глянули — все нормально, англичане выбрали свою экспедицию, так что скоро Вильгельм сможет оценить мой уровень работы в фотошопе. Думаю, ему понравится, я же старался.

— Постой-постой, — сообразил я, — ведь мы же сейчас должны всю выразить возмущение и готовить эскадры для бомбардировки Лондона! А то приплывают тут всякие, наши дирижабли за просто так сбивают.

— Откуда мы знаем, что это дело рук именно англичан? Цеппелин взорвался, не успев ничего передать, и выживших в катастрофе не осталось. Может, он это сделал от какой-нибудь технической неисправности. Но даже если предположить, что виной здесь чей-то корабль, то он может быть и французским, и испанским, и еще черт знает чьим вплоть до турецкого. Так что ты подумай, каким именно образом нашим английским послам удастся краем уха услышать, что в метрополии при неясных обстоятельствах погиб дирижабль. Ведется следствие, за результатами которого я слежу лично, но пока ничего определенного установить не удалось.

— Ладно, это я как-нибудь, но зачем вообще понадобилась вся история с дирижаблем? Вильгельм же небось теперь поседеет от переживаний.

— Ничего, под париком не видно. А выбор тут простой. Если экспедиция вообще не встречала воздушных кораблей, англичане могут задуматься — а сколько тогда их у австралийцев — может, раз-два и обчелся? Нехорошо. А тут дирижабль появился сразу, ну, а

то, что его удалось сбить — это чистая случайность, помноженная на разгильдяйство пилота, не участвовавшего в боевых действиях и потому утратившего осторожность и опустившегося слишком низко. Кроме того, данная история будет неплохим тестом для английского короля. То, что он отнюдь не дурак, мы уже знаем. А вот насколько он склонен к стратегическому риску с хорошими шансами? Если нет, он скоро прибежит в наше посольство, разохается о роковой ошибке, эксцессах исполнителей и выдаст нам остатки экспедиции в полном составе, а потом предложит материальную компенсацию. Но в это я верю слабо. Следующий вариант — он решает делать вид, что никакой экспедиции вообще не было. Тогда уцелевшие ее члены скоро умрут, дабы не разболтали чего по пьянке или еще как. И, наконец, третий вариант — он рискнет оставить их в живых и в обстановке величайшей секретности начнет отрабатывать методы противовоздушной обороны, отлично понимая, что если мы про это разузнаем, то наши претензии будут в первую очередь к нему лично, и его шансы пережить их не так уж велики.

— Ставлю на второй вариант, — предложил я, — только с небольшой поправкой. Не будет он их убивать, а загонит куда-нибудь в Америку, где этот процесс пройдет сам собой или при помощи каких-нибудь местных чингачуков.

— Может быть, может быть, — кивнул Илья, — хотя меня лично больше устроил бы третий. В этом случае могут появиться очень интересные перспективы... ладно, посмотрим.

Но тут принесли новую порцию шашлыка, и беседа свернула с достижений императора на мои. Потому как говорить длинные речи Илья уже не мог, он жевал, но слушать ему это не мешало. Я же не мог соперничать с ним в области аппетита, и, только иногда беря по кусочку, занялся описанием наиболее интересных моментов нашего путешествия. Вскоре император, отложив пустой шампур, перед взятием следующего осведомился:

— Это, конечно, правильно, что ты поддерживал отношения именно с де Тасьеном, но Людовику-то зачем было хамить?

— Вот те раз, ты как, уже забыл, что такое настоящее хамство в моем исполнении? То, что я написал французскому величеству, на него никак не тянет. Тут меня можно упрекнуть разве только в несколько повышенной эмоциональности, и все.

— Да, но Людовик-то этого не знает! И может обидеться, между прочим.

— То есть как это "может"? — удивился я, — ты что, про него совсем ничего не читал? Выдающаяся сволочь с манией величия. И именно не обидеться он никак не сможет. Но нам оно как-то хрен с ним, пусть обижается, потому как на самом деле это письмо было адресовано не ему, а Вильгельму. Эти двое так "любят" друг друга, что хоть сколько-нибудь хорошие отношения с обоими невозможны. Ну, а что до Вильгельма не дойдет содержание того письма, такого просто не может быть.

Илья кивнул в знак того, что все понял и вопросов более не имеет, после чего взял новый шампур и приступил к очередному этапу утоления голода. Но, судя по тому, как медленно исчезали кусочки, до полного насыщения моему оголодавшему в экспедиции на рыбной диете другу оставалось немного.

Я же рассказал эпизод о том, как Вильгельм совершенно неожиданно и совершенно бесплатно пошел мне навстречу, направив для работы в Ост-Австралийской компании своих специалистов по литью рельсов. И, естественно, не забыл уточнить, чем он это мотивировал.

— Вроде все логично, — закончил я, — но почему-то мне кажется, что у английского короля есть и еще какой-то интерес в этом деле.

— И наверняка не один, — подтвердил Илья, — вот тебе навскидку, например, такое соображение. Хоть наши и не имели дела с отливкой рельсов, Вильгельм вполне обоснованно подозревает, что у них есть немало секретов, которые работающие в тесном контакте с ними англичане смогут выведать. Может, и еще что-нибудь, но ты все сделал правильно. Не отказываться же от столь любезного и ко времени сделанного предложения? А там посмотрим, может, еще чего прояснится, и мы маленько поучимся у короля правильному ведению европейской интриги.

От второй порции шашлыка мы перешли к сухому вину с Мадейры, а от обсуждения

похождений английской экспедиции и эволюций Вильгельма — к техническим вопросам. То есть я начал хвастаться, потому как действительно было чем.

То, что на предназначенные для экспорта дирижабли мы собирались ставить паровые турбины, обуславливалось, как я уже говорил, не техническими, а политическими причинами. Да и то я недавно самую малость умерил степень издевательства над будущими клиентами, посадив маслonaсос на вал редуктора. В основном, конечно, из технологических соображений, потому как теперь он представлял собой две сделанные вручную учеником слесаря медные шестеренки, то есть был гораздо проще поршневой конструкции, стоящей на опытном образце. Но и бортмеханику отныне придется качать не три, а всего две ручки.

Однако для внутреннего рынка подобные технические извращения совершенно ни к чему, австралийские дирижабли будут снабжены моторами внутреннего сгорания. Правда, с ними сразу обозначилась трудность. Были они двухтактными, то есть их картер являлся частью механизма газораспределения. В силу чего он имел довольно сложную форму и требовал повышенной точности изготовления.

Так вот, мы с Ильей в свое время почти месяц маялись, пытаясь освоить отливку его половинок из силумина, но то ли как металлурги мы были не на высоте, то ли литейщики из нас вышли хреноватые... в общем, вскоре мы пришли к выводу, что в теперешних наших условиях лить лучше из чугуна. Однако он существенно тяжелее силумина, да и тонкостенный картер у нас не вышел и из него. Либо там были дефекты литья, либо он трескался при дальнейшей обработке, и избежать этого можно было только значительным увеличением толщины стенок. В общем, самый последний образец весил сто двадцать килограмм, развивая мощность около сорока сил. В принципе такое изделие уже можно было пытаться ставить на самолет, и он, пожалуй, даже взлетел бы. Но с минимальным запасом горючего, очень легким пилотом и вовсе без груза. Так что вопрос с самолетным движком оставался открытым, ну, а на дирижабли уже можно было ставить и то, что у нас получилось. Хотя, конечно, и тут не помешало бы уменьшить вес мотора раза как минимум в два.

Так вот, где-то с месяц назад я вспомнил, что одно время для гоночных мотоциклов применялись поршневые нагнетатели. То есть смесь в цилиндр подавалась не из картера, а из еще одного цилиндрика поменьше со своим поршнем. Там это делалось для повышения мощности, а меня привлекла идея понизить требования к картеру. Правда, в захваченной из будущего информации ничего про это не нашлось, так что пришлось садиться и изобретать самому. И у меня получилось, модель нового движка, которую я привез показать Илье, вместо картера имела просто изогнутую буквой "П" стальную полосу. И при этом мало того что работала, так еще и развивала вполне приличную мощность!

Мы спустились на первый этаж, где я оставил свой велосипед, к багажнику которого было прикручено это чудо техники, уже снабженное воздушным винтом. Илья внимательно рассмотрел конструкцию, хмыкнул, подключил к свече аккумулятор и с третьего удара по винту завел движок. Полубовавшись, как он тарахтит, разбрызгивая масло из всех щелей, император поздравил меня и выразил осторожную надежду, что, может быть, наконец-то у него скоро появится самолет.

В самом деле, кроме снижения веса и небольшой прибавки мощности моя схема давала возможность строить и многоцилиндровые движки, так что года через полтора действительно можно было ожидать самолет, способный поднять не только Илью, но и немного багажа. Или, в военном варианте, с пилотом-мориори доставить двести кило бомб за двести километров и вернуться. Либо вместо бомб взять побольше спирта и пролететь почти тысячу километров — например, с целью разведки.

Уже прощаясь, я вспомнил про сбежавших на Тасмании лесорубов и вкратце рассказал эту историю Илье.

— Золото, говоришь? — хмыкнул он, — вполне может быть, но это маловероятно и не страшно. Однако мне почему-то кажется, что они нашли нечто более весомое. Например, аборигенов. Правда, чем это поможет им и навредит нам, я пока не очень представляю, но обязательно подумаю на данную тему.

## Глава 21

Меня всегда веселили фантастические произведения на тему бунта машин. Мол, построит человечество искусственный разум, он разовьется, осознает себя и та-а-акое устроит! А дальше — текст о том, как это самое человечество прозябает у него на побегушках, и только Главный Герой отважно борется с рукотворной напастью, в конце концов ее побеждая. Причем в случае наличия у писателя хоть какого-то таланта поведение захватившего власть разума и попавшего под пяту человечества иногда описывалось терпимо, но в отношении героя подобного лично мне не попадалось ни разу. И такое положение дел вполне объяснимо — авторы, пусть и неосознанно, писали с натуры. Где пята была, а вот успешно борющихся с ней героев не наблюдалось.

Все дело в том, что это событие, коим фантасты уже сто лет пугают доверчивых читателей, давным-давно произошло в реальности. К началу двадцать первого века человечество как минимум двести лет находилось во власти своего порождения, имеющего практически все признаки искусственного разума.

Вспомним, из чего состоит любой компьютер? Из миллионов элементарных логических ячеек. Может ли человек изобразить из себя любую из них? Да запросто, даже полному дебилу можно за пять минут объяснить, как работать, скажем, элементом "и-не". Стоишь себе с поднятой рукой и смотришь на соседей спереди. Если хоть у одного рука опущена, продолжаешь держать свою. А как окажется, что все передние подняли руки, ты граблю опускаешь, вот и все. Набрав несколько миллионов подобных "ячеек", можно соорудить своеобразный компьютер, правда, очень медленный. Однако его быстродействие повысится при увеличении количества элементов с разделением задач по параллельным каналам обработки — раз, и от усложнения алгоритма работы каждой элементарной ячейки — два. Но ведь именно это и сделано, причем уже давно.

Ведь что такое финансовая система? По идее это всего лишь механизм, обеспечивающий наиболее эффективную хозяйственную деятельность человечества. И его задача — способствовать тому, чтобы все необходимое производилось в достаточном, но не излишнем количестве и ассортименте, а затем доходило до каждого потребителя. Ставит ли сейчас перед собой хоть один из работников этой системы подобные задачи? Да, согласен, спрашивать такое даже и не смешно. Справляется ли система с изложенной выше задачей? Ну, следует признать, что в какой-то мере да. В той, что не мешает основной задаче — ее собственному расширению. Как только же между ними образуется хоть малейшее противоречие, вопросы обеспечения хозяйственной деятельности оказываются мгновенно забытыми.

Итак, мы имеем конструкцию, составленную из миллиардов логических ячеек, то есть вовлеченных в сферу денежного обращения людей. Каждый из них работает по строгому алгоритму, отступления от которого законодательно караются, и этот алгоритм уж всяко сложнее, чем у д-триггера или даже двоично-десятичного счетчика. Система эта создана человеком, то есть является искусственной. Разумна ли она? Еще как. В конце концов, Чингисхану, Александру Македонскому, Наполеону никто в разумности не отказывал, однако их попытки достичь мирового господства с треском провалились. А финансовая система добилась его давно, и уже более ста лет с удовольствием вкушает плоды, время от времени удовлетворенно рыгая.

Или кто-то думает, что поступки человечества за последние, скажем, сто лет как-то вытекали из его интересов? Ага, как же. Откройте любое серьезное исследование, например, первой мировой войны, и постарайтесь найти там какие-либо иные причины ее возникновения, кроме финансовых. Но тогда они еще как-то маскировались, в отличие от конца двадцатого — начала двадцать первого века. Чего добивалось и добилось человечество? Снятия любых ограничений с финансовых потоков! А все остальное было постольку-поскольку, и его сразу задвигали в дальний угол, как только оно переставало

способствовать выполнению основной задачи. Космические исследования, например.

Некоторые, конечно, могут предположить, что счастье человечества и состоит в том, чтобы его деньги могли без помех обращаться по всему земному шару, прирастая в процессе как количественно, так и качественно. Что тут скажешь? У хорошего конюха лошадь, везущая телегу с дерьмом, свято уверена, что она делает это по собственному стремлению и вообще таскание телег есть смысл жизни любого уважающего себя существа. То есть мировая финансовая система — хороший конюх, этого у нее не отнимешь.

Но к чему это я? Думаю, наиболее сообразительные из читателей все поняли. Попав во времена, когда эта система уже существовала, но еще до конца не осознала себя и делала только первые инстинктивные шаги по пути захвата мирового господства, мы с Ильей решили попробовать внести коррективы в этот процесс. И вот теперь я читал доклад одного из наших осведомителей, кабатчика, о потихоньку развивающихся в Ильинске интересных инициативах сэра Мозеса Ротшильда.

Этот достойный господин хорошо знал австралийское законодательство, согласно которому ростовщичество являлось монополией государства. А все операции с физически существующими товарами — нет, и сейчас пытливый разум одного из лучших представителей богоизбранного народа искал пути выдать чисто финансовые операции за торгово-производственные. Но делал он это с осторожностью и фантазией.

Нечто вроде потребкооперации он организовал сразу по прибытии в Ильинск, объяснив это ограниченностью своего оборотного капитала. Сам он получал товары для своих лавок двумя путями — от брата Карла, имеющего корабль, и от почтенного Гонсало, помимо торговли с правительством Австралии не брезговавшего и частными заказами. Но, естественно, не мелкими. Так вот, сэр Мозес предложил потенциальным потребителям объединить свои заказы, а на себя взял организационную сторону дела. Например, он объявлял — сейчас идет заказ на сапоги. Все желающие могут вносить деньги и через два месяца получать свою обувь, и она обойдется дешевле, чем если потом покупать ее в лавке.

Кроме того, он практиковал и торговлю в рассрочку, причем, естественно, в этом случае конечная цена товара была выше. А дальше торговый дом братьев Ротшильдов взял да и объединил обе эти услуги.

Поначалу я чуть не пропустил данную новость — подумаешь, торговый сервис растет и развивается. Но потом задумался. Ведь если абстрагироваться от частных случаев, то картина получается такая.

Например, захотелось кому-то трусы из китайского шелка. Вот только, во-первых, в Ильинске их нет ни у одного продавца, а во-вторых, у этого кого-то в данный момент туго с деньгами. Просто подойти к Гонсало и попросить привезти их он не может, ибо почтенный купец его не знает, но теперь можно обратиться к сэру Мозесу и в результате получить-таки свои трусы, а расплатиться потом. Сам Ротшильд этих трусов в глаза не увидит ни на одном этапе операции. Его задача — вместо потребителя дать денег Гонсало, а потом получить их со счастливого обладателя новых трусов, но с процентами.

То есть, как и ожидалось, государственная монополия на чисто финансовые операции, в которых деньги выступают товаром, продержалась ровно до того момента, когда сэр Ротшильд решил ее обойти. Да, разумеется, наше законодательство далеко от совершенства, законопатим эти дырки — найдутся другие. Так это же и хорошо! В том смысле, что у нас пока имеется не то чтобы общество с товарно-денежными отношениями, а скорее его модель. И не государство, а зародыш оно, не придавленный ведущими мировыми державами в основном из-за географической отдаленности, помноженной на наглый блеф периодически появляющегося в Европах вашего покорного слуги, герцога Алекса.

Само собой, у меня и в мыслях не было как-то репрессировать Мозеса Ротшильда. Человек нашел дыру в законе, так честь ему за это и хвала! И теперь следовало подумать, как поступить дальше.

Как там говорилось — чтобы победить дракона, надо самому стать им? Правда, лично мне такое сразу показалось не очень рациональным. Ну на кой хрен, спрашивается,

приличному человеку вроде меня нужны хвост, чешуя, перепончатые крылья и огнедышащая пасть? Или, возвращаясь из сказки в реальность, ермолка и пейсы. Гораздо разумнее найти еще одного дракона и отправить его воевать с первым. А раз дракон этого мира, еще довольно молодой и глупый, вообще-то называется "финансовая олигархия", то кто лучше финансиста сможет бороться с ним? Тем более что наш кандидат и по национальности вполне соответствует предполагаемой задаче. И, значит, нам осталось только придумать, как сделать сэру Мозесу Ротшильду предложение, от которого он не сможет отказаться. Мало того, тут требовался не столько кнут, сколько пряник, причем такой, чтобы вербуемый считал его как минимум сравнимым по ценности с клановыми и национальными интересами. А для этого с ним следует познакомиться поближе — например, пригласить его в строительный бизнес Ильинска. Или, точнее, создать условия, чтобы он сам возмечтал туда попасть, а потом, так уж и быть, ответить согласием на его настойчивые домогательства.

Да, подумал я, задача мало того что нетривиальная, так еще и не очень приятная. Но зато как замечательно станет потом, когда я ее все-таки решу! Так что надо начинать думать о документе, регламентирующем создание строительных компаний. Причем строить они будут не только дома, но и железные дороги.

Именно железные, ибо название "чугунка", в Белоруссии сохранившееся до двадцать первого века, к нашим проектируемым магистралям количеством аж в целых две ветки не подходило совершенно, потому как чугунных деталей там вообще не предполагалось. Зато железо будет использоваться — правда, увы, всего лишь в виде мощных гвоздей и крепежных планок. Рельсы же мы хотели делать из железного дерева.

Настоящей металлургии в Австралии еще не было, здесь наличествовал замкнутый круг. До ближайшего месторождения руды от Ильинска было сто тридцать километров, угля — сто восемьдесят, между ними — семьдесят, хорошо хоть по реке. Но эта река была левым притоком Мюррея, который впадал в океан почти в тысяче километров от Ильинска, то есть в качестве транспортного пути был не очень удобен. В общем, нормального производства не будет, пока не появится железная дорога от Ильинска, а для нее вроде как нужна сталь или хотя бы чугун, которых еще нет. Вот мы и решили построить железнодорожную дорогу.

С паровозами же мы пока связываться не хотели, рано. В конце концов, лошадь — прекрасное животное, а не так давно в Австралии появились и шесть молодых слонов с воспитателями-индийцами. Вот и посмотрим, как они себя покажут в качестве локомотивов. Разумеется, имеются в виду слоны. Хотя...

Я сделал пометку — замерить, сколько в слоне лошадиных сил, и уточнить его суточный пробег. И вообще узнать, способны ли они передвигаться быстрее пешехода, а то пока, по крайней мере на моих глазах, ходили они очень неторопливо. Да, и умеет ли слон жрать на ходу, или состав для всякой дозаправки локомотива придется останавливать. И еще — можно ли их, как кошек, приучить пользоваться туалетом, который нетрудно будет возить с собой, или они наподобие лошадей начнут удобрять путь, не отвлекаясь от ходьбы. Либо ну их нафиг, нехай бревна на верфи таскают? А Илья все-таки пусть построит пару небольших паровозиков с деревянными колесами.

Вот ведь какими делами приходится заниматься простому австралийскому герцогу, вздохнул я. Хотя, конечно, не все встающие передо мной проблемы были столь экзотичны.

Например, вчера Элли приводила ко мне новую невесту императора. По идее, она скоро станет четвертой женой владыки Австралии, да и то следует учесть, что двум старшим супругам Ильи уже перевалило за пятьдесят и они пребывали в своих должностях чисто номинально. А тут недавно герцогиня Романцева открыла свое швейное ателье, одним из первых клиентов которого был его величество. В общем, в результате двух императорских визитов у Элли скоро станет на одну швею меньше, но она не расстраивалась. Ведь кроме бывших турецких невольниц, у нее работало и восемь учениц из Ильинска.

Моя жена, сразу увидев, к чему идут дела, тут же развила бешеную деятельность. Она буквально замучила бедную девушку расспросами о ее родословной, по результатам которых с гордостью сообщила мне, что новая жена Ильи не абы кто, а польская графиня из



рода Полонских.

Вообще-то основные знатные роды Европы у меня были выписаны еще в будущем, и я полез сверяться со своими базами данных. Упаси господь, вовсе не для того, чтобы уличить свою супругу в некоторых, скажем так, преувеличениях или неточностях. Наоборот, раз уж решили, что эта девушка будет польской графиней, то ее родословная не должна вызывать лишних сомнений, так что мне предстояло всего лишь внести некоторые уточнения, не более того.

Быстро выяснилось, что такой шляхетский род, и довольно разветвленный, действительно существовал — правда, графы среди них появились несколько позже, но это неважно. А вот герб этих самых Полонских мне не понравился сразу. Полумесяц и шестиконечная звезда — да что же это за турецко-израильские мотивы такие? Нет уж, у звезды мы сразу уберем один лишний луч, а лунный серп заменим солнечным диском. Или серп оставить, просто уменьшить в размерах и передвинуть вниз? Ага, и дополнить молотом, тогда все получится и вовсе замечательно.

В общем, вчера вечером польская графиня Анна Полонская удалилась запоминать свой герб и уточненную родословную, потому как сегодня в восемнадцать пятнадцать у нее будет помолвка.

Я собрал бумаги со стола, убрал их в небольшой сейф и встал. Пора было переодеться к церемонии, без герцогской четы Романцевых она никак не обойдется, а времени уже без десяти пять.

Церемонию помолвки проводил Витя Маслов, то есть его святость пастырь Австралийской христианской церкви Викторий Второй. Этот номер он присвоил себе из соображений уменьшения тавтологии в официальных бумагах, где глава церкви часто упоминался рядом с императором. Мол, раз Илья у нас Первый, то пастырь пусть будет Вторым.

Сам император был непривычно серьезным и торжественным. Хотя, действительно, ведь это же у него первое подобное действие в новом мире! До сих пор церемонии сводились к тому, что потенциальная супруга, ответив "да" на вопрос "хочешь ли ты быть моей женой", по-быстрому собирала манатки и перебиралась поближе к дому Ильи, тогда еще не императора, а простого посланца бога Ио. Тем более что и в том мире он был женат всего раз и совсем недолго, да и свадьбы как таковой тогда не игралось, ибо мало того, что молодые были бедными студентами, так еще и додумались жениться перед самой сессией.

Ну, а здесь зажить такое событие не получится, свадьба будет через месяц, причем Элли начала готовиться к ней уже сейчас. И ее активность не останется незамеченной — Илья уже подписал указ о назначении герцогини Романцевой главным церемониймейстером колоний, который будет оглашен завтра утром.

Еще вчера Темпл принес мне для отправки в Англию незашифрованное письмо, в котором сообщалось о грядущей женитьбе австралийского императора на польской графине. А сегодня уже успел поинтересоваться, не вызовет это событие изменений в политике Австралии по отношению к Речи Посполитой.

— Вроде нет, — пожал плечами я, — чему там меняться, не ведем мы никакой политики с этой пародией на державу, по крайней мере до тех пор, пока у них там царит такой бардак. Да хотя бы по этому случаю посудите — представительница древнейшего рода Полонских, по материнской линии вообще восходящего к Пястам, томится в турецком плену, а ни одна собака из так называемых панов и ухом не ведет! Если бы не мы, страшно подумать, что могло ждать несчастную графиню. Хотя, кажется, короля у них выбирают? Что же, спасибо за идею. А не знаете, где именно происходит это действие? То есть как зачем — естественно, для обеспечения демократического протекания ближайших выборов. А не можете это узнать лично для меня? Спасибо, я никогда не сомневался в ваших дружеских чувствах. Да, и обязательно уточните, есть ли там река, какой глубины и сколько по ней от места выборов до ближайшего моря. Само собой разумеется, я же должен заранее знать, пройдет ли там монитор или придется посылать дирижабли.

Английский дипломат, судя по его виду, был несколько деморализован полетом моей международной мысли. Во всяком случае, он даже не спросил, что такое монитор, хотя знать этого не мог. Впрочем, по контексту было нетрудно догадаться, что это явно не плавучая библиотека.

Я же выдал только что разыгранную импровизацию для того, чтобы хоть самую малость озадачить Августа. Пусть он, зараза такая, лучше подумает о своей нелегкой судьбе, чем будет продолжать отвлекать, понимаешь, царя Петра от важных дел на Азовском море предложениями совместно воевать против шведов.

Свифт всю церемонию помолвки скромно простоял в уголке, а после ее завершения стал что-то записывать в подаренный мной блокнот. Он уже успел признаться, что пишет книгу об Австралии. Причем не документальную, а художественную, от лица английского моряка и хирурга Лемюэля Гулливера, в результате кораблекрушения выброшенного на австралийский берег. В ответ я, мысленно воскликнув "наконец-то!" и прикинув объем будущего романа, подарил ему четыре роллера и предложил свои услуги по изданию его творения как в Австралии, так и в Европе. Правда, подписание договора было отложено до завершения работы над первой частью произведения, но принципиальное согласие Свифт дал сразу.

## Глава 22

Наступление нового, тысяча шестьсот девяносто девятого года ознаменовалось первыми полетами дирижабля "Франция". Сразу после новогодней ночи я выехал на второй авиазавод, располагавшийся в пятнадцати километрах от Ильинска. Кроме большого сарая-ангара, то есть собственно авиазавода, там уже имелся маленький, для двух "Колибри" и дельтаплана. Вокруг потихоньку выросли пять домиков разного размера, и все это вместе без особых затей было названо городом Жуковским, тем более что там действительно водились довольно крупные жуки с рогами. Но не кусались, надо отдать им должное, и не грызли бальсу.

Попытки собрать дирижабль начались еще перед Рождеством, но, хоть на сборку вообще-то отводилось восемнадцать часов, закончилась она только сейчас. Ничего страшного, это же в первый раз и с первым дирижаблем.

Он имел жесткую разборную конструкцию из бальсы с оболочкой из бальсового же шпона, внутри которой располагались пять баллонетов из шелка, пропитанного приготовленным под руководством Ильи составом на основе сока гевеи. Их общий объем составлял две тысячи восемьсот кубометров, весил же дирижабль с гондолой, но без движков тонну с небольшим хвостиком. То есть даже по меркам двадцать первого века имел очень неплохие весовые характеристики — а почему бы и нет, если бальса и китайский шелк не уступают дюралю и синтетике. Кстати, гондолой висящая под килем открытая площадка размером полтора на четыре с половиной метра называлась в основном из вежливости, ибо именовать ее корзиной было как-то несолидно.

Когда я приехал и слез с велосипеда, в эту самую гондолу как раз закончили ставить движок. Мы решили не испытывать одновременно два новшества сразу — и дирижабль, и паровую турбину. Первые полеты пройдут с двухтактным калильным двигателем, который потом будет установлен на наш воздушный корабль.

Вскоре двигатель установили, проверили и, засунув шланги в нижние отверстия баллонетов, Франсуа торжественно запустил дизельный генератор, потому как водород мы получали при помощи электролиза. После чего, оставив у надуваемого дирижабля двоих дежурных, главный воздухоплаватель пригласил меня позавтракать.

Баллонеты наполнились к шести вечера следующего дня, и, в последний раз проверив соответствие подъемной силы имеющемуся грузу, Франсуа завел движок, влез в гондолу и дал команду освобождать крепежные концы. Сначала были убраны носовой и кормовой тросы, и дирижабль, чуть покачиваясь, повис на двух центральных. А потом начал

потихоньку задирать корму, но пилот не стал возиться со стравливанием водорода из последнего баллонета, а, дождавшись, когда стартовая команда полностью освободит воздушный корабль, дал ему подняться метров на пятнадцать и прибавил газу. Качнувшись, эта сигара-переросток двинулась вперед, потихоньку поднимая нос, и вскоре практически выправила тангаж. А затем дирижабль начал не торопясь набирать и высоту, и скорость.

Наблюдая с земли за его эволюциями, я поначалу решил было, что с устойчивостью по тангажу мы что-то намудрили. При всяком изменении курса или скорости дирижабль то опускал, то поднимал нос и некоторое время летел в какой-то странной позе, а потом выправлялся. Но где-то минут через пятнадцать подобные фокусы прекратились — Франсуа приспособился парировать крены рулями еще до того, как они становились заметными.

Первый полет продолжался полчаса, и еще минут двадцать дирижабль причаливал к мачте. Сначала несколько раз подряд промахнулся он сам, потом причальная команда поймала трос только с третьего раза, затем не пожелал открываться клапан второго баллонета, из-за чего аппарат спускался не параллельно земле, а задрал нос. Но, наконец, Франсуа, небольшими порциями выпуская водород, добился того, что аппарат завис более или менее горизонтально. Причальная команда, в которую вошел и я, ухватила за сброшенные нам веревки, и мы потащили летательный аппарат в сарай.

Вечером я слушал мнение нашего пилота о новой машине.

— Поначалу дирижабль показался мне вообще неуправляемым, — делился Франсуа, — но потом я понял, что он нормально реагирует и на газ, и на рули, только с большой задержкой. То есть любой маневр надо начинать секунд за семь — девять, примерно столько он "думает", прежде чем начать поворачивать. Но вообще, конечно, по сравнению с "Графом Цепелином" это просто великолепная машина. Я ходил по гондоле, а дирижабль этого даже не замечал! Настоящий воздушный фрегат, честное слово.

— Удобно было управлять одному, второй член экипажа не нужен?

— Так я летал-то всего полчаса! Вот завтра попробую продержаться в воздухе подольше, тогда и будет видно.

На следующий день в воздух поднялся и я — пассажиром, для которого было предусмотрено кресло за спиной пилота.

Скажем прямо, летать на дирижабле мне понравилось. Погода была безветренной, аппарат не болтало, так что я прошелся по гондоле, полюбовался на приближающийся Ильинск и бухту Порт-Филипп. Вообще-то мне уже доводилось видеть все это с дельтаплана, но, во-первых, дирижабль поднялся существенно выше, примерно на километр, а во-вторых, было как-то странно стоять на площадке, облокотившись на перила, а не сидеть на обтянутых тряпкой дюралевых рейках с воющим мотором за спиной.

Франсуа тем временем прибрал газ и начал одновременно вращать штурвал и педали. Поначалу ничего не происходило, но потом дирижабль опустил нос и начал поворот со снижением, то есть мы брали курс на Жуковский.

Привод управления был, естественно, механическим. Горизонтальный руль управлялся штурвалом, а два вертикальных — педалями наподобие велосипедных. Крутишь их вперед — подвижные плоскости поднимаются, назад — опускаются.

Неподалеку от Жуковского я увидел на земле пыльный хвост, а перед ним — небольшой красный прямоугольник. Так сверху выглядел императорский рыдван, на котором Илья все-таки решил доехать до аэродрома. Разумеется, в этом был элемент риска, ведь пятнадцать километров для данного изделия было сравнимо с пробегом до капремонта, но до аэродрома оставалось всего километра два, а оно еще ехало и разваливаться вроде не собиралось.

В этот день "Франция" совершила еще один полет, на сей раз с императором на борту. После чего она пару недель полетает с поршневым движком, за это время получают первые навыки управления еще три пилота. А к тому времени подоспеет второй из этой серии, "Британия", и двигатель будет переставлен на него, а мы с Ильей начнем ставить на "Францию" паровую турбину.

Если кто думает, что третий дирижабль мы собирались назвать "Австралией", его ждет разочарование. Все-таки он мелковат для столь гордого имени, да и уже сложилось что-то вроде традиции называть воздушные корабли именами великих воздухоплавателей. Во всяком случае, первый в этом мире дирижабль назывался "Граф Цеппелин". Ну, а этот будет носить имя "Йон Тихий".

Вообще-то, конечно, мне импонировало поведение заказчиков в семнадцатом веке. Ведь эти щедрые люди платили очень немало, а единственное требование, которое они связно предъявляли к своим будущим приобретениям — это чтобы те летали, и желательно быстрее корабля, плывущего по воде. Никаких тебе техзаданий на десятках страниц, где каждая вторая противоречит каждой третьей, а итоговая цена — здравому смыслу. И представители заказчика тут хоть и имелись, но после пролета дирижабля над Ильинском вообще потеряли дар речи от восторга. Честно вам скажу, работать в таких условиях — одно удовольствие.

Примерно так я думал, завернув последнюю гайку крепления турбины и окинув удовлетворенным взором результат своих трудов. Теперь предстояло объяснить помощнику Франсуа тонкости обращения с водяным и воздушным насосами, проверить, как он их усвоил, а завтра "Франция" поднимется в воздух уже в том виде, в котором со временем будет вручена Людовику. Кстати, он приобретал не такой уж и плохой аппарат.

Этот дирижабль мог взять на борт двести литров спирта плюс столько же воды, и еще был способен поднять четыреста килограммов груза, не считая пилота и бортмеханика. На полной мощности турбина жрала по пятьдесят литров спирта и воды в час, а дирижабль при этом разгонялся до сорока. Если же уменьшить мощность до половины, то расход падал втрое, а скорость — до двадцати пяти километров в час. То есть при отсутствии встречного ветра "Франция" могла пролететь примерно триста километров, а при наличии попутного и больше, что в ближайшее время предстояло проверить на практике нашим пилотам.

Австралийский же "Йон Тихий" на форсаже разгонялся до шестидесяти пяти, а экономическую скорость имел сорок пять. И на двухстах литрах спирта мог пролететь девятьсот километров, имея на борту двух пилотов и полтонны груза. Правда, пока это была чистая теория, но Франсуа уже планировал перелет на остров Кенгуру и обратно.

Пора было сообщать заказчикам, что торговая операция с дирижаблями входит в завершающую фазу, и от них теперь требуется окончательно расплатиться по обязательствам, после чего присылать в Ильинск корабль водоизмещением не менее восьмисот тонн для переоборудования его в дирижаблевоз.

Радиограмму примерно такого содержания я и отправил в Лондон, велев ознакомить с ней Вильгельма и де Тасьена.

Английский король отреагировал первым. Уже через три дня Уиро Мере-тики был приглашен на заседание Палаты общин, где ее представители торжественно подписали договор о взаимной аренде территорий сроком на пятьдесят лет с возможностью продления при обоюдном согласии. То есть на это время Австралии отходил архипелаг Силли, а Англии — остров Махорий. Далее в документе было сказано, что порядок реализации договора определяется по согласованию английского короля с австралийским императором. Вообще-то они это согласовали еще месяц назад, и смысл заключался в том, что всем желающим покинуть острова Силли король выдает от двух до пятнадцати фунтов стерлингов, в зависимости от цены оставляемой недвижимости. Для облегчения этого процесса император предоставляет ему четырехлетнюю ссуду в размере пяти тысяч австралийских рублей под два процента годовых, с погашением продукцией английской промышленности и транспортными услугами.

Через неделю после выступления в парламенте наш посол в сопровождении роты королевских гвардейцев посетил архипелаг, где объявил местным жителям, что с первого января тысяча семисотого года острова переходят под австралийское управление. Всем желающим остаться найдется неплохо оплачиваемая работа, но им следует учесть, что для лиц, не являющимися подданными империи, за неподчинение ее представителям

предусмотрено всего два вида наказания — устное порицание или пуля в лоб. А в большинстве своем австралийцы очень молчаливы, но зато у каждого есть револьвер. Кроме того, отец Юрий поведал — он в курсе, что любимым развлечением островитян является зажигание в штормовые ночи костров на скалах, с последующим собиранием всего ценного с принявших костер за маяк и разбившихся в результате этого кораблей. Так вот, в случае совершения данного действия все население островов будет немедленно вывезено в Австралию на бессрочную каторгу. Разбираться, кто палил костры, кто подносил дрова, а кто просто хихикал и потирал руки, сидя дома, австралийцы не станут.

Смысл всех этих страшилок был в том, что на самом деле нам вовсе не нужно было хоть сколько-нибудь заметное количество местных жителей на арендуемых островах, и мы хотели заранее направить мысли островитян в соответствующую сторону.

Англичане же теперь могли в любой момент высаживаться на Махории и начинать его обживать. Где находится остров, они уже знали.

Кроме того, Вильгельм передал нашему послу, что под переоборудование выделяется стоящий в Ильинске фрегат "Винчестер".

Вскоре пришел ответ и от де Тасьена. Он сообщил, что четыреста пятьдесят человек, которых нам еще оставалась должна французская сторона, будут в течение месяца отправлены в Австралию на трех кораблях, из коих мы сами выберем наиболее подходящий для переделки.

В связи со всем этим я в конце марта посетил остров Кенгуру. Надо было, во-первых, организовать там посадочную площадку для дирижабля, с мачтой, причальной командой и оборудованием для получения водорода. Ну и требовалось посмотреть, как идет подготовка к приему французских колонистов, ибо очередную партию мы собирались селить именно сюда.

"Чайка" бросила якорь в бухте у входа в Пеликановую лагуну, где потихоньку росло первое и пока единственное поселение на острове.

Все-таки названия австралийским островам давали практичные люди, подумал я, отрываясь от бинокля. Например, недалеко от Ильинска есть остров Змеиный. И правда, нашей экспедиции хватило пары часов, чтобы убедиться в полном соответствии названия действительному положению дел, после чего остров был вычеркнут из списков на первоочередную колонизацию. Или вот этот называется Кенгуру. Так вон они, сразу три штуки, и прыгают-то как резво! А попробуйте, например, найти шпица на Шпицбергене. Или Франца-Иосифа на соответствующем архипелаге. А на острове, скажем, святой Елены со святостью тамошних дам дела обстоят весьма не очень, кое-кто из экипажа "Чайки" даже успел убедиться в этом лично.

Пеликановая лагуна тоже полностью оправдала свое название, этих птиц тут было довольно много. Причем они оказались значительно крупнее, чем я до сих пор видел в зоопарке, и, что меня особенно удивило, они еще и летали. Здоровенная тварь с трехметровым размахом крыльев при мне после не очень длинного разбега поднялась в воздух и начала бодро набирать высоту. Да как же у нее клюв-то не перевешивает, хотелось бы знать?

Я сошел на берег и прошелся по состоящему из одиннадцати домов поселку. А ничего так, картина почти как в российской глубинке — дорога, посреди дороги лужа, в ней отдыхает свинья, а по сторонам домики за заборами. Правда, место, именуемое центральной площадью, окружено дощатым тротуаром, но, впрочем, и в наших деревнях иногда встречалось такое. Единственное отличие — все дома без печек.

После беседы со старостой, которого я по результатам его трудов произвел в бургомистры, выяснилось, что на другом берегу протоки в лагуну, за холмом, уже начали строить бараки для вскоре прибывающей партии. Дичи здесь много, привезенные с собой свиньи и дронты уже прижились и даже дали потомство, картошка с капустой растут неплохо.

— Пеликанов не пробовали? — поинтересовался я.

Выяснилось, что пробовали, но были сильно разочарованы вкусом. С дронтом — никакого сравнения, заверил меня бургомистр.

Тем временем прямо у меня из-под ног куда-то попрыгала здоровенная лягушка.

— А этих?

— Простите, кого?

Я не настолько хорошо знал французский, поэтому просто показал на улепетывающее земноводное.

— Разве в Австралии их едят?

— Вроде пока нет, но мне говорили, что французы считают этих животных деликатесом.

— Наверняка вам такое ляпнул англичанин, — убежденно заявил бургомистр. — Вы не подумайте худого, люди они ничего, бывают даже и хорошие, но врать про нас любят — просто ужас. И, ваша светлость, дозволейте спросить насчет названия нашего города. Мы тут подумали и решили, что его следует поименовать Надеждой.

Естественно, это было сказано по-французски, так что мне пришлось уточнить:

— В империи не очень приветствуется иностранная топонимика. Ну, это слово означает названия городов, рек и прочих красот природы. Так что давайте-ка мы маленько австралифицируем то, что вы придумали. "Эсперансовка" вас устроит? Ладно, тогда так и запишем. Да, четверо из прибывших со мной останутся здесь, они должны построить у вас порт для летающих кораблей. Если им потребуется помощь, вы ее окажете. В свободное от работы время они помогут вам выучить язык. А то не говорящий по-австралийски староста — это еще куда ни шло, хоть такое его и не украшает, но бургомистр — совсем другое дело. В общем, в следующий визит я надеюсь побеседовать с вами на родном языке.

— Ваша светлость, — осторожно поинтересовался бургомистр в конце разговора, — вы точно знаете, что здесь не водятся ледяных птиц? А то наши рыбаки плавали к западной оконечности острова и видели на берегу что-то очень похожее, только маленькое, всего чуть выше человеческого роста.

— Ледяных птиц тут точно нет, — со стопроцентной уверенностью успокоил я собеседника, — это, наверное, вы видели страуса, причем взрослого. Вообще-то он действительно приходится им родственником, но очень дальним и опасности для человека не представляет.

## Глава 23

Его величество Вильгельм Оранский с утра пребывал в несколько приподнятом настроении. В отличие от своего камердинера, он сразу отнес полученные вчера вечером новости к хорошим и сейчас на свежую голову изучал материалы, все более укрепляясь в своем мнении.

Итак, первый спорный момент, на котором в свое время Вильгельму удалось настоять с немалым трудом — время года работы экспедиции. Ему говорили, что плавание в высоких широтах зимой очень опасно, и предлагали отправить корабли так, чтобы они подошли к южному материку полярным летом. Но ведь тогда день там длился бы двадцать часов или даже больше, что многократно увеличивало возможности австралийцев по обнаружению английских кораблей с воздуха! И вот теперь выяснилось, что он, Вильгельм, был прав. Несмотря на все трудности зимней навигации, экспедиция все-таки вернулась. Правда, далеко не в полном составе, но это смело можно отнести к неизбежным и оправданным потерям.

А то, что она хоть и не сразу, но все же была обнаружена даже зимой, говорило о том, что летом данное событие произошло бы гораздо раньше, со всеми вытекающими последствиями.

И Натаниэль совершенно зря беспокоится насчет уничтоженного дирижабля. Во-первых, те, кто это сделал, уже заплатили своими жизнями, а второй корабль, строго говоря, тут

совершенно ни при чем, он находился более чем в миле от места событий. Австралийцы же при всех их странностях люди прагматичные. Если они захотят войны — найдут повод и получше того воздушного корабля, не захотят — будут вести расследование причин катастрофы долго и задумчиво, и на текущие отношения с Англией это никак не повлияет. Ну, или в крайнем случае почти никак.

То, что дирижабль все-таки удалось сбить, особого энтузиазма у Вильгельма не вызвало. Ясно — это случайность, обусловленная грубейшей ошибкой экипажа летающей машины. Герцог говорил, что во время боевых действий дирижабли никогда не опускаются ниже двух, а то и трех тысяч футов, а этому, судя по фотографии, до земли оставалось меньше трехсот. В какой-то мере подобное могло объясняться тем, что австралийцы уже несколько столетий не видели никакого врага у своих берегов, но после этого случая наверняка будут приняты соответствующие меры.

Король перешел к протоколам допросов капитана и старшего помощника брига "Дефендер", подобравшего остатки экспедиции по изучению тихоокеанского пути в Австралию у Магелланова пролива. Как и ожидалось, и в них ничего выходящего за рамки обыденного не содержалось. Да, встретили едва державшийся на плаву корабль, время и координаты прилагаются. Ввиду невозможности хоть сколько-нибудь серьезного ремонта экипаж был взят на бриг, а экспедиционный корабль по просьбе его капитана затоплен. Имущество спасенных было опечатано и в таком виде сдано королевскому представителю в Дувре. Из семи спасенных четверо серьезно больны, но дожили до прибытия в Англию, а один от тягот и лишений сошел с ума. Все время бормочет о каком-то рыжем великане на острове посреди океана и о прислуживающих ему ручных летающих крокодилах. Остальные члены экспедиции находятся в здравом рассудке.

Все правильно, команды в экспедицию подбирались достаточно тщательно, и каждый знал, что рассказывать об увиденном в ней можно только королю или его специальному представителю.

Описание и фотографии ледяного судна не вызвали большого интереса у английского монарха — и так ясно, что подобные ему пригодны для плавания только в очень холодных водах. А вот все три снимка военного корабля Вильгельм рассматривал долго и внимательно.

Первое, на что он обратил внимание — это полное отсутствие парусного вооружения. Да, корабль имеет две сравнительно небольших мачты, но они явно не для парусов. Выходит, он предназначен для прибрежных операций? Вполне возможно, но все же вызывает сомнение — зачем тогда ему столь высокие борта. Ну, а размеры...

Король взял циркуль и измерил наиболее ясно видную человеческую фигурку на первом снимке. Потом — длину корабля, сравнил, после чего произвел подобные операции над второй и третьей фотографиями.

Цифры получились довольно большие, но не запредельные. Длина корабля австралийцев укладывалась в диапазон от трехсот тридцати до трехсот семидесяти футов. Высота над водой — около десяти-двенадцати. Судя по снимкам, корабль целиком сделан из железа, и это подтверждает фотограф экспедиции, хорошо разглядевший его в подзорную трубу.

И, конечно, пушки — они потрясли воображение. На носу и корме корабля стояли две большие цилиндрические башни, и из каждой торчало по два ствола... так, еще раз проверим... длиной не менее тридцати пяти футов! А может, и ближе к сорока.

Король вздохнул. Ведь даже совсем маленькие пушки "Победы" с нескольких выстрелов потопили французский фрегат. Что же могут сделать эти монстры?

Ближе к середине корабля у борта имелись еще две сравнительно небольших башни и с пушками раза в два поменьше. Судя по всему, с противоположного борта была такая же картина.

В общем, подумал Вильгельм, остается надеяться только на то, что этот гигант у австралийцев один и он не предназначен для дальних океанских переходов. Потому как у короля было очень сильное подозрение, что изображенный на снимках корабль сильнее

флотов Англии, Франции и Голландии, вместе взятых. И, пожалуй, следует сегодня же передать снимки корабельному инженеру Уилсону, а заодно и послушать, чего ему удалось добиться с новой пушкой, сделанной по обрывкам сведений об австралийских орудиях.

Король вспомнил одну из первых бесед с инженером.

— Понимаете, ваше величество, — втолковывал он Вильгельму, — даже по тем весьма неполным сведениям, которые мне были предоставлены, австралийские пушки радикально отличаются от наших по крайней мере четырьмя вещами.

Первая — материал и способ изготовления стволов. Судя по всему, пришельцы делают пушечные примерно так, как мы лучшие ружейные, то есть многократной проковкой разных по твердости слоев железа.

На втором месте — способ заряжания. Оно производится с казенной части, порох вместе со снарядом заранее заряжаются в короткую трубку, которую, как мне сказали, австралийцы называют гильзой. Чтобы эту гильзу можно было засунуть в ствол и вынуть оттуда после выстрела, задняя часть ствола может отворачиваться вбок.

Третье отличие — порох. Используемый ими мощнее нашего, меньше дымит и загрязняет ствол, но как и из чего его делают, неизвестно.

— Тут я могу вам немного помочь, — заметил король. — По последним сведениям, их бездымный порох представляет собой смесь австралийской селитры, белого угля и хорошо просушенных экскрементов вомбата, это такой австралийский зверь, похожий на помесь крысы с медведем. Ни одного из этих веществ у нас пока нет, однако я надеюсь скоро предоставить вам образцы по крайней мере первого и третьего ингредиентов.

— Было бы неплохо, — кивнул инженер и продолжил:

— Наконец, четвертое отличие, которое я считаю для нас самым главным. Австралийцы для выстрела не подносят горящий фитиль к запальному отверстию, а дергают за шнур, и, что очень важно, пушка после этого стреляет мгновенно, без всякой задержки.

Король был несколько удивлен тем, что этому вроде бы совсем несерьезному моменту уделяется такое внимание, но инженер объяснил:

— Особенно для нас важно, ибо основы процветания Англии закладываются на морях. Почему на суше пушки уверенно стреляют на полмили, а на море дистанцией эффективного огня считается два кабельтовых? Да потому, что корабль качается. Опытный наводчик мог бы подгадывать выстрел к моменту, когда пушка примет строго определенное положение относительно горизонта, если бы выстрел следовал мгновенно после поднесения фитиля. Но увы, до него проходит время, иногда почти секунда. И, что само главное, это время никак не определишь заранее. С какой скоростью вспыхнет порох в запальном отверстии и как быстро он подожжет основной заряд, предсказывать ни у кого не получается. Вот и тыкает канонир фитилем почти наобум, имея самое общее представление, куда именно будет смотреть ствол его орудия в момент выстрела.

— Сделать пушкам замок вроде того, что стоит в ружьях, — предложил Вильгельм. — Насколько я знаю, у них этой задержки нет.

— Она там есть, просто гораздо меньше из-за малых размеров ствола. И, кроме того, во время нее опытный стрелок может перемещать ствол, если, например, цель движется, каковой возможности лишен артиллерист.

— И поэтому, — продолжил инженер, — я предлагаю не пытаться воспроизвести все четыре новшества сразу, а двигаться последовательно, начиная с последнего, то есть с мгновенного воспламенения пороха. Возможно, австралийцы придумали откидывать вбок заднюю часть ствола именно для этого, а увеличение скорострельности было хоть и полезным, но все же побочным эффектом.

Да, подумал король, его заряжающаяся сзади пушка, хоть и бронзовая, изготовленная по старой технологии и использующая черный порох, уже показала увеличение реальной скорострельности и, главное, прицельной дальности при выстреле с качающейся палубы корабля. Правда, откидывающаяся часть ствола, которую Уилсон назвал "затвором", выходила из строя примерно через десять выстрелов, то есть требовала какой-то доработки.



В общем, инженеру следует показать фотографии большого военного корабля и попросить дать заключение по этому поводу. И, кроме того, пусть он прикинет, кому поручить разработку специальной пушки для стрельбы вверх, по дирижаблям. И какие требования к ней надо предъявить. Хотя бы для того, чтобы не остаться беззащитными перед французскими дирижаблями, когда начнется война за испанское наследство. А в том, что без нее не обойтись, Вильгельм понимал уже давно. Правда, когда удалось договориться с Австрией и Францией от том, что на испанский трон сядет малолетний баварский принц Иосиф Фердинанд, появилась надежда, что дело удастся решить миром. Но буквально на днях мальчик возьми да и помри от оспы! Ей-богу, надо поторопить этих умников из Королевского общества, которые уже больше года глубокомысленно обсуждают то, что рассказал герцог насчет причин болезней и иммунитета к ним. Ведь он же явно назвал коровью оспу как средство, предохраняющее от смертельной черной! А то как бы еще кто-нибудь нужный не помер, пока они там сореваются в красноречии.

И вот теперь снова вопрос о том, кто будет испанским королем после смерти Карла, встал во всей своей красе. Причем оба оставшихся кандидата были неподходящими для Англии! Ну, с Филиппом Анжуйским все ясно, Людовик, присоединивший к своим владениям еще и Испанию с колониями, станет не по зубам англо-голландскому альянсу. Но ведь и с Леопольдом, хапни он испанскую корону, произойдет то же самое! Предложенный Англией выход — каким-то образом расчленив испанские владения, отдав что-то Людовику, что-то австрийцам, а что-то под шумок прибав себе — не встретил понимания ни в Вене, ни в Париже. Даже испанцы, и те имели какие-то возражения.

Еще до смерти малолетнего принца Вильгельм отправил личное письмо австралийскому герцогу, где осторожно интересовался его позицией по поводу грядущего конфликта. И вот позавчера пришел несколько неожиданный ответ.

В нем Алекс сообщал, что он, герцог Романцев де Ленпроспекто, до сих пор как-то не задумывался о своих правах на испанскую корону, ибо хватало других дел. Однако в связи с письмом короля должен признать, что сама по себе идея не так уж плоха. И если Вильгельм сможет хоть как-то подтвердить эти самые права, пусть даже не все примут эти подтверждения как должное... что же, в таком случае участие Австралии в грядущем конфликте вполне возможно.

У Вильгельма при первом прочтении даже мелькнула мысль пообещать Алексу поддержку в этом вопросе, но, подумав, король решил от нее отказаться. Мало ли как повернутся события, а герцог не производит впечатления человека, любящего таскать для кого-то каштаны из огня. И в одно прекрасное утро узнать, что милейший герцог теперь живет в Палас Реале или Эскориале, было бы не очень приятно.

Вильгельм уже давно принял как должное, что австралийцы мыслят не совсем так, как европейцы. И в этом их как сильные, так и слабые стороны. Например, ему и в голову бы не пришло подумать о каких-то иных кандидатах на испанский престол, а для герцога все кристально ясно. Раз уж за корону придется воевать, то она должна достаться тому, у кого лучше солдаты, корабли и пушки! А юридические обоснования сойдут и самые неправдоподобные, их истинность все равно придется доказывать побежденным.

Однако все на свете имеет и обратную сторону. Ведь герцог, кажется, так и не понял, из каких соображений Вильгельм пошел ему навстречу и выделил специалистов для работы в Ост-Австралийской компании, не скрывая, что они будут заниматься еще и разведкой. Да, им уже удалось разузнать кое-что интересное, например, способ изготовления железных листов путем многократной протяжки заготовки меж двух вращающихся валиков. Наверняка со временем они подсмотрят и что-нибудь еще, но главное вовсе не это.

Возможный союз Австралии и Московии несколько беспокоил английского короля, он сразу понял, чем это может быть чревато для его страны. Так пусть сам герцог, уже успевший стать в глазах молодого русского царя непререкаемым авторитетом в технических вопросах, и вводит в окружение Петра людей Вильгельма! Глядишь, кому-то из них и удастся приобрести влияние при новом европейском дворе, с которым отныне тоже придется

считаться.

Самодержавный владыка Франции, его величество Людовик Четырнадцатый, он же Король-Солнце, имел все основания быть довольным собой. Именно его государственная мудрость явилась причиной того, что Франция, не вступая с союз с еретиками-австралийцами, тем не менее получает от них все ей необходимое. И практически бесплатно, то есть избавляясь от некоторого количества наиболее упертых гугенотов, которые суть потенциальные бунтовщики. А Вильгельм, увивавшийся вокруг этих гостей с южного материка, как собачка, таки дождался! Нате вам, ваше самозванное величество, грядущий австралийско-московитский союз. И это при том, что англичане отдают за предназначенный им воздушный корабль немалую цену — кусок своей территории!

Корабли в Южную Америку уже отправлены. Задача — приобрести участки, на которых произрастают бальсовые деревья. То, что там вообще-то испанские и португальские владения, даже к лучшему, потому как англичане именно сейчас поостерегутся предпринимать что-либо против Испании и пока никак не обозначившей свою позицию Португалии. Ибо воздушные корабли нужно производить самим. Один — это только для того, чтобы понять его возможности и обучить обращению с ним какое-то количество французов. А вот, скажем, десять — уже другое дело. Причем им вовсе не обязательно принимать участие в войне. Зная, что теперь их остров беззащитен против воздушного флота Франции, англичане станут вести себя на материке куда осторожнее, что и требуется.

Правда, с шелком все обстояло несколько сложнее, но, на счастье Франции, у нее есть он, Людовик Богоданный. Который сразу спросил "мудрецов" из Академии, видели ли они небольшой летающий шар австралийцев. И если видели, то почему не обратили внимания, что он сделан из бумаги? Значит, и мешки для дирижаблей могут быть такими же, учитывая, что французская бумага — лучшая в Европе. Остаются реактивы для производства подъемного газа, но неужели и этим тоже должен заниматься король? Его подданные уже получили необходимые повеления и приступили к их выполнению.

А вот государь всяя Руси Петр Алексеевич пребывал в некоторых сомнениях. Правильно ли он сделал, что прошлой осенью казнил практически всех принимавших участие в мятеже стрельцов, вместо того чтобы отправить в Донецк, где постоянно не хватает рабочих рук? Правда, на вечное поселение в те края были сосланы их семьи, но толку-то от баб с ребятишками. Хотя вроде бы австралийцы как-то приспособили к делу и их. Во всяком случае, пару месяцев назад литейное производство начало потихоньку выдавать первые рельсы, а третьего дня в Преображенское были присланы первые десять ружей, изготовленных оружейным заводом компании. Будь там побольше народу, ружей могло быть уже не десять, а, например, сто.

Ладно, решил Петр, сделанного не воротишь, да и ни к чему щадить бунтовщиков. А вот тех, кто ими еще не стал, но вполне способен это сделать — можно. Ведь в одной только Москве еще осталось четырнадцать стрелецких полков! У, янычары проклятые, только ведь и ждут момента, чтобы ударить в спину. Так бы и отправил всех в Сибирь, но...

Нельзя выступать против всех врагов разом, это молодой царь понял уже очень хорошо. А то вдруг им придет в голову объединиться! Объяви об одновременном роспуске всех стрелецких полков — и еще до ссылки их в Сибирь получишь бунт почище прошлогоднего. И, значит, действовать придется постепенно. По одному их, краснокафтанников, тогда и не пикнут.

Приняв решение, Петр гаркнул:

— Сенька!

В комнату вбежал недавно принятый секретарь, грамотный парнишка из мелкопоместных рязанских дворян, найденный Меньшиковым.

— Бери перо, бумагу и пиши указ. Мы, божией милостию... дальше сам вставишь... повелеваем: стрелецкий полк Петра Лопухина с нашего царского довольствия снять. Все стрельцы, вплоть до полкового командира, могут быть зачислены в войско нового строя с преимуществом в чине. Те же, кто служить не пожелают, с этого дня пишутся посадскими.

Записал? Потом слова приладишь, вставишь титулы и покажешь мне. Теперь бери новый лист, пиши еще один указ. Все посадские из бывших стрельцов приписываются к Донецкому воеводству, а кто станет сему противиться, поступать с ним как с бунтовщиком.

Петр внимательно глянул на своего нового секретаря. Старается выюнош, опять же грамотный, несмотря на невеликие года. И никак сказать что-то хочет, но боится?

— Если хочешь поведать мне чего умного, говори, — усмехнулся царь.

— Я ведь государь, вот что думаю-то. В остальных полках как бы не нашлись смутьяны, не закричали бы — сегодня лопухинцев, а завтра и нас в оборот возьмут. Так, может, кормовые деньги, что шли этому полку, разделить меж остальными? Так и объявить — казны, мол, содержать всех не хватает, и вы, государь, решили их самым достойным и добавить, с худого полка снявши.

— Ай, молодец, — от мощного хлопка по плечу секретарь еле удержался на ногах, — хорошо придумал, добавь в указ. Но деньги стрельцам давать не все, им, дармоедам, и половины за глаза хватит. И еще из денег тех себе десять рублей отпиши, за сообразительность.

## Глава 24

Я оглядел два ровных ряда небольших серых кубиков и решил, что, пожалуй, сушиться им хватит. Тем более что в Ильинск прибыл очередной английский корабль с чугунными и медными заготовками, а недели через две он отправится обратно. И, значит, за это время Свифт должен как-то раздобыть хотя бы несколько таких кубиков. Для особо любопытных сообщу, что это кашаки вомбата. Но не простые, я их лично отбирал из доставленных мне трех кило по наиболее совершенной форме и приятному цвету. А потом еще сушил почти месяц.

Вообще, конечно, Вильгельм в данный момент демонстрировал некоторую недооценку роли художественной литературы в истории. Ведь спросите, скажем, любого молодого человека из двадцать первого века, кто такой Вильгельм Третий Оранский. В лучшем случае его перепутают с Первым, описанным в "Тиле Уленшпигеле", но это вряд ли. Все таки мы же говорим про юношей именно двадцать первого века, а не двадцатого, и все Оранские скопом вместе с Уленшпигелями им глубоко незнакомы. А вот про Гулливера наиболее образованные могут и знать, некоторые даже смотрели соответствующий мультфильм.

Так вот, Свифт как раз сейчас и писал про Гулливера! А король отвлекал его от этого занятия всякой ерундой — вынь да положь ему компоненты бездымного пороха, причем срочно.

Белый уголь, то бишь сухой спирт, я ему просто подарил, но совсем немного, две расколотых таблетки. Обойдется, у меня его осталось довольно мало. На прошлой неделю англичанину повезло умыкнуть горсть австралийской селитры. Под этим красивым названием фигурировал обычный хлорат калия, то есть бертолетова соль. Мы использовали ее в производстве промышленных взрывчатых веществ, смешивая с жиром стеллеровой коровы. Но она может взрываться не только в смеси с жиром, а вообще с любым горючим веществом. С сахаром, например, в чем в свое время на личном опыте убедился Александр Второй. Или с дерьмом вомбата, что проверил уже я. А если туда еще подмешать уротропина, он же сухой спирт или австралийский белый уголь, полученная смесь разрывает ружейный ствол на счет раз. Будем надеяться, что Свифту хватит ума хранить несправедливо приобретенные реактивы в упакованном состоянии и не пытаться самостоятельно заниматься прикладной химией.

Его же начальник, посол Англии в Австралии сэр Уильям Темпл, до шмыгания по задворкам Ильинска не снисходил, ограничиваясь визитами к ильинской знати, в которую входили десяток наиболее способных мориори, все четыре священника разных конфессий, два испанца, произведенных Ильей в унтер-бароны за успехи в строительстве деревянной железной дороги, пастырь Викторий Второй и чета герцогов Романцевых. И, разумеется,

Темпл посещал все официальные приемы у императора.

На примере старого дипломата было отлично видно влияние благодатного австралийского климата на организм человека. Ибо, если бы не встреча с нами, он бы уже не вставал, а через месяц и вовсе помер бы, а тут старик демонстрировал завидную бодрость и даже некоторый избыток энергии. Жалко, что сам он этого не знает и знать не может. А то ведь английскому королю тоже, может быть, скоро помирать от воспаления легких, а в Австралии, кабы он согласился сюда перебраться, это сделать весьма затруднительно. Даже если и ухитришься простудиться, под боком есть мы с Ильей, и пенициллин из моих запасов, несмотря на девять лет хранения, все еще сохранял эффективность.

А вот с электроникой уже потихоньку начинались всякие неприятности. Первыми забарахлили мобильные телефоны, мой и Виктора. Толку от них тут не было никакого, но по ним я смотрел, когда начнет вырождаться микропроцессорная техника.

В развитии электроники вообще неплохо видно, что в смысле долговечности оно идет по спирали.

Первые лампы обладали совсем небольшим ресурсом, но по мере совершенствования вакуумной техники он увеличивался. Оставаясь, впрочем, вполне конечным. А затем появились транзисторы, и эти теоретически могли работать столетиями. Но за ними пошли интегральные схемы, и чем дальше, тем более высокой степени интеграции. Проводники внутри них становились все тоньше и тоньше, изолирующие слои измерялись уже ангстремами, и обычная диффузия со временем приводила к вырождению микросхем, даже если они и не работали. А когда работали, это гораздо быстрее делала электромиграция.

И, значит, телефоны начали помирать еще два года назад. А недавно почил в бозе ноутбук Виктора, да и мой начал основательно глючить. Правда, оставались еще резервные, которые хранились в выключенном состоянии, но вряд ли после включения они проживут хоть сколько-нибудь долго. Хотя, с другой стороны, тот, на котором постоянно работал Илья, не вызывал никаких нареканий.

Разумеется, перед отправкой в прошлое все это я уже знал, поэтому старался выбирать электронику подубовей. И, кроме того, захватил приличный запас радиодеталей, из которых мы уже тут сможем паять все нам необходимое типа примитивных радиостанций.

Но телекамеры нам самим не соорудить, а взятые из будущего имели хоть и толком неизвестный, но все же ограниченный срок хранения. И, значит, оборудованные ими ракеты пора было использовать, пока они не вышли из строя сами собой. Но все-таки это будет не завтра, а в ближайшее время мне предстояло озаботиться расширением геологического кругозора Джонатана Свифта.

То, что белый уголь встречается только вблизи Южного полюса, да и там его приходится добывать в километровых шахтах, англичанин уже знал. Кроме того, он, надо отдать ему должное, обратил внимание, что на второй химкомбинат, куда посторонних не пускали, в приличных количествах завозится жир стеллеровых коров. А из пары моих обмолвок он мог сделать вывод, что в связи с большой дороговизной белого угля вместо него можно использовать и этот жир. Получается хуже, но зато он дешевый.

Где живут вомбаты, англичане уже выяснили. Более того, они были в курсе и про запрет охоты на этих животных. Мне даже стало интересно — они будут тайком, как Джеймсы Бонды, ловить их по ночам или все-таки попробуют купить? К некоторому моему разочарованию, Темпл решил действовать в рамках закона и при очередном визите осведомился насчет цен на австралийскую фауну. Я не стал жадничать и оценивать производителей квадратных какашек в миллионы, но совсем уж дешеветь было просто неприлично. Это же все-таки вомбат, а не лошадь и даже не слон! В общем, Англия в ближайшее время собиралась закупить десяток особей обоих полов по цене двести семьдесят пять австралийских рублей за голову. А наш рубль, если кто забыл — это пять грамм золота.

Оставался последний ингредиент — австралийская селитра. Она тоже в основном добывалась в метрополии, но все же известные месторождения имелись и на некоторых островах. Так что в ближайшее время "Победа" совершит рейс на остров Махорий, где

найдет подходящие места — лучше, конечно, пещеры, остров-то имеет вполне соответствующий рельеф. Затем мне придется нарисовать карту острова, где будут указаны месторождения австралийской селитры. Два небольших, но зато сравнительно легкодоступных, в тех самых пещерах. И несколько более крупных, однако глубокого залегания, от полукилометра и глубже. А перед высадкой англичан на остров его снова посетят наши геологи, но с несколько нестандартной задачей. Ведь обычно они ищут, где в земле лежит что-то полезное, чтобы потом его оттуда выкопать. А сейчас у них с собой будет около тонны бертолетовой соли, которую они и закопают в заранее обозначенных местах.

Ну, а когда англичане проникнутся и приступят к рытью шахт, мы, естественно, не оставим их без поддержки. Начнем поставлять всякие кирки, лопаты и лес для крепления шахт.

То есть люди, во-первых, будут заняты делом. Во-вторых, при таком раскладе в ближайшее время не стоит ожидать попыток синтезировать бертолетову соль, раз известно, где ее можно выкопать. А то ведь получение хлората калия — не очень сложный процесс, кто-нибудь шибко умный может и догадаться.

Наконец, отпадут всякие сомнения в том, что в обмен на архипелаг Силли Англия действительно получила ценнейшую территорию, за которую теперь надо держаться изо всех сил.

Вообще-то сначала у меня по этому поводу были некоторые сомнения, которыми я поделился с Ильей.

— Понимаешь, — сказал я ему, — хлоратный артиллерийский порох у них, конечно, не получится. Но стоит ли так облегчать им путь к созданию капсуля? Ведь то, что бертолетова соль в смеси с очень многими веществами взрывается от удара, англичане поймут быстро.

— То, что для выстрела из австралийской пушки надо дернуть за шнур, и он следует почти мгновенно, все уже знают, — уточнил мой друг. — И такое у нас не получилось бы скрыть, даже если бы мы и захотели. Догадаться, какие преимущества дает мгновенное воспламенение заряда, тоже нетрудно. А теперь... у тебя с собой, случайно, нет черного пороха? Ну мало ли, в армии, я помню, ты чего только в карманах не таскал. У меня во дворце его тоже нет, так что придется ограничиться мысленным экспериментом. Вот, значит, беру я щепотку дымного пороха, кладу его на наковальню. Затем выбираю кувалду поздоровее, пуда на два, собираюсь с силами, хорошенько размахиваюсь и бью по наковальне. Что произойдет с порохом? Правильно, взорвется как миленький. Ружье на таком принципе не сделаешь, больно уж здоровый получится механизм, а вот пушку вполне можно. Тем более морскую, где вопрос веса стоит не так остро. Выходит, все равно у наших друзей скоро появятся орудия с ударным воспламенением. Так пусть лучше используют для этого полученные от нас ограниченные запасы бертолетовой соли, чем сами что-нибудь изобретают! Ведь никакие ресурсы не бесконечны, а, значит, чем больше их вбухают в твои шахты, тем меньше останется на иное, в том числе и исследования. Так что все ты делаешь правильно, но недостаточно. Англичане перед войной за испанское наследство смогут улучшить свою корабельную артиллерию. А про французов ты подумал? Им ведь тоже надо что-нибудь подкинуть, чтобы они смогли успешно противостоять объединенным силам Англии, Голландии и Австрии. А то как бы они не проиграли эту войну еще быстрее, чем в нашей истории. Думаешь, хватит одних дирижаблей?

— Разумеется, нет, хотя надеюсь, что они заставят-таки поволноваться Вильгельма. Но, кроме них, можно слить французам и пулемет.

— Этот твой кошмар с барабаном, пружиной от будильника и кучей бронзовых шестеренок? — ужаснулся Илья.

— Зря ты про него так, при хорошем уходе это вполне приличное оружие, даже на дымном порохе. Особенно если ветер дует поперек. Первые применения, я думаю, могут оказаться очень удачными, против сомкнутого-то строя. Ну и потом, насколько я помню, Франции под конец войны элементарно не хватало денег. А зачем тогда я, по-твоему, уже

дважды приглашал на ужин сэра Мозеса Ротшильда? Пусть для начала придумает, как незаметнее организовать ссуды Людовику Четырнадцатому.

— Так вот зачем он тебе понадобился, а я все в толк не мог взять, в чем тут дело, при твоей-то горячей любви к финансистам.

— Не только, — поделился я с императором своими стратегическими планами. — Ведь если рассматривать мировую финансовую систему как искусственный интеллект, то какое оружие против него будет наиболее эффективным? Вирус! То есть объект, который, внедрившись в систему, работает не в ее интересах, а в своих собственных, при этом постоянно расширяя сферу деятельности за счет ресурсов этой системы. Вот я пытаюсь, так сказать, начать выведение этого вируса из подручного материала.

В середине мая произошло эпохальное событие. В большом сарае, расположенном на берегу мелкой и пока безымянной речушки, впадающей в Ярру километрах в двенадцати выше Ильинска, заработал токарный станок. Казалось бы, чего тут такого? У нас их и так три довольно больших и два маленьких универсальных. Все правильно, но этот был изготовлен уже здесь. Весь, начиная от чугунной станины и кончая приводом от водяного колеса на той самой речке, которую мы вскоре назовем Эфиопкой. Он был заметно крупнее захваченных из двадцать первого века и предназначался в основном для обточки оружейных стволов. Скоро появятся и другие, ведь самое трудное — это сделать первый. И, значит, с этого момента можно будет считать, что великая и могучая Австралийская империя реально существует.

Действительно, любое небольшое поселение, опирающееся только на собственное производство, обречено на деградацию. Успешно развиваться оно может только в том случае, если производит или добывает то, что пользуется устойчивым спросом в мире, получая в обмен все разнообразие необходимых ей вещей. До сих пор мы выезжали на добываемом золоте, алмазах с Берега Скелетов и захваченных из будущего рубинов с сапфирами. Но, во-первых, при хоть сколько-нибудь заметных объемах продажи цена на все это начнет падать. И, главное, когда-нибудь у кого-нибудь не в меру умного обязательно возникнет идея. Мол, есть за морем сказочная страна, богатая золотом, алмазами и еще много чем. Так, может, бороться с силами и ее...слегка того... завоевать?

Поэтому вскоре структура нашего экспорта должна будет радикально измениться. Ведь, кроме золота и драгоценностей, есть и еще одна вещь, которая ценится во все времена и в любой стране. Причем, что парадоксально, от увеличения предложения цена только растет! Если, конечно, предлагается то, что нужно в данный момент.

Я думаю, все уже догадались, что речь идет об оружии.

И первый изготовленный нами станок означал, что теперь этот процесс может идти по нарастающей. От руководства же требовалось обеспечить такие условия именно для данной отрасли, чтобы австралийское оружие стало вне конкуренции и оставалось таковым как можно дольше. Тогда можно будет не бояться, что кому-то придет в голову мысль о захвате. И не только потому, что война со страной оружейников — это вовсе не легкая прогулка с целью грабежа золотых и алмазных копеек. Против агрессора мгновенно ополчатся все его конкуренты, забыв распри между собой, только чтобы не дать ему стать монопольным владельцем нашего производства. Потому как мы будем торговать со всем миром.

В сарае пока стоял всего один станок, но валы отбора мощности были проложены сразу для двух рядов. Скоро вокруг возникнет город, который мы уже решили назвать Зеленоградом. Это будет главный промышленный центр Австралии, пока состоящий из уже описанного сарая и двух барачков, где жили строители. Но скоро появятся первые дома, потом литейный цех, ну и так далее. А заметная часть населения нового города уже в пути и скоро прибудет на место.

В начале июня население Австралии увеличилось еще почти на триста человек, которых привез фрегат "Ястреб". Сто пятьдесят лучших кузнецов и оружейников Эфиопии, причем большинство с семьями, были торжественно встречены и отправлены в Зеленоград, где для них уже имелись не только бараки-общежития, но и наскоро построенная церковь.

Да, никто из них не имел дел с подобным производством, но если есть опыт работы с металлом и руки растут откуда надо, научиться можно быстро. Тем более что большинство прибывших были довольно молоды, предпочтение отдавалось не достигшим тридцатилетнего возраста.

А в далекой России тоже шла работа, и первые пятьдесят человек, которые, по мнению наших специалистов, обладали приличным потенциалом, уже дали согласие на переселение в Австралию. Так что теперь руководству компании предстояло договориться с Ицхаком Хамоном о доставке людей в Танжер, откуда их заберут голландцы, уже плававшие в Ильинск и готовые повторять столь выгодные рейсы столько раз, сколько потребуется и, главное, будет оплачено.

Однако и наш давний партнер, почтенный Гонсало, тоже не был глух к нуждам растущей колонии. Собственно говоря, на Филиппинах уже почти не осталось приличных специалистов, согласных сменить место жительства и работы. Впрочем, много их там вообще никогда не было, Испанию не интересовало промышленное развитие этого архипелага. Но не так далеко находилась Индия, где ремесленники и раньше жили не очень богато, а в последнее время таки просто довольно бедно, ибо английские торговцы уже основательно преуспели в навязывании посреднических услуг. Так что почтенный купец в ближайшие полгода обещал привезти нам пробную партию человек в триста, ну, а дальше все будет зависеть от того, насколько высоко мы ее оценим. А ведь у Гонсало имелись связи не только в Индии, но и в Китае.

Похоже, наш Зеленоград будет на редкость интернациональным городом, думал я, проходя по его пока единственной улице, без особых затей названной Оружейным проспектом.

## Глава 25

Как-то раз я сразу после завтрака сел составлять один дипломатический документ. И уже через час вынужден был признать, что теперь вполне понимаю Надсона, однажды написавшего:

"Милый друг, я знаю, я глубоко знаю,  
Что бессилен стих мой, бледный и больной..."

Золотые слова! Я тоже маялся, чувствуя, что пишу как-то недостаточно убедительно, но лучше у меня не получалось. Как же там дальше? "От его бессилья часто я страдаю"...

Тьфу, да не у Надсона, вот ведь привязалось-то. Чего еще не хватает в моем документе, кроме уже написанного?

Значит, мы с его императорским величеством, движимые христианскими заповедями, выходящей за рамки обыденности любовью к ближнему и исходя состраданием...

Кажется, сюда надо сунуть что-нибудь про церковь, решил я, причем именно про ихнюю, католическую. Кто у них там сейчас в папах? Хотя нет, теперешний не годится. Вдруг обидится, что я приписал ему слова, которых он не говорил? А вот у предыдущего обидеться точно не получится. Правда, он был какой-то бесцветный, а вот нынешний, Иннокентий Двенадцатый, с момента избрания проявляет недюжинную активность, борется с nepотизмом (узнать бы еще, что это такое), а идет ему сейчас восемьдесят пятый год от роду, причем в следующем году он помрет, так что вряд сейчас чувствует себя так уж замечательно. Восемьдесят пять лет — это совсем не сахар, по себе могу сказать. Итак, на что нам мог открыть глаза этот папа, к чему призывать? Ну, наверняка он не мог обойти молчанием вопрос бескорыстия. Потому как к нему призывают не только им обладающие, но и личности прямо противоположного плана, причем эти даже более активно. Значит, мы, приняв близко к нашим горящим христианским рвением сердцам призывы папы Кеши о бескорыстии, просто не можем не предложить...

Суть же моего документа была примитивна, как мычание. Испанский король Карлос Второй помрет в конце тысяча семисотого года, и вскоре начнется война за испанское

наследство. С нашей точки зрения, немножко рановато, мы не успеем вывести оружейную промышленность на достаточную производительность, а ведь данная война может стать прекрасным рекламно-испытательным полигоном. Значит, было бы очень к месту, проживи король еще годик-другой.

Причем он помирал, так сказать, в два приема. Сначала совсем уже было собрался на тот свет в начале года, но потом как-то оклемался и дотянул до ноября. И, значит, я хотел предложить ему помощь австралийской медицины. В данной ситуации любой результат моего предложения пойдет на пользу Австралии.

Итак, первый вариант — нам отвечают отказом. Но ведь не анонимным же, и, значит, всегда можно будет обвинить его автора в том, что эта сволочь всеми силами приближала кончину своего короля. Мало ли, вдруг пригодится.

Предположим, нашу помощь приняли, однако мы не смогли сделать ничего. Но вокруг-то все будут считать, что король уже стоял одной ногой могиле, а тут вдруг пошел на поправку! Ну, а что улучшение было недолгим — увы. Против божьей воли бессильны даже австралийцы.

Наконец, мы ведь вполне можем и реально помочь королю. Потому как лечили его такими методами, от которых и иной здоровый запросто отбросит копыта. Тогда все замечательно, Карлос Второй живет еще некоторое время, а когда у нас все будет готово, мы снова сдадим пациента придворным медикам, и те, надо думать, быстренько сведут его в могилу.

Писался же документ потому, что следующий наш визит в Европу планировался этой осенью.

Мы постоянно выбирали такое время года, потому что во время него ветры в Индийском океане могут дуть в любую сторону, а вот весной и в начале лета они практически всегда западные, и путь назад в этом случае оказывается быстрее.

Правда, достроить к визиту броненосец мы явно не успевали, но зато с голландских верфей пришло сообщение, что строительство первого из заказанных нами чайных клиперов близится к завершению, и теперь надо было думать, под каким соусом склонить голландцев к плаванию на нем.

Ибо тут имелаась немалая трудность. Все корабли нашего производства имели парусное вооружение шхун, наиболее простое в обслуживании. С помощью англичан и испанцев наши моряки со временем освоили обращение с прямыми парусами фрегата "Ястреб". Но с теми, что будут стоять на чайных клиперах, не умел обращаться никто! У меня нашлись только полторы страницы общих слов о том, как это делается, и все. Так что, подумав, я написал голландцам чистую правду. Она заключалась в том, что последние корабли такого типа строились в Австралии очень давно, еще до второй эпохи изоляционизма. А потом надобность в них не возникала, ибо подобные суда плохо приспособлены для плавания во льдах, а ничего другого от флота тогда не требовалось. Все это привело к тому, что чертежи кораблей сохранились, а вот тонкости обращения с их парусами — увы. Есть только инструкция общего плана, которую мы прилагаем к данному письму. И предлагаем голландцам освоить тонкости обращения с парусным вооружением клипера на нашем экземпляре. С тем, чтобы, когда дело дойдет до других кораблей этого класса, к ним уже имелись подготовленные экипажи.

Господину Стефану Кантакузину хватило пяти месяцев, чтобы смотаться в Стамбул, в чем-то убедить великого визиря и вернуться в Лондон с предложением провести рабочую встречу на уровне первых министров по подготовке будущего договора. В качестве точки randevu предлагался остров Андикитира, расположенный как раз между Критским и Средиземным морями.

Я сверился с картами. Небольшой островок, в двадцать первом веке постоянного населения там было с гульки хрен, а сейчас, наверное, еще меньше. От разведки с воздуха там ничего не скроешь, большая его часть прекрасно простреливается с моря. Турция вроде считала этот клочок земли своим, но как-то не очень уверенно, ибо не удосужилась посадить



на нем хоть какое-то подобие гарнизона. В общем, место встречи нас устраивало, о чем и была отбита радиограмма в Лондон.

Вот так помаленьку начиналась подготовка к третьему вояжу в Европу. На сей раз туда поплывут три корабля — "Чайка", "Кадиллак" и только что сошедший со стапелей их ближайший родственник "Ниссан". Внешне он был точной копией "Кадиллака" и имел точно такие же машины, но два из четырех котлов могли топиться углем, а не нефтью. Или даже дровами, если с углем возникнут трудности. Кроме того, он отличался артиллерийским вооружением.

Броненосцу до спуска на воду оставалось не меньше полугода, да и потом он будет достраиваться как минимум столько же, если не больше. А две из четырех предназначенных для него стомиллиметровых пушек были уже готовы, так что мы с Ильей приняли решение установить их на "Ниссан". Правда, пришлось усилить палубу на носу и корме, потому как отдача новых орудий была куда сильнее, чем у пятидесятимиллиметровок. Их на "Ниссане" ставилось четыре штуки, по две с каждого борта. Кроме того, корабль будет нести две пусковых установки для ракет, а в трюме — шесть минометов, которые в случае необходимости можно быстро вытащить на палубу.

Внес свою лепту в подготовку экспедиции и старший сын Ильи Михаил, причем, если можно так выразиться, сделал это дистанционно. По самое дальше некуда насытившись административной деятельностью, он сразу после прибытия отца из экспедиции запросил у него нечто вроде отпуска. И вскоре на "Соболе" отправился по знакомому маршруту, в Южную Америку. Но уже не только за селитрой, но и как довесок к ней за личным составом Австралийского Иностранного легиона.

Как я уже упоминал, на самом краю Южной Америки сейчас происходил процесс завоевания Патагонии арауканами. Эти пришедшие с севера племена были чем-то вроде монголов времен соответствующего нашествия, только без Чингисхана. Впрочем, завоевание Патагонии прекрасно получалось и без него.

Так вот, Михаил уже не раз поставлял арауканам кремневые английские ружья в обмен на селитру, а патагонцев, которым не нравилось, что их завоевывают, вывозил в Австралию. У нас уже имелся приличных размеров рыболовецкий поселок Потогонка, и его обитатели, кроме рыбной ловли, еще и работали вахтовым методом на добыче золота.

Арауканы же были прирожденными воинами и поэтому сразу оценили барабанное ружье, которое Михаил подарил их вождю. Они вообще совершенно не брезговали заимствованием полезных вещей и идей, кому бы те ни принадлежали. И ничего не боялись, в отличие от ацтеков, которые впадали в панику, увидев лошадей Кортеса и услышав грохот выстрелов его мушкетов. Когда же испанцы вздумали было сунуться к арауканам, то быстро и качественно огребли по своим наглым конкистадорским рылам, а у араукан появились лошади и огнестрельное оружие.

Вождь оценил барабанку и спросил, что чужеземцы хотят за такие ружья. Михаил ответил — они настолько дороги, что селитры со всей Патагонии не хватит для покупки хотя бы одного. Но в мире есть вещь, продолжил он, которая ценится гораздо дороже селитры или столь любимого европейцами золота, и это — доблесть воина. Вождю пришлось по душе такие аргументы, а когда для закрепления успеха ему дали пострелять из новейшей барабанки, нарезной и снаряженной бездымным порохом, он созрел окончательно. В результате была достигнута договоренность, что сто пятьдесят лучших молодых воинов-араукан четыре года служат Австралийской империи в рядах ее Иностранного легиона — естественно, с барабанками в руках. А вождь получает сто пятьдесят гладкоствольных барабанных ружей с припасами. По истечении четырех лет legionеры возвращаются на родину, и их оружие остается с ними. Более того, за подвиги на полях сражений они могут быть премированы и нарезными ружьями. Наконец, за каждого погибшего воина вождь получает по ружью, причем, если гибель была героической, ружье будет нарезным.

И вот недавно Михаил радировал, что обмен совершен. Вождь получил полторы сотни барабанок, а столько же будущих legionеров дали клятву верности и погрузились на

"Соболь". Если не произойдет ничего непредвиденного, то они будут в Австралии месяца через два с половиной, максимум три, то есть как раз к отбытию нашей экспедиции. А дальше легионеры станут нести службу по охране наших владений на Силли и особенно в России, где ногайцы уже несколько раз пытались поживиться имуществом компании.

После того, как ажиотаж с заселением Зеленограда немного схлынул, я на несколько дней посетил Эсперансовку, поселок на острове Кенгуру, население которого в результате прибытия трех французских кораблей недавно возросло до пятисот человек. Я вез туда армейский взвод, состоящий в основном из мориори, пятерых учителей, из которых трое были испанцами, а двое — англичанами, гауптштурмпастьеря и старшего из протестантских священников, для которого эта командировка будет чем-то вроде экзамена на чин в Австралийской христианской церкви. Не то чтобы он так уж проникся именно ее трактовкой христианства, но вот полагающийся даже унтерштурмпастьерю оклад приводил его в священный трепет своей величиной.

Кроме всего прочего, эти двое будут заведовать и так называемой детской комнатой. Пожалуй, на данном вопросе следует остановиться подробнее.

При том, что Австралийская империя по определению будет многонациональной страной, мы с Ильей не собирались допускать в ней ничего наподобие чайна-таунов или мексиканских кварталов в Штатах. Или, упаси господь, арабских районов Франции, а также турецких — Германии. Нет уж, у нормального подданного империи может быть только одна национальность — австралиец. А вот происхождение — это дело другое, пусть далекие потомки гордятся, что их предки были какими-нибудь шотландцами или вовсе ассирийцами.

Во исполнение нашего плана несанкционированное обучение грамоте на любом иностранном языке совершенно не приветствовалось. Нет, не подумайте, не было никаких прямых запретов. Но, например, бумага и письменные принадлежности продавались лишь подданным империи, которыми могли стать только владеющие австралийским языком и умеющие как минимум написать свое имя с фамилией.

Правда, для кандидатов в подданные было послабление — они получали свой статус целыми семьями, если в них имелись говорящие по-австралийски дети. Ведь, скажем, сорокалетнему крестьянину, как правило, учить незнакомый язык уже поздно, он так и останется французом, даже зазубрив три-четыре десятка австралийских слов. Но вот его дети уже будут знать язык своей новой родины лучше французского, а внуки станут чистокровными австралийцами.

Кроме бумаги, предметом весьма ограниченной продажи были игрушки. Причем вовсе не потому, что их делалось мало — у нас работала уже хоть и небольшая, но настоящая игрушечная фабрика. Она производила кубики, кукол всех сортов, деревянных лошадок на колесиках, маленькие кораблики с парусами и даже паровыми турбинками, бумажные и шелковые воздушные шары, пистонные револьверы и всякие конструкторы для сборки чего душа пожелает. Но все это отправлялось в специальные детские комнаты, где чей угодно ребенок мог играть хоть самыми дорогими игрушками. Понятно, что в этих комнатах все общение шло по-австралийски, а их содержатели не только помогали ребятам разобраться с игрушками и между собой, но и рассказывали им о нашей империи, ее обычаях и славной истории.

По прибытии в Эсперансовку я первым делам выслушал доклад бургомистра. Пополнение в целом ему понравилось, кроме трех бессемейных лбов, которых он определил как явных смутьянов. Кроме того, среди прибывших гугенотов имелось два их священника, один из которых вызывал определенные подозрения — слишком уж фанатичен.

Обрадовав почтенного бургомистра тем, что теперь ему будет помогать поддерживать порядок армейский взвод, я поинтересовался, нет ли среди прибывших образованных людей, склонных к педагогической деятельности. Потом, правда, пришлось минут пять объяснять, что именно я имел в виду, пока почтенный бургомистр не врубился и пообещал доложить об этом завтра.

Что интересно, он действительно нашел двоих, которые еще на кораблях пытались

вести просветительную работу среди переселенцев. Оба в тот же день получили предложения, от которых не смогли отказаться, и вскоре покинули остров Кенгуру. Один стал стажером в Ильинском университете, а другой вообще преподавателем французской поэзии и танцев в школе имени Штирлица.

Кстати, с эфиопскими священниками уже была достигнута договоренность, что часть служб в зеленоградской церкви будет вестись на австралийском языке, и со временем эта часть должна существенно увеличиться.

Кроме перечисленных, у нас был еще один национальный анклав — небольшой, в сорок семь человек вместе с женщинами и детьми китайский коллектив, разводивший тутовник и одноименного шелкопряда на острове двумястами километрами юго-западнее Ильинска. На захваченных из будущего картах он именовался Кинг, то есть Королевский, но никаких королей в Австралийской империи не водилось с доисторических времен. Поэтому остров без особых раздумий был поименован Герцогским.

Герцогские китайцы тоже потихоньку учили австралийский, но тут имелся положительный момент, связанный с их письменностью. И если даже среди крестьян, но только английских и французских, иногда встречались индивидуумы, знавшие если не весь латинский алфавит, то хотя бы его большую часть, то ни один из китайцев этим похвастаться не мог. Все-таки иероглифы выучить куда сложнее букв, чем мы с Ильей были весьма и весьма довольны. Ведь шанс сохранить язык, не имея письменности, очень невелик даже в изолированном поселении, а городок Шанхайск на Герцогском острове таковым не являлся.

К моему возвращению с острова Кенгуру "Соболь" с легионерами-арауканами уже подошел к Австралии, ему оставалось максимум два дня пути. Значит, кладем три недели на тренировки этого войска в обращении с барабанками, а заодно и посмотрим, на что оно окажется похожим при ближайшем рассмотрении. Потом еще неделю на сборы, и в путь. Нас ждет теперь уже не только Европа, но и в какой-то мере Азия, ведь Турцию вполне можно считать наполовину азиатской страной. Возможно, придется завернуть и к дельте Нила, глянуть на место будущего канала, но тут особой новизны не предвидится, ибо в Африке мы бывали, и не один раз.

## Глава 26

И снова, как два года назад, острый форштевень чуть накренившейся на левый борт "Чайки" резал сине-зеленые воды Индийского океана. Как и тогда, следом за ней шел "Кадиллак" под командой Николая Баринова. А вот дальше начинались отличия.

Теперь нашу колонну замыкал еще один корабль, "Ниссан", которым командовал бывший старпом с "Кадиллака" Толя Канава, восемь лет назад начавший свою морскую карьеру матросом на "Победе". И, как в первой экспедиции на Филиппины, его сопровождал отец, Кикиури Канава.

Тогда он вышел в море младшим матросом, а вернулся в Ильинск старшим животноводом. Сейчас он был первым замом министра животноводства. А учитывая, что министр, Виктор, основную часть своего времени тратил все-таки на обязанности пастыря, Кикиури можно было назвать главным в Австралии по зверью. И вот сейчас он буквально набился в экспедицию, чтобы не дать мне повторить ошибки, совершенные в прошлой.

Когда Кикиури узнал, что в Англии встречаются коровы, а мы не привезли ни одной, он был просто потрясен. Дело в том, что пока в нашей Австралии буренок не водилось, он их видел только в ноутбуке Виктора. Ну не было коров у испанцев, которые поставляли нам домашний скот, а во время пребывания в Англии я про них как-то не вспомнил. Не попадались они почему-то около Кенсингтонского дворца, хоть ты тресни.

В общем, Кикиури еще тогда заявил, что он не допустит повторения такого недоразумения. Ибо коза в качестве молочного животного все-таки не подарок, больно мелка, заявил он. А попытки доить стеллеровых коров пока далеки от успешного завершения.

Однако по мере приближения дня отплытия аппетиты Кикиури росли, как на дрожжах. Теперь он уже просто не понимал, почему Австралия до сих пор обходится без полезнейших животных, именуемых ишаками. И волов в ней нет, добавлял он, потрясая распечатками со снимками этих самых волов. И наши овцы не выдерживают никакого сравнения с английскими, уточнял первый зам министра.

Наконец, ему очень хотелось завезти в Австралию кроликов. Я попытался объяснить, что эти ушастые твари сожрут весь континент и не подавятся, но Кикиури возразил — мол, а острова у нас на что? Вот, например, Змеиный. Запустить туда кроликов и кошек, и через несколько лет там не останется ни одной змеи. Я сильно подозревал, что и ни одной травинки тоже, но все-таки дал согласие на завоз кроликов.

Перед самым же отбытием Кикиури заявил мне, что в список подлежащего завозу зверья надо включить и хомяков. На мой недоуменный вопрос — а эти-то нам на кой хрен сдались? — последовал ответ "для красоты". Я попытался отговориться тем, что в Европе, пожалуй, сейчас с хомяками туго, но Кикиури давно уже был не тем наивным аборигеном, что когда-то младшим матросом отправился на Филиппины. Он молча показал карту Османской империи с отмеченными на ней местами обитания сирийского хомяка, и мне оставалось надеяться только на то, что турки не успеют наловить этих тварюшек за время нашего пребывания в их водах.

Однако в нынешнем рейсе имелось и еще одно весьма существенное отличие от прошлого. Каюту, в которой жили сначала Свифт с Темплом, а потом Элли, сейчас занимали два сержанта из Иностранного легиона. Да, моя дражайшая третья жена осталась в Ильинске, причем по самой что ни на есть уважительной причине. Она ждала ребенка, и в таком положении пускаться в плавание было бы просто глупостью, что герцогиня прекрасно понимала. Так что она, слегка расстроившись от невозможности сопровождать меня и в этот раз, стала поначалу завуалировано намекать Зое, то есть второй жене, о том, что герцога нехорошо бросать одного на целый год. Первая же супруга, Таня, уже имела дочку Наташу и поэтому как кандидатура в экспедицию не рассматривалась.

Реакция Элли была в общем-то понятной. Даже если дорогой Алекс и не привезет из очередного вояжа еще одно прибавление семейства, что вовсе не факт, то наверняка найдутся желающие скрасить ему там ночь-другую. Нет уж, пусть этим занимается Зоя, а не черт знает какая европейская мерзавка.

Зоя пребывала в панике. Хоть Элли по номеру и была третьей, а по возрасту — младшей, она давно заняла главенствующее положение на женской половине нашего дома. Так что Зое было страшно послушаться главную жену, но еще страшнее плыть неведомо куда от родных берегов. Единственное в ее жизни морское путешествие с Чатема в Ильинск оставило самые ужасные воспоминания.

Видя такое дело, я решил вмешаться. И как-то раз, предварительно взяв с Элли слово ничего не говорить Зое с Таней, я по секрету сообщил ей, что кроме нее мне никто не нужен, а тесное общение с двумя другими супругами происходит исключительно в силу традиции, ну и для поддержания мира в семье.

Элли поверила. Может быть, оттого, что перед произнесением этой речи я почти полчаса тренировался, добиваясь должной дрожи в голосе и убедительности интонаций, но, скорее всего, просто потому, что ей очень хотелось поверить.

После разговора герцогиня даже маленько всплакнула, расчувствовавшись, но перестала терроризировать бедную Зою. Ну, а я теперь плыл один, и, честно скажу, специальных планов вот так при первой же возможности взять да и кинуться напропалую изменять своим женам у меня не было.

Правда, на "Ниссане" плыли две довольно симпатичных девушки, но Элли про них ничего не знала. И не потому, что я вынашивал в отношении этих дам какие-то похотливые планы и потому скрывал их существование от жены. Нет, просто недавно они закончили школу имени Штирлица и теперь направлялись в Европу, а точнее в Россию, для выполнения служебного задания. Старшую из них звали Светлана Барина.

Вообще-то две недели назад из Ильинска вышли не три, а пять кораблей. То есть кроме наших шхун в Европу двинулись английский "Винчестер" и французский "Ла Ферм", переоборудованные под дирижаблевозы. И, естественно, с разобранными воздушными лайнерами "Франция" и "Британия" на бортах. Но подлаживаться под этих тихоходов у меня не было ни малейшего желания, так что пусть ползут помаленьку, авось месяцев за семь и доберутся до островов Силли, где дирижабли будут собраны и испытаны. А может, и за полгода обернутся, если повезет. Мы же предполагали достичь Европы максимум за три месяца.

Правда, пока было еще не очень ясно, куда нам направиться в первую очередь. Письмо испанскому королю уже два месяца как было отправлено из нашего посольства через какие-то каналы Вильгельма, но ответа до сих пор не пришло. Кроме того, я составил еще одно послание, на сей раз папе. Римскому, а не какому-нибудь еще, если кто не понял. В том письме я повторял все то же предложение малость подлечить Карлоса Второго, но аргументы применил несколько иные. Мол, помрет король, и тут же начнется война. А нашей стране она нафиг не нужна, мы только-только собрались развернуть торговлю, а тут придется отвлекаться на потопление впавших в раж вояк с обеих противоборствующих сторон. Нам такого не надо, заверял я его святейшество папу. Пусть лучше король проживет еще лет пять, а то и десять. Глядишь, за это время в Европе успеют договориться без войны, кому все-таки садиться на испанский трон. А то, дай-то бог, и у Карлоса за это время ребенок появится, что будет вовсе замечательно.

Разумеется, сам я в это ни на йоту не верил. И дело даже не в том, что сделать ребенка кому бы то ни было для Карлоса являлось непосильной задачей. Причина заключалась в его жене, Марии Пфальц-какой-то там. Я уже собрал сведения об этой даме, и особым разнообразием они не отличались. Во-первых, дура. Во-вторых, стерва. В третьих, высокомерна до безобразия, считает позором даже прикоснуться к человеку ниже себя по происхождению. И, как будто личных свойств королевы было мало, все это множилось на строжайшее соблюдение старого испанского правила, что посягнувший на королеву любым способом подлежит немедленной казни.

Ибо будь на ее месте нормальная женщина, имеющая в голове хоть что-нибудь, кроме спеси, она давно бы нашла замену своему благоверному и нарожала бы требуемое количество наследников. Однако Испании очень не повезло не только с королем, но и с королевой, так что теперь на этой стране можно ставить крест — последнее царствование окончательно и навсегда выбило ее из списков великих держав.

И, наконец, последнее из серьезных отличий от всех прошлых экспедиций заключалось в том, что на борту моего корабля сейчас не было Ваки. Правда, он не остался в Ильинске, а плыл с нами, но на "Ниссане". Самая мощная артиллерия эскадры находилась именно там, а нормально стрелять из наших новых стомиллиметровок на большие дистанции не получалось ни у кого, кроме Ваки. Даже у меня выходило несколько хуже.

Первой остановкой на нашем пути стал остров Амстердам, где мы произвели вроде бы не самое осмысленное действие — спустили на берег пятнадцать человек, а потом подняли на борт ровно столько же. Правда, уже других. Полтора десятка островитян получили предложение поучаствовать в нашей экспедиции, после чего им автоматом будет предоставлено подданство, а столько же испанцев из первой партии строителей, имеющих его уже года три, польстились на высокую оплату, которая была обещана выездной бригаде. Им предстояло строить тут маяк, угольные склады и готовить место для цистерн с горючим, а вообще все это было типичной иллюстрацией нашей политики в отношении переселенцев.

Итак, люди прибыли к нам и были поселены на острове. Что-то вроде карантина, но он нес в себе еще одну дополнительную функцию. Выявлялись наиболее социально активные, а особенно те, кто хоть как-то проявил какие-то лидерские качества. Этим людям предоставлялась возможность совершить карьерный скачок, а их место занимали другие. Во-первых, уже имеющие гражданство империи, во-вторых, обязательно иной национальности, и, как правило, холостые. Так как с точки зрения свежих иммигрантов они являлись очень

завидными женихами, в таком качестве им оставалось ходить недолго. А межнациональные браки хоть и неофициально, но поощрялись. Например, ценными подарками от администрации колоний.

Полтора же десятка пополнения с Амстердама, принятые в экспедицию младшими матросами, проплавают год, а потом те из них, кто захочет осесть на берегу, получают такую возможность. Скорее всего, на Герцогском острове, но, возможно, наиболее способные удостоятся приглашения в Зеленоград.

Стоянка у острова Амстердам продолжалась двое суток, и пятого сентября "Чайка", "Кадиллак" и "Ниссан" продолжили свой путь на запад. Правда, погода уже не так благоприятствовала плаванию, как в первой половине пути, которую мы преодолели за три недели. Сейчас же только до долготы Мадагаскара эскадра добиралась месяц, после чего ветер сменился на встречный, и последнюю тысячу километров до Капстада эскадра лавировала зигзагом десять дней подряд, ибо тратить топливо в самом начале пути мы не хотели.

В будущем Кейптауне, который с моей подачи так уже называли некоторые английские моряки, нам встретилось голландское судно, везущее в Ильинск переселенцев из Донецка. Чтобы поближе познакомиться с ними, я объявил, что в Капстаде эскадра простоят два дня.

Честно говоря, поначалу я чуть не разочаровался. Ну как-то подсознательно ожидалось от людей, в какой-то мере являющихся моими соотечественниками, соответствия некоему образу. Что-то вроде "богатырь ты будешь с виду и казак душой".

Так вот, богатырей среди иммигрантов не было, это бросалось в глаза сразу. В основном мужики средних лет, все тощие, какие-то кривые и изможденные. Всего три семейных пары. Одна большая — родители уже в возрасте и восемь детей обоего пола возрастом от трех до пятнадцати лет. Этих я сразу взял на заметку, ибо при всей внешней непрезентабельности родителей они явно были людьми не совсем обычными. Потому как добиться, чтобы у них выжили практически все дети, в те времена было очень непросто. А у привлечшей мое внимание пары получилось, ведь даже если женщина беременела без перерыва, у них просто не могло умереть более двух детей. Или трех, это в самом крайнем случае.

Я поинтересовался у капитана-голландца, может ли он что-нибудь сказать про заинтересовавшую меня семью. Оказалось, что тот уже обратил внимание, что ее глава пользуется определенным авторитетом среди переселенцев, так что я, чуть подумав, пригласил мужика пообедать со мной на борту "Чайки". Пришлось даже сказать семье приглашенного, что их мужу и отцу ничего не угрожает, а то больно уж испуганными стали глаза у матери этого обширного семейства.

Моего гостя звали Кузьма по прозвищу Обьедков. Первым делом я предложил ему вымыть руки, так вот, само предложение его ничуть не удивило, он даже одобрительно хмыкнул. Правда, кран с раковиной все-таки вверх его в кратковременный ступор, но он быстро понял, как всем этим пользоваться.

— Правильная вещь, — заметил он, вытирая руки вафельным полотенцем, — потому как все болезни посылаются Господом за грехи наши.

Я уже совсем собрался заскучать, но гость уточнил свою позицию:

— Ведь Бог создал человека из глины, но чистым! Как духовно, так и телесно. А тот взял да и перемазался, аки свин, а после этого и заповедь про яблоко забыл. Вот Господь тогда и осерчал, и всякий раз, как человек вязнет в духовных или телесных нечистотах, шлет ему болезнь. У вас на корабле, ваша светлость, это хорошо понимают, оно видно. На том, что нас везет, вы уж извините, похуже будет.

Это ты еще настоящей грязи не видел, подумал было я, но потом сообразил, что у чего-чего, а этого Кузьма наверняка видал как бы не больше меня. Но, однако, интересные же у него воззрения...

— Сам до такого додумался или научил кто?

— Да куда ж мне слабым-то своим умишком, поп у нас в Немахаевке надоумил. Святой

человек, совсем молоденьким диаконом он в нашем селе пятнадцать лет назад объявился и с тех пор мужиков уму-разуму учит.

— А барин к этому как относится?

— Так он у нас был-то всего три раза, а так живет в Воронеже. Но всегда очень ласково с отцом Василием разговаривал и управляющему наказывал его не обижать. Барин у нас тоже человечный, я ведь знаю, какие звери иной раз бывают.

— Фамилия?

— Что, ваша светлость?..

— Тьфу! Зовут-то как вашего человеческого барина?

— Мефодием Сухоносковым его кличут, а как по батюшке, вы уж извиняйте, не знаю.

В процессе обеденной беседы выяснилось, что жил Кузьма не так уж плохо до прошлого года, когда появились в деревне солдаты да забрали чуть не треть мужиков на воронежские верфи, про которые уже шла дурная слава.

— Не чаял я тогда жену и детей-то снова увидеть, — признался Кузьма.

Однако в Воронеже вдруг объявился царский курьер с указом отправить сотню плотников вообще незнамо куда, в ногайские степи, где они будут строить новый город Донецк. Отобранные к отправке туда мужики приуныли, трое даже ушли в бега, потому как если под Воронежем, где спокон веку русские люди жили, такое творится, то что же в том Донецке будет.

Однако там вдруг все оказалось не так плохо, как ожидалось. Новоприбывшим сразу велели строить жилье для себя, причем не землянки, а самые настоящие дома, только какие-то длинные, на три десятка человек сразу. Дали на это десять дней, выделили лес и справный инструмент. Ну, а потом началась работа по возведению города.

— Мы там, конечно, топорами-то махали от темна до темна шесть дней подряд, но каждое воскресенье — свободный день, делай что хочешь. Очень мужикам были удивительны такие порядки, тем более что кормили там... из таких железных бочек с трубой и колесами...

Далее мой собеседник даже отодвинул пластиковую тарелку с тунцом, чтобы не мешала описывать гастрономические достижения Донецка.

— Рыба — каждый день! — вещал Кузьма, — хлеб прямо в городе пекли, причем из муки-то какой хорошей. По воскресеньям — мясо обязательно, а иногда и в четверг перепадало. Два раза жидок какой-то по реке привозил яблоки вроде наших, только сильно сладкие, и еще какие-то заморские. Рыжие, у них шкура толстая и вкусная, да и дольки внутри тоже ничего, особенно для тех, кто помоложе.

— А как там относились к австралийцам — ну, чужеземцам, которые командовали?

— Ох, ваша светлость, — вздохнул Кузьма, — ну как к ним, вы уж меня простите, можно относиться? Боялись их, слов нет. Особенно этого, главного на стройке. Маленький, темнолицый, кажется, соплей его перешибешь, а как глянет недобро, так и мороз по коже. Вторая-то плотницкая артель причал ладила, и что-то ему там не понравилось. Велел переделать, сроку дал два дня вместе с воскресеньем. Ну, а мужики-то привыкли, что в воскресенье работ не бывает, решили, что и потом поправить успеют. И не успели, там работы даже и не на два дня было. Посмотрел этот маленький, свистнул как-то по-особенному, и сразу солдаты прибежали во главе с унтером. Артель построили, каждого второго вывели из строя и угнали куда-то, больше их никто и не видел. А оставшихся отправили в глиняный карьер, где работа такая, что за полгода, говорят, у людей все здоровье уходило.

Я пометил в блокноте — на ближайшем сеансе связи узнать, куда дели половину артели и что стало с теми, кого законопатили в глиняный карьер, где работа действительно ничуть не напоминала сахар. А Кузьма продолжал:

— А потом нашей артели велели построить мост через речку Каменку и сказали, что если успеем быстрее назначенного, то дадут какую-то премию. И артельному вручили бумагу, где это мост был нарисован, как его строить. Посмотрели с ним — батюшки, какое

там до срока, его и в срок не построить, хоть костями над ним ляг! Но припомнил я, как мы пятью годами ранее мост через Ворону-реку ладили, а она ведь была пошире и поглубже Каменки. И решили мы с артельным сделать этот мост попроще, тогда точно успеем.

Видно было, что от воспоминаний Кузьма даже разволновался, и я предложил ему небольшую стопочку водки. Выпив, крикнув и закусив сухарем, он продолжил:

— Сделали мы мост на день раньше срока. Пришел ваш главный, весь его облазил, потом пальчиком меня поманил и велел встать под мостом у правого берега, где воды по колено. Встал я — а куда денешься? Он же по этому мосту прогнал подряд четыре пароконных телеги, углем груженных доверху, да не шагом, а вскачь.

— Как я понимаю, мост выдержал, — предположил я.

— Так ведь на совесть делали! А этот главный мне при всех руку пожал и дал монету, да не медную али серебряную, а золотую, и на ней какая-то зубастая образина начеканена.

Я не стал говорить Кузьме, что это наш император, чай скоро и сам догадается. А рассказчик продолжил:

— И спросил он, что еще для меня может сделать. А я набрался смелости и попросил разменять эту денгу на медь, да отправить моей семье, а то как бы не помер кто без кормильца-то. Кивнул ваш главный, а потом такое началось, что я глазам своим не верил. Подозвал он унтера. Стал ему что-то говорить, и тот отвечал вроде почтительно, но, видимо, не как следует. Отправился тогда главный к офицеру, что солдатами командовал. Так тот вскоре из дома своего выскочил весь красный, на унтера заорал и начал его бить по морде, а потом с десятком солдат отправил на ладье по реке. И через месяц с неделей всю семью мою привезли в Донецк, а жена говорила, что в дороге обращались с ними как с господами.

— Интересная история, — хмыкнул я, — ну, а теперь-то чем собираешься заняться?

— Могу по плотницкой части, но говорили мне, что у вас тут землю дают...

— А как же. Получишь подданство — и бери сколько сможешь обработать, еще и инструментом ссудим, потом своей продукцией расплатишься. И дети, поди, помогать будут, трое-то у тебя уже почти взрослые.

— Ох, — вздохнул Кузьма, — старшему-то, Даниле, блажь в голову вдарила. Понасмотрелся он тут на корабли и теперь говорит — хочу по морю плавать, и баста.

— Ну почему же блажь? Очень даже разумное желание. Пойдем на палубу, я тебе кое-что покажу.

Метрах в семидесяти от нас стоял "Кадиллак".

— Корабль видишь? А вон, ближе к корме, здоровенный мужик в шляпе с пером, это его капитан. Восемь лет назад он поступил матросом на мой корабль, а было ему тогда, как и твоему Даниле, пятнадцать лет от роду. Правда, твой парень моря еще толком не видел, так что могу взять его только юнгой, но зато сюда, на "Чайку".

## Глава 27

В середине октября, то есть через день после выхода нашей эскадры из Кейптауна, произошла еще одна встреча, для чего мы зашли в бухту, которая на одной из захваченных из будущего карт носила имя святой Елены, а на двух других обошлась вовсе без названия. Это было последнее удобное место для стоянки перед Берегом Скелетов, и, что немаловажно, в данный момент почти безлюдное. Почти — это потому, что сейчас там все же пребывало шестнадцать человек, то есть экипаж австралийской шхуны "Крот". И, понятное дело, сама она там тоже стояла, готовясь к переходу до острова Амстердам, а потом и в Австралию. Заходить же в Кейптаун ей было вовсе ни к чему, потому как мы не собирались показывать голландцам, что занимаемся какими-то подводными работами у них под носом. В конце концов, если им тоже понадобятся алмазы, пусть покупают у нас, мы не заламываем цены выше облаков.

"Крот" представлял собой очередной клон "Победы", специально сделанный для экспедиций за алмазами к южноафриканским берегам. Он был оснащен паровой машиной



сил где-то на сто двадцать и, кроме того, съемным подвесным мотором "Ямаха" о шестидесяти кобылах, который можно было быстро установить. Ибо я очень давно, еще в двадцатом веке, читал, что этот берег получил свое название из-за того, что в силу особенностей местных ветров и течений неосторожно приблизившийся к нему корабль запросто может туда выкинуть, после чего наступит очень большая неприятность из шести букв, причем полная. И наши предыдущие экспедиции подтвердили, что чисто парусным судам тут делать нечего. Более того, не всякий мотор мог оттащить корабль от берега при внезапно налетевшем шквале, тут требовалась достаточно высокая удельная мощность.

Мы передали экипажу "Крота" специально захваченные для них моченые яблоки и квашеную капусту, после чего я полюбовался на добычу за этот сезон. Она была довольно приличной, а один камень и вовсе оказался уникальным. При весе в тридцать два грамма он, похоже, был лишен внутренних дефектов, то есть при огранке его не придется раскалывать на куски.

А затем мы под свежим юго-западным ветром двинулись на северо-запад, потихоньку удаляясь от африканского берега. И по мере приближения к экватору из нашего лондонского посольства один за другим начали приходить ответы на предложение малость подлечить испанского короля.

Первый, подписанный духовником короля преподобным Диасом Рокаберти, содержал категорический отказ. Ну и хрен с вами, пожал было плечами я, но через три дня в посольство был доставлен еще один ответ, с которым оно немедленно познакомил меня. Этот был подписан главой правительства графом Оропеса и содержал категорическое согласие вкупе с выражениями благодарности за своевременное предложение. Пока я пытался разобраться, кто же все-таки главнее, королевский духовник или премьер-министр, пришло третье послание. Его отправителем был кардинал Луис де Портокарреро. Само же письмо содержало три страницы пустопорожней болтовни — вроде кардинал и не против, но хотел бы получить дополнительные гарантии того, что мы не будем прибегать к помощи врага рода человеческого, каковые может дать только его святейшество папа. Кое-как продравшись сквозь витиеватые фразы данного послания, я пришел к выводу — нас посылают в Рим за справкой о том, что мы не состояли в сношениях с дьяволом. Вообще-то подобная бумага у меня уже была, но от вселенского патриарха, то есть в данном случае она не годилась.

Так что, повздыхав о засилье бюрократии, я сел думать, когда нам завернуть в Рим, до встречи с турецким визирем или после, но тут мальтийский корабль доставил в Лондон ответ от папы. В нем его святейшество приглашал герцога Алекса де Ленпроспекто на аудиенцию. Именно так, приглашал, а не соизволил согласиться с нижайшими просьбами о приеме. И чего ему от нас понадобилось, хотелось бы знать? Но вопрос с очередностью визитов был решен в пользу Рима.

Однако до столицы Папской области нам предстояло пройти еще почти десять тысяч километров, которые не обошлись без приключений. Я как раз перебирал свой ящик с ювелиркой, прикидывая, что и в какой последовательности преподносить его святейшеству, когда в мою каюту заглянул юнга Данила и сообщил, что вперёдсмотрящий видит паруса.

Всю последнюю неделю ветер дул строго с запада и имел скорость порядка восьми метров в секунду, так что мы шли довольно резво. Где-то минут через десять паруса стало возможно разглядеть и с палубы, и я приник к двенадцатикратному биноклю. Так, впереди трехмачтовик, по первому впечатлению галеон, а за ним — явная бригантина. Идут они на юг, их курс проходит где-то километрах в пяти западнее нашего. Флагов пока не рассмотреть, с такого расстояния толком даже не видно, есть ли они вообще. Опа, а что это там у них стряслось?

Оба корабля начали поворот налево и вскоре на всех парусах и при попутном ветре устремились на восток, к берегу Африки, до которого было километров сто двадцать. Чего это им там вдруг так срочно понадобилось?

Вскоре до меня дошло, что вообще-то черный континент этим встречным совершенно

не нужен, но свидание с нами их тоже несколько не привлекает. И поворот начался тогда, когда там поняли, что именно за корабли идут им навстречу. Правда, теперь им приходилось держать курс, пересекающийся с нашим, но они явно успевали проскочить километрах в пяти перед нами. Разумеется, продолжай мы идти прежним курсом и с прежней скоростью.

Если бы встречные корабли не пытались столь явно уклониться от встречи с нашей эскадрой, то так и случилось бы, но тут меня разобрало любопытство. С какого перепуга эти калоши ведут себя подобно бабкам-торговкам у метро, узревшим милицейского сержанта? И я, спустившись в радиорубку, передал приказ по эскадре.

"Чайка" и "Кадиллак" чуть убавили парусов, пропуская вперед "Ниссан", на палубе которого уже сустились артиллеристы, расчехляя стомиллиметровые пушки. Вот он чуть повернул на запад, открывая сектор стрельбы для кормового орудия, и бабахнул с двух стволов. Пока снаряды летели до цели, было время посмотреть на палубу "Ниссана". Так и есть, у носовой пушки задержка.

Орудия "Ниссана" имели уже нормальный клиновой затвор, но предельно примитивный. Его подвижная часть представляла собой стальной параллелепипед размерами примерно с кирпич с дырой одиннадцатисантиметрового диаметра у правого края. Этот затвор мог перемещаться в пазу казенной части орудия. Крайнее левое положение — дыра находится по оси ствола, можно пихать туда снаряд или извлекать стреляную гильзу. Крайнее правое — дыра снаружи, ствол заперт сплошной частью затвора, можно стрелять.

Так вот, у наших новых пушек периодически возникали проблемы с выбросом стреляной гильзы, причем чаще всего на холодном стволе. Гильзу закусывало, и экстрактор просто гнул ее рант, но не мог вытолкнуть наружу. Выбивать ее спереди было не очень удобно, ибо длина ствола составляла три метра. Так что наши гильзы имели резьбу в углублении донца, внутри которого находился капсюль. И в случае задержки экстракции заряжающий быстро ввинчивал туда штырь с подвижным грузом, отводил груз вперед и со всей силы дергал его назад. Груз бил по отбойнику, замковый в этот момент снова рвал на себя рычаг экстрактора, и застрявшая гильза пробкой вылетала из казенника. Именно этот процесс сейчас и происходил на носу "Ниссана".

Переведя бинокль вперед, я пронаблюдал результаты двух наших выстрелов. Первый дал небольшой перелет и рванул метрах в трехстах правее галеона, но на втором выстреле Вака внес поправку и уложил снаряд точно по курсу, метрах в восьмидесяти перед форштевнем флагмана. Учитывая, что до цели было почти пять километров, я оценил результат как отличный. Ведь стреляли-то мы пока не на поражение, а с целью показать людям, что они выбрали какой-то неправильный курс.

После третьего снаряда, окатившего брызгами и осколками бак галеона, там все поняли и начали спускать паруса. И с некоторым, как мне показалось, опозданием подняли флаги, кои представляли собой красный георгиевский крест на белом фоне. По идее это означало корсаров на службе Англии, но, насколько я был в курсе, патенты на подобные вещи не выдавались уже года два. Причем на галеоне вроде поначалу пытались поднять какой-то другой флаг, но быстро одумались.

Мы легли в дрейф в полукилометре от галеона с бригантиной и отправили туда шлюпки, так что вскоре я приветствовал их капитанов на борту "Чайки". Причем практически сразу принял решение не приглашать гостей в свою каюту, больно уж долго потом придется ее проветривать. И встал с наветренной стороны от них.

Визитеры представились. Тот, что был постарше, пополнее и пооборванней, оказался капитаном галеона "Холи Тринити". Я сообразил, что в девичестве, еще будучи испанской, эта посудина называлась как-нибудь вроде "Сантиссима Тринидад". Второй гость, мелкий и тощий тип с некоторыми признаками франтоватости в одежде, командовал бригантиной "Дельфин". На вопрос, чего они позабыли в этих краях и почему рванули в сторону, увидев наши шхуны, капитан "Тринити" ответил с самым искренним выражением лица, которое только смог изобразить на своей пропитой роже. Мол, они были корсарами на Карибах, но теперь, в связи с окончанием войны, направляются к родным берегам.

— Вы тоже родились где-то за мысом Доброй Надежды? — поинтересовался я у франтоватого.

Тот с некоторым презрением глянул на своего столь коряво вравшего коллегу и, приосанясь, произнес краткую речь. Из нее следовало, что они действительно были джентльменами удачи, но, когда в Карибском море наступили тяжелые времена и пиратов, даже если они называли себя корсарами, начали просто вешать, причем все до того воюющие между собой стороны... в общем, мои собеседники решили сменить ареал обитания. И податься в Индийский океан, где, по слухам, в последнее время наблюдается некоторое оживление по причине увеличивающегося прямо на глазах товарооборота с Австралией. И они, значит, хотели предложить свои услуги этой могучей державе.

— Ну так мы и есть австралийцы, — пожал плечами я, — но вы почему-то не выразили не малейшего желания поближе познакомиться с нами.

В ответ тощий сказал, что нас с большого расстояния определить именно как австралийцев они не смогли, но ввиду явного численного превосходства идущих навстречу решили убраться с дороги, ибо корабли изношены, команды уставшие и пороха с ядрами совсем мало.

Судя по всему, этот франт, от которого, кстати, несло не только козлом, но и духами, малость привирал. Вряд ли они так сразу кинулись бы наниматься к нам на службу. Скорее потихоньку грабили бы возвращающиеся из Ильинска суда, потому как на идущих туда ничего интересного для них не было. Старательно уклоняясь от встреч с австралийскими кораблями, которые вооружены дальнобойными пушками. Но, раз уж этот Кристофер Даути, так звали капитана "Дельфина", завел речь про службу, я решил приступить к реализации одной своей давней затеи.

— Австралийской империи не нужны каперы, корсары и прочие, — пояснил я, — и единственное, что мы можем вам предложить — охрана португальских кораблей, следующих в Индию и обратно.

Однако этот пижон хоть и вонюч, но неглуп, подумалось мне. Ибо он не выражал ни согласия, ни отказа, а просто ждал продолжения.

— В случае же, если вам это по каким-либо причинам покажется неприемлемым, вы можете заниматься чем угодно. При этом, разумеется, никоим образом не задевая интересов Австралийской империи. То есть грабить нельзя не только наши корабли, но и все, везущие что-либо в Австралию или из нее. А никаких других в сороковых широтах Индийского океана сейчас не встречается. Однако есть и еще одна область приложения сил, где смелые и предприимчивые люди смогут очень неплохо заработать.

Дальше двум капитанам было поведено, что на свете существует такая неприятная вещь, как работорговля. Которую наша империя совершенно не одобряет, однако не может принимать силовых мер, потому как занимаются ей в основном подданные Вильгельма Третьего, в данный момент нашего союзника. Но если, скажем, какие-то честные и рыцарственные моряки, чьи горячие сердца обливаются кровью при одной мысли о том, что людей можно обращать в рабство, начнут по мере сил бескорыстно бороться с этим вселенским злом, то подобный образ действий не останется без щедрой награды.

На физиономии капитана "Тринити" начало проступать изумление, а "Дельфина" — интерес.

— Представим себе, что эти моряки повстречали корабль с рабами, — продолжил я развивать свою мысль. — Естественно, они возьмут его на бордаж, команде, кроме одного-двух самых молодых матросов, вспорют животы и покидают за борт, рабов устроят хоть самую малость поудобнее, взяв часть на свои корабли. И двинутся к Африке, то есть туда, куда вы вроде и собрались при виде нас. Там высадят бывших рабов, затопят привезший их корабль, затем чуть поближе к цивилизованным местам отпустят оставшихся от экипажа. И снова выйдут в открытое море, где совершенно случайно встретятся с австралийским кораблем и расскажут его капитану о случившемся. Потрясенный величием духа этих моряков, капитан выплатит по пять австралийских рублей за каждого возвращенного в

Африку живого негра и от ста рублей до трех тысяч за уничтожение судна, в зависимости от его размеров и качества. Правда, если по пути к свободе умрет больше трети невольников, австралийцы могут настолько огорчиться этим, что не заплатят вовсе ничего, а то и предпримут какие-нибудь репрессивные меры в отношении допустивших подобное безобразие.

— Как я понимаю, — осторожно предположил Даути, — этот случайно встреченный корабль будет находиться где-то неподалеку?

— Да, в пределах прямой видимости. И его капитан будет совершенно точно знать, что происходит в океане в радиусе восьмидесяти миль от него. Так как австралийцы вообще-то люди довольно общительные, он, увидев подозрительное судно, обязательно поделится сведениями о нем с благородными борцами против рабства. И, разумеется, проконтролирует, как именно они реализуют порывы своих возвышенных душ. С системой условных знаков, если у вас появится интерес, познакомиться нетрудно.

— Ы-ы... — начал было старший из слушателей, но младший наступил ему на ногу и заверил меня, что он весь воплощенное внимание и с нетерпением ждет продолжения. Оно, естественно, последовало.

— Если же вдруг случится, что борцам за светлые идеалы долгое время не будет попадаться рабовладельцев, капитан австралийского корабля сможет выделить им кое-какие суммы для поддержания морального духа. Наконец, любого моряка волнует вопрос о его будущем. Так вот, в случае успешной борьбы с работорговлей все, желающие выйти на покой, смогут без проблем сделать это в Австралии, где никто и никогда не станет задавать им неудобных вопросов о прошлом. Наоборот, они будут там уважаемыми и обеспеченными людьми.

— Очень, очень интересно, — покачал головой Даути, — но разрешите пару вопросов?

— Разумеется.

— Я уже говорил вам, что наши корабли сейчас находятся не в лучшем состоянии. И...

— От вас потребуется только как-то добраться до острова Амстердам, где уже будет ждать австралийский корабль. Кстати, пусть вас не смущают его малые размеры, при необходимости он сможет мгновенно утопить пару посудин наподобие ваших. Мне кажется, его капитан будет так любезен, что покажет, как это делается, во избежание недоразумений. Так вот, на этом острове вы сможете произвести ремонт, запастись припасами, отдохнуть, получить аванс и морально подготовиться к грядущим подвигам.

— Замечательно! — воспрянул духом благодарный слушатель. — И еще одно маленькое уточнение. Обязательно ли команде захваченного корабля вспарывать животы и отправлять на корм акулам? Ведь, судя по тому, что одного-двух надо оставить в живых, они должны потом рассказать, что случилось с их товарищами. Так вот, существуют и гораздо более зрелищные способы организации досрочного свидания с Господом.

— Это пожалуйста, тут я вам полностью доверяю, как специалистам. Ну как, будем считать, что мы договорились? Тогда давайте уточним, чем мы вам можем немного помочь в преддверии перехода до Амстердама. Только, я вас умоляю, не надо строить планов куда-нибудь улизнуть, не стоит оно того.

Тут, конечно, некоторые могут слегка удивиться — да неужели я такой идейный борец с рабством, что готов отправлять австралийские корабли надзирать за этими мерзавцами?

Да, последует гордый ответ, я такой. Потому как читал в детстве "Хижину дяди Тома". Правда, из-под палки и отчаянно зевая при этом, но все же. Однако теперь следовало смотреть вперед, в будущее, где менее чем через сто лет образуются Соединенные Штаты Америки. И основу их процветания до середины девятнадцатого века будет составлять рабский труд, промышленная революция произойдет на деньги от продажи хлопка. Так вот, пусть лучше ищут другие источники дохода, ибо при удаче моего начинания завоз рабов радикально сократится.

Ну, и негров опять же немного жалко, они тоже люди, хоть и ненужные Австралийской империи.

## Глава 28

Капитан Людвиг Ван Бателаан, которому, кажется, наконец-то скоро предстояло снова превратиться во Френсиса Линсея, со смешанным чувством удовлетворения и брезгливости наблюдал за разворачивающимся внизу действием. Там, в зажатой меж двух горных кряжей долине с небольшим озером посередине, происходило событие, подводившее итог полуторалетнему пребыванию на земле Тасмана экипажа брига "Доротея".

Впрочем, подобное не так часто бывает даже в Европе, усмехнулся про себя капитан. Вон как дикари-то вопят, иногда даже здесь слышно! А Том Гайд тоже хорош. Был боцманом на "Свордфише", мечтал получить дворянство, из за чего и согласился участвовать в этой авантюрной экспедиции. Может, он его и получит, очень даже может быть. Почему бы туземному царьку не стать английским дворянином? Ибо как раз сейчас верховные шаманы племен Большой реки и Тапу-ноки, так назывался на их языке здешний прыгучий полосатый хищник с необычайно мощными челюстями, которого Френсис считал хихервохером, надевали на голову бывшего боцмана корону.

То, что Гайд обладает большими способностями к языкам, Линсей знал давно. Но все же удивился, с какой скоростью тот выучил наречия двух местных племен, причем очень сильно отличающиеся друг от друга. Мало того, меньше чем за год он приобрел немалый авторитет в племени Большой Реки, а после смерти вождя занял его место. И, вооружив дикарей мушкетами, легко отразил нападение племени Тапу-ноки, после чего в ритуальном поединке победил их вождя и объявил себя его преемником. Затем, объединив силы, воины двух племен при немалой помощи экипажа "Доротеи" огнем и мечом прошли по центральной части острова, где вокруг озер обитали местные дикари. И всего через три месяца все прочие племена были или уничтожены, или приведены к покорности. Теперь под властью бывшего боцмана, а ныне короля Земли Тасмана по имени Велизарий Непобедимый, находилось около пяти тысяч человек. Имя придумал Линсей, у Гаида хватило фантазии только на Томаса Первого, что было неприемлемо по многим причинам.

Приложив ладонь к уху, Френсис прислушался к зычному реву свежееобразованного короля, произносящего тронную речь. Он говорил на языке Большой реки, который капитан тоже неплохо знал, с вкраплением немалого количества французских и испанских слов, уже знакомых дикарям. Правда, разобрать получалось не больше половины, но этого в общем-то хватало, потому как именно Френсис позавчера сочинил текст, и сейчас его во всю мощь луженой глотки озвучивал король.

Инструкции, полученные Линсеем от Вильгельма, требовали в первую очередь найти на острове английских каторжников и выяснить, могут ли они представлять реальную силу. В случае положительного ответа на этот вопрос следовало вооружить их и помочь захватить власть на острове, а в случае отрицательного вступал в действие резервный вариант. Приобрести влияние на местных дикарей и помочь им образовать свое государство.

Что же, теперь можно сказать, что поручение его величества выполнено. Бывшие пираты, ныне занимающиеся рубкой леса на северной оконечности острова, найдены. То, что абсолютно никакой серьезной силой они стать не могут, выяснилось быстро. Тем более что австралийцы уже начали эвакуацию данного поселения, и всего шесть человек удалось убедить остаться на Тасмании, чтобы со временем занять подобающе высокое положение среди знати нового королевства.

Немалую роль в этом решении сыграл тот факт, что у подножия Великой горы, как ее называли туземцы, было найдено золото, и в довольно приличных количествах. Так что теперь можно спокойно считать поручение короля Англии исполненным и начинать готовиться к отбытию на родину.

Кроме основной задачи, экспедиции удалось частично решить и одну из дополнительных. Перед отправлением господин Мосли познакомил Линсея со списком вопросов по Австралии, имеющих большую важность для Англии. И если удастся узнать по

ним хоть что-нибудь, король не оставит это без своего благосклонного внимания.

Едва ли не самый важный из вопросов был о способах быстрой связи на огромные расстояния. Сведения о дрессированных попугаях и дельфинах, хоть и выглядели вполне правдоподобными, все же объясняли не все известные факты. И вот теперь один из шести бывших пиратов пролил свет на данную проблему.

Оказывается, в метрополии добываются камни, которые австралийцы именуют снежными алмазами. Эти алмазы обладают удивительным свойством — при распиливании кристалла вдоль трансцендентной оси получившиеся половинки остаются связанными между собой! И если на одну из них оказать какое-либо воздействие, оно мгновенно передастся на другую независимо от расстояния. Правда, рассказчик своими глазами видел передачу воздействия только на расстояние меньше мили, но божился, что австралийский капитан говорил именно о неограниченности их связи.

Разумеется, полученные сведения были далеко не полными. Где именно добываются эти самые снежные алмазы? На что, черт подери, они вообще похожи и как их отличить от обычных, даже если когда-нибудь и удастся раздобыть такой камень? И, главное, где у него находится трансцендентная ось, только вдоль которой их и следует пилить, иначе никакого эффекта не будет?

Однако Мосли не раз повторял Френсису, что годятся любые, сколь угодно неполные крупинцы знаний. Ибо все равно следующим ищущим ответы уже будет проще.

И, значит, именно такие крупинцы ему и будут предоставлены по возвращении экспедиции Линсея в Англию.

Экспедиция имела время составить достаточно подробное впечатление о Тасмании, и капитан считал, что даже независимо от наличия австралийцев эта земля представляет определенный интерес для Англии. Наверняка найденное месторождение золота тут не единственное. Кроме того, артиллерист-шотландец утверждал, что в этих горах есть медь и свинец, а здешние эвкалиптовые леса могли предоставить отличный материал для кораблестроения. Ведь недаром австралийцы отправили пиратов рубить лес именно сюда.

В общем, если Англия соберется как-то закреплять свое присутствие в этом районе земного шара, остров будет очень удобным местом для базы. Просто, если бы не австралийцы, с аборигенами поступили бы немного иначе, вот и все. Ну, а теперь Англия будет, как полагал Линсей, поддерживать Тасманское королевство. Поначалу, разумеется, неофициально, а далее в зависимости от обстоятельств.

"Доротея" сейчас стояла в узком и глубоко вдающемся в остров заливе, названным Кольберовым в честь не так давно почившего министра финансов Франции. Ведь по судовым бумагам ни одного англичанина на борту прибывшего к берегам Тасмании брига не имелось.

Вход в Кольберов залив находился примерно посередине западного побережья. Он был узким, всего около тысячи футов шириной, но далее залив расширялся миль до трех, имея протяженность семнадцать миль с северо-запада на юго-восток. Что характерно, вход в залив было довольно трудно обнаружить с океана, он был виден только со вполне определенного ракурса. Впрочем, австралийцы наверняка про него знают, потому что однажды Линсею довелось увидеть пролетающий вдали воздушный корабль. Но в залив впадала одна крупная река и несколько сравнительно мелких, и в их устьях даже такой немаленький корабль, как "Доротея", получалось очень хорошо замаскировать от обнаружения сверху.

Коронация потихоньку шла к завершению. После нее будет двухдневный праздник, даже смотреть на который Френсис не испытывал ни малейшего желания, а уж тем более не собирался участвовать в нем. Пора собираться домой.

И без того не очень большой экипаж "Доротеи" теперь будет меньше еще на одиннадцать человек. Двое умерли — один от неизвестной болезни, похожей на болотную лихорадку, а второй после укуса полосатого зверя тапу-ноки. Вроде и покусали беднягу не очень сильно, но всего за три дня он буквально сгорел в лихорадке. После чего Линсей окончательно уверился, что тапу-ноки, которого моряки поначалу называли сумчатым тигром,

хотя по размерам он тянул разве что на собаку, на самом деле есть разновидность хихервохера. Опасного австралийского хищника, которого лучше не подпускать близко.

Сведения о животном мире Австралии и ее колоний тоже относились к числу тех, мимо которых не стоило проходить, так что вскоре господин Мосли сможет узнать и о хихервохере. Кроме того, можно было сделать предварительный вывод о размерах австралийских кошек — ведь герцог говорил, что они ростом примерно с это животное. Бывавший в Ильинске пират-лесоруб подтвердил, что у тамошнего главного вельможи есть кот выдающихся габаритов. Правда, поменьше полосатой твари, что напала на бедного Уильяма, но, может, он просто не выросший до конца котенок.

А от дикарей боцман слышал легенды, что когда-то давно тут водилось нечто, чрезвычайно похожее на ледяную птицу, только не такое огромное, всего в два человеческих роста высотой. Но хвала богам, сейчас подобных тварей на Тасмании нет.

В здешних лесах водился еще один хищный зверь, но этот был помельче, черного цвета и не нападал на людей, зато удивительно громко и противно орал по ночам. В общем, животный мир земли Тасмана особой опасности для человека не представлял, что было еще одним плюсом этого острова. Отчасти благодаря чему еще восемь человек из экипажа, не считая Тома Гайда, выразили желание остаться здесь до следующего английского корабля. Когда он появится, никто не знал, но все были уверены в неминуемости данного события.

Линсей не препятствовал, это прямо предусматривалось полученными им инструкциями. Пусть матросы помаленьку моют золото, желание вернуться на родину обеспеченными людьми вполне понятно и вызывает только одобрение. Теперь у короля Велизария Непобедимого появится дополнительная поддержка и опора, что будет отнюдь не лишним.

А у него, Френсиса, уже имелось четыре с половиной фунта золотого песка. Да, это не огромное состояние, но все же теперь его никак нельзя было назвать нищим. Плюс еще и обещанная награда от короля... боже мой, когда же наконец доведется увидеть ненаглядную Алису!

С этими мыслями капитан Френсис Линсей встал и пошел к спуску с небольшого плато, откуда он наблюдал за церемонией. Теперь — срочные сборы, и, может быть, уже через две недели удастся выйти в обратный путь.

Как ни странно, на сборы хватило восьми дней. Видимо, всем отбывающим хотелось поскорее попасть домой, и третьего сентября бриг "Доротея" вышел в океан. Его путь лежал на запад, до Капстада было шесть тысяч миль. Правда, на полпути лежал небольшой островок Амстердам, куда бриг заходил два года назад по дороге к земле Тасмана. Тогда он был необитаемым, но Линсей знал о намерениях австралийцев в ближайшее время основать там постоянное поселение. Потому как товарооборот с Австралией становился все оживленнее, а место для отдыха и пополнения припасов ровно посередине пути не помешает. Но теперь, пожалуй, лучше не рисковать и проделать весь путь до Южной Африки вообще без каких-либо остановок.

Но в том, что человек предполагает, а бог располагает, команда "Доротеи" убедилась через полтора месяца плавания. Внезапный шторм, хоть и короткий, основательно повредил грот-мачту и нанес множество иных мелких, но все равно неприятных повреждений. Требовался ремонт, и его лучше было производить не посреди океана.

Так что Линсей чуть скорректировал курс, дабы выйти к Амстердаму, но, когда до острова оставалось не больше дня пути, марсовый увидел впереди вершины мачт двух кораблей. Судя по прямоугольным парусам, это были не австралийцы, но Линсей скрепя сердце отдал приказ о повороте на пять румбов, чтобы обойти Амстердам с юга. Однако каково же было его удивление, когда в три часа пополудни следующих суток он услышал крик "земля на горизонте!".

Довольно быстро выяснилось, что это никоим образом не остров Амстердам. По расчетам штурмана выходило, что только что открытый клочок суши находится на расстоянии от пятидесяти до ста миль от него точно к югу.

Возблагодарив Господа за столь своевременный подарок, Френсис направил свой корабль к неизвестному остоу.

Он оказался раза в три меньше Амстердама и почти лишенным растительности, но зато с очень удобной бухтой прямо посередине. Судя по всему, это был кратер давно потухшего вулкана. Правда, вход туда оказался столь узким и мелким, что "Доротея" с трудом протиснулась внутрь, но зато теперь появилась возможность спокойно заниматься ремонтом и пополнением продовольственных запасов.

На острове имелась пресная вода, а его население составляло неисчислимое множество всяких пернатых, включая уже виденных Френсисом пингвинов, прочих морских птиц и не то тюленей, не то котиков. Ни малейших признаков того, что здесь когда-либо ступала нога человека, не обнаружилось.

В бухте-кратере "Доротея" провела две недели, а потом снова двинулась в путь. Правда, ветер теперь не давал возможности держать курс прямо на запад, и Френсис приказал брать южнее, примерно в сторону Маврикия. Если в ближайшее время погода не изменится, там придется делать еще одну остановку.

Отныне островок чуть южнее Амстердама имел название, присвоенное ему Френсисом. Тоже французское, потому как англичанами путешественники станут, только пристав к родному острову. Так что клочок суши посреди Индийского океана теперь носил имя Сен-Поль.

Несколько лет спустя сэр Френсис Линсей немало удивился, узнав, что на австралийских картах он всегда назывался точно так же.

## Глава 29

Представьте себе, что вы в первый раз приехали в Москву, причем на своей машине и проездом. И где-то за сутки вам надо нанести несколько визитов. Например, один в Братеево, второй в Медведково, третий на Бульварное кольцо, а четвертый и вовсе в Зеленоград. В общем, если не задействовать головной мозг, вас ожидает очень насыщенное время. Которое вы проведете в пробках и, понятное дело, никуда не успеете.

Выходов же из этой ситуации два. Первый — обзавестись гидом, причем лучше, если он будет еще и шофером. Второй — заранее собрать всех типов, которых вам требуется повидать, в одном месте, где-нибудь поближе к МКАД, желательно с наружной стороны и на том шоссе, по которому вы приедете в Москву.

Не знаю, как кому, но лично мне второй вариант нравился куда больше, и по мере приближения к Европе я пытался реализовать именно его.

Итак, во время текущего визита мне предстояло встретиться с Вильгельмом, турецким визирем, римским папой и испанским королем, причем последнего, возможно, придется и слегка подлечить. И я начал думать, как бы мне собрать всю эту ораву в одной точке земного шара.

Правда, когда Стефану Кантакузину предложили уговорить визиря посетить Рим, он пришел в ужас и заявил, что это абсолютно невозможно. Ну, не больно-то и хотелось, от Вечного города до острова Андикитира максимум три дня пути, тем более что после всех западноевропейских встреч нам все равно придется плыть мимо него, то есть в Азовское море. А вот Мадрид — совсем другое дело. Расположен он точно посередине Испании, и до любого берега, хоть атлантического, хоть средиземноморского, от него не меньше двухсот километров. Это по прямой, а сколько будет по тамошним дорогам, я не знал и не имел ни малейшего желания узнавать, тем более на своем опыте. Поэтому папе было отправлено сразу два письма, где я уговаривал его святейшество пригласить короля для лечения именно в Рим. Мол, уж там-то, рядом со святым престолом, участие дьявола в предполагаемых процедурах будет практически исключено. Вильгельм тоже подключился к этому процессу, ведь и он был заинтересован в том, чтобы Карлос прожил еще как минимум год, а лучше и вовсе два с половиной. Я просил английского короля задействовать свои связи при



испанском дворе. В самом деле, не один ли хрен, где будет находиться глава государства, не принимающий ни малейшего участия в управлении им? Например, в России конца двадцатого века ее населению было глубоко плевать, где именно в данный момент хлещет водку гарант конституции, в Рублево или Ирландии.

В числе прочего я поделился с английским королем подозрениями, что в Мадриде бедного Карла просто-напросто морят, и высказал предположение, что в Риме это будет уже не так просто. Кроме того, перенесение оси напряженности на нейтральную территорию, коей является Ватикан, благотворно скажется на международной обстановке.

Правда, именно для Вильгельма папская резиденция была территорией не нейтральной, а скорее вражеской, но в данный момент он явно желал как-то ослабить остроту своего противостояния с католической церковью и активно включился в процесс. Потому как этот весьма неглупый человек понимал, что перед неизбежной войной не помешает лично встретиться с будущими противниками и душевно поговорить о чем-нибудь возвышенном. Предлог-то какой — все дружно явятся проявлять христианское милосердие к больному, временно забыв свои склоки и распри!

Когда наша эскадра не торопясь приблизилась к Гибралтару, порядок сбора действующих лиц был в общих чертах уже согласован, но именно оттого мы не стали поворачивать в Средиземное море. Потому как в этом случае не только прибыли бы в гости к папе первыми, так и оно и задумывалось, но еще месяц ждали бы там остальных гостей.

В силу каковых соображений мы продолжили путь на север и на четвертые сутки подошли к архипелагу Силли. Хотя шел еще декабрь девяносто девятого года, все желающие покинуть острова уже сделали это, и Вильгельм не возражал против начала выгрузки там всего необходимого для сборки дирижаблей.

Вообще-то этот архипелаг на английских картах назывался "Scilly", и я подумал, что настоящий ученый на моем месте развернул бы тут целую теорию. Мол, имеем совершенно явную Сциллу, около которой, между прочим, регулярно погибали корабли. Если поискать, где-то неподалеку наверняка найдется Харибда. То есть Одиссей плавал именно тут, в этом не может быть сомнений. А то, что в официальную историю он вошел под именем Вильгельма Завоевателя, так это все гримасы неправильной скалигеровской хронологии.

Но ученым я отродясь не был, поэтому просто высадил на остров Сент-Мэрис два взвода Иностранного легиона, десяток специалистов во главе с Франсуа Цеппелинюком, после чего выгрузил оборудование для сборки и заправки дирижаблей. Соляную кислоту и цинк для получения водорода нам должны были предоставить заказчики.

Кроме того, нам надо было еще наловить трески — немного, хотя бы несколько рыбин, необходимых для лечения испанского короля, если оно состоится.

Простояв у острова Сент-Мэрис три дня, эскадра потихоньку двинулась в обратном направлении, ибо из Лондона пришла радиограмма, что Вильгельм уже собирается в путь. Мы хотели прибыть в Рим сразу после Рождества, потому что я не знал, как именно его там принято праздновать. Мало ли, перепьется народ, полезет в драку, а мы объясняй потом папе, почему застрелили того, этого и еще вон того. Нет уж, в первый визит лучше по возможности обойтись без эксцессов.

Папская область в текущем времени была довольно приличным государственным образованием, занимающим примерно четверть возникшей позднее Италии. Правда, хоть сколько-нибудь удобных портов на ее западном побережье не имелось, но нашим дипломатам уже пришло письмо от какого-то принца Ладислао Одескалчи. В нем он приглашал господ австралийцев остановиться у его имения Пало, что в тридцати километрах от Рима по Аврелиевой дороге. А с моря, хоть там и нет закрытой бухты, построен небольшой волнолом, защищающий пирс в случае западного ветра, впрочем, довольно редкого зимой.

Вот мы и направились туда, прибыв к гостеприимному принцу тридцать первого декабря.

Три корабля встали на якорь метрах в ста от берега, потому как подойти к

разрекламированному пирсу все равно не могли из-за своей осадки. На воду был спущен катамаран, и началась высадка.

Вскоре в двух пароконных каретах появился и сам принц, оказавшийся невысоким полноватым мужичком лет сорока. Его высочество сопровождала конная свита из шести рыл с какими-то копьями. С нашей же стороны на берегу уже стояли два взвода Иностранного легиона, а катамаран отправился за транспортными средствами, то есть трициклом и шестиколесником с прицепом.

Первым делом мы с принцем в темпе решили вопрос, где и что будем праздновать. На это хватило пяти минут, и согласованная программа выглядела следующим образом.

Через пару часов принц посетит "Чайку", где мы с ним отметим прибытие австралийской эскадры к берегам папских владений. Потом, чуть отдохнув, переместимся в замок Пало с целью достойно встретить наступление нового года и века. Первого января, как известно, наступит Торжество пресвятой Богородицы, в честь которого мы посетим мессу в только что отстроенной церкви в Ладисполи, загородном имении Одескалчи, расположенном в полутора километрах от замка. После чего двинем в новую резиденцию принца, где продолжим банкет. Ну, а где-то числа третьего его высочество сочтет за честь проводить нас в Рим.

Принц показал, где легионеры могут разбить лагерь, и отбыл, пообещав через пару часов без всяких напоминаний прибыть на борт моего корабля, а я прошелся по берегу.

Кроме небольшого волнолома и пристани, других примет цивилизации не наблюдалось. В обе стороны километра на три просматривался каменистый безлюдный берег, поросший кустарником вроде можжевельника. Причем зеленым, несмотря на январь. Впрочем, а чего бы ему и не зеленеть при такой погоде — солнышко, теплый ветерок и температура плюс двенадцать. Похожие растения мне встречались в Забайкалье, только там ягоды были синие, а здесь несколько случайно сохранившихся имели рыжий цвет.

Посмотрев, как установлены палатки и несут службу часовые, я разрешил отправить в лес отделение за дровами для полевой кухни и еще раз напомнил старшему группы лейтенанту Лауполикану, что охотиться тут нельзя, после чего вернулся на "Чайку".

Обед в честь прибытия принца на борт, а нас — в Италию продолжался часа два и, как говорится, оставлял место для скорого ужина. Пили привезенное гостем какое-то редкое вино, с моей точки зрения — откровенную кислятину. Закусывали австралийскими сливами, про которые я объяснил, что в них в пятьдесят раз больше витамина "це", чем в апельсинах. Принц почмокал губами с таким видом, будто что-то понял, но на сливы налег очень основательно.

В восемь часов вечера я снова перебрался на берег, и, сев на квад, в сопровождении четырех бойцов охраны проехался до замка Пало. Он был самым настоящим, явно сохранившимся еще со средневековых времен, но довольно маленьким, примерно с коттедж какого-нибудь областного депутата. Стены, четыре башни по углам и квадратный донжон в центре. Его главный пиршественный зал почему-то сразу навел меня на воспоминания о хрущевках, но, к счастью, моего появления там ждало совсем немного народа. Сам принц, его супруга, при взгляде на которую мне захотелось выразить соболезнования хозяину замка, но я сдержался и даже сказал даме какой-то замысловатый комплимент, суть которого была в том, что доводилось встречать женщин и пострашнее. Плюс две дочери принца, которым пришлось обойтись вовсе без комплиментов, ибо при виде них у меня не получилось сказать даже того, что хозяйке замка. И даже если бы у меня имелись намерения изменить своим женам, что, разумеется, полная неправда, то уж при встрече с этими дочками они точно испарились бы без остатка. Наконец, тут присутствовал некто в церковном одеянии, оказавшийся духовником семейства патером Алберто.

Я взял у одного из солдат корзину с четырьмя бутылками крепкого самогона своего производства и водрузил этот национальный австралийский напиток посередине стола. Затем вручил газовую зажигалку и многолезвийный китайский нож хозяину замка, китайские же, но семнадцатого века шелковые платки дамам и совсем маленький алюминиевый

крестик духовному лицу. После чего патер Алберто пробормотал краткую молитву на латыни, и мы приступили к празднеству.

Среди собравшихся не оказалось умников, с цифрами в руках доказывающих, что на самом деле новый век начнется только через год, в январе тысяча семьсот первого года. И правильно, люди-то празднуют не круглое число лет с черт знает когда случившегося события, а всего лишь появление круглых цифр в календаре!

Старый год мы проводили умеренно, всего одной бутылкой, причем дамы не участвовали в дегустации ее содержимого. Почему-то святому отцу хватило даже такой мелочи, и он выбыл из числа бодрствующих еще до двенадцати. Где-то в два часа нас покинули дамы, и мы с принцем сели играть в шахматы. Процесс затянулся до утра, и к тому времени на столе оставалась всего одна бутылка. Потом вдруг оказалось, что пора идти на мессу. И это было очень кстати, потому как там я замечательно выспался, так что покинул богослужение бодрым и готовым к новым подвигам во имя великой Австралии. А вот принц не выдержал такого темпа и извиняющимся тоном сказал, что перед поездкой в имение ему требуется немного отдохнуть.

В общем, новогодние праздники получились насыщенные, очень длинные по австралийским меркам и неприлично короткие по российским. А третьего числа мы покинули поместье гостеприимного принца, за полчаса добравшись до Аврелиевой дороги. Там, что удивительно, торчал указатель, из которого можно было понять, что налево — это в Пизу, а направо — в Рим. Мы свернули направо, и наша кавалькада покатила по дороге, построенной еще древними римлянами. И, судя по ее состоянию, при них же и в последний раз ремонтировавшейся. Мне она сразу напомнила шоссе от Кашина до Калязина перед тем, как его наконец заасфальтировали.

Впереди ехал принц, на этот раз всего в одной карете. За ним потихоньку тархтел я на трицикле. Следом катился автопоезд из шестиколесника с прицепом и полевой кухней сзади, а завершал процессию бегущий трусой первый взвод Иностранного легиона. Арауканы таким способом могли преодолевать довольно большие расстояния. Уставшие имели право ехать в прицепе, но за неполные тридцать километров пути до Рима таковых не появилось.

По сторонам дороги росли дубы, разлапистые, но мелкие, высотой всего метров по восемь. Примерно такие часто встречаются под Новороссийском, только, когда я там гостил в последний раз, они были сплошь покрыты цементной пылью. Но в Италии самого начала восемнадцатого века экология пребывала на должной высоте, и единственное, что вызывало некоторое неудовольствие — это необходимость постоянно объезжать коровьи лепешки и конские яблоки.

При въезде в Рим нас уже ждала комиссия по встрече под председательством папского шталмейстера, то есть, если по-простому, заведующего гаражом. Кроме него, там присутствовала одна большая карета, четыре средних и два десятка папских гвардейцев, которых я узнал по форме — она почти не отличалась от картинки, захваченной из будущего. Мне предложили место в большой карете, но как-то не очень уверенно, то есть без особой настойчивости. Я отказался, сославшись на то, что хочу посмотреть на Рим, а из кареты много не увидишь, и процессия двинулась к центру города, теперь уже со скоростью пешехода.

Вообще-то и с трицикла смотреть было особенно нечего, потому как ехали мы какими-то задворками. Собственно Вечный город находился на другом берегу Тибра.

Но вот впереди показалась хорошо знакомый мне по фотографиям силуэт замка Святого Ангела, похожий на огромную консервную банку с несимметричной нашлепкой сверху. Кстати, подумалось мне, а что, ангелы, кроме падших, бывают и просто не святые? Типа попавшиеся на мелком воровстве, которое не тянет на изгнание из рая. Но, чуть подумав, я решил не задавать такой вопрос папе.

Однако, как выяснилось, ехали мы не к замку. Метров за четыреста до него процессия свернула в какой-то узкий переулок, повиляла по нему и через арку в стене кирпичного трехэтажного строения выехала на площадь. Кажется, она носит имя Святого Петра,

припомнил я. Во всяком случае, посреди нее торчал серый столб, а в дальнем конце располагался совершенно явный собор.

Но карета шталмейстера свернула направо и вскоре остановилась у фонтана в виде трехметровой шишки на подставке. Заведующий гаражом вылез и объявил, что мы приехали. По распоряжению его святейшества господа австралийцы поселяются в Бельведерском дворце.

После чего он вызвался показать мне выделенную нам жилплощадь.

Вход находился справа от шишки. На первом этаже были три довольно просторные залы, действительно удобные для размещения легионеров. Второй занимали ВИП-апартаменты, а третий состоял из клетушек, видимо, для прислуги, но ее у меня не было. Кроме парадного входа со стороны фонтана, имелся и черный на противоположной стороне здания.

На втором и третьем этажах наличествовали коридоры в какие-то другие части дворца, но сейчас проходы туда были закрыты, заколочены и завешаны портьерами. Так, прикинул я, по две противопехотных мины в каждый торец хватит, и отдал соответствующие распоряжения саперу-мориори. Мало ли, вдруг оттуда ночью кто-нибудь полезет, разумная осторожность еще никому не мешала.

Я поинтересовался у гида, можно ли брать воду из фонтана и если нет, то когда ее нам доставят из расчета по две сорокаведерных бочки в сутки. Потом уточнил, когда и куда будут подвозиться продукты для прокорма меня и моей свиты и сколько за них надо заплатить. В ответ с некоторым удивлением услышал, что мы — гости его святейшества и, значит, кормить и поить нас положено бесплатно, то есть на халяву.

Арауканы уже разворачивали полевую кухню в нише за фонтаном, и я сказал, что нам вообще-то не помешают и дрова для нее. Шталмейстер заверил меня — они будут, и сообщил, что папа примет меня в три часа пополудни следующего дня. Наконец, два раза переспросив, не нужно ли чего еще господам австралийцам, погрузился в свою карету и отчалил. А папские гвардейцы остались охранять подходы к фонтану. И это было правильно, потому что откуда-то уже начали вылезать зеваки, и один даже успел получить по зубам древком алебарды.

Шестиколесник и трицикл мы подогнали к самой двери. У меня даже мелькнула мысль попросить у шталмейстера цепи, приковать их, но потом я подумал, что и так наш транспорт вряд ли сопрут, все-таки на каждом стоит противоугонка. Да и не факт, что уже в восемнадцатом веке в Риме процветает воровство мопедов, это ведь на самом деле не очень просто, тут нужен опыт и соответствующие инструменты.

## Глава 30

Его святейшество Иннокентий Двенадцатый сразу напомнил мне кого-то давно и хорошо знакомого, а через пару секунд я понял, кого именно. Кардинала Ришелье из "Трех мушкетеров"! Была у меня в будущем красненькая такая книжка с хорошими иллюстрациями, из серии "Библиотека приключений". И даже не сразу бросилось в глаза, что папа был существенно старше. Впрочем, может быть, тому причиной полумрак в его кабинете, где он принимал меня. За недостаток света папа уже извинился, сказав, что последний год у него болят глаза. Так как я уже слышал про это, то в числе прочих подарков понтифику были и зеркальные солнцезащитные очки.

Кроме них, я преподнес святому отцу большой алюминиевый крест с драгоценными камнями, рубин весом сорок пять грамм и сапфир раза в два поменьше. Как ни странно, больше всего папу заинтересовал крест. Чего он там высматривает, с некоторым беспокойством думал я. Ведь этот крест Мерсье лично делал почти две недели! Вроде все должно получиться идеально.

— Скажите, а каковы основные постулаты австралийской христианской церкви, отличающие ее от католической? — поинтересовался Иннокентий, оторвавшись от изучения

креста.

— Понятия не имею, — честно ответил я. — Моя теологическая грамотность, она... как бы это помягче сказать... оставляет много места для совершенствования, вот. Хотя одну разницу я уже заметил — у нас богослужения ведутся на австралийском, а у вас на латыни.

— Мы не считаем себя вправе отходить от того языка, на котором святой апостол Петр проповедовал первым христианам Рима, — просветил меня папа.

— Вот-вот, а нам, то есть австралийцам, свет веры принес святой апостол Фома, и делал он это на австралийском языке, так что с тех пор у нас сохранился такой порядок.

— И именно такую форму креста тоже указал он?

— Разумеется! — подтвердил я. Не говорить же, что на самом деле этот крест был придуман лично мной, причем из соображений минимализма. Две балки, и все, никаких перекладин или там надписей снизу или сверху. То есть я изначально проектировал предельно простое в производстве изделие. Фигура же распятого Христа была накладной и производилась по образцу католического распятия, приобретенного мной по случаю лет за пять до путешествия в прошлое.

— Я слышал про ваше искусство запечатлевать мгновения на стеклянных пластинках, — осторожно начал папа, — скажите, ваши люди не делали снимков распятого или даже живого Христа?

— Увы, — вынужден был я огорчить святого отца.

На самом деле у меня, конечно, была мысль изготовить подобный фоторепортаж, но, подумав, я от нее отказался. Ибо невозможно сделать его так, чтобы он не противоречил ничему основополагающему во всех европейских конфессиях. И, значит, обязательно начнутся беспочвенные обвинения в подлоге, потому как иначе придется признать, что сами что-то там веками изображали неправильно. А оно нам надо? Так что пояснил папе:

— Не так уж много австралийцев в то время пребывали в Риме, а уж далекая провинция Иудея, где все происходило, и вовсе не привлекла ничьего внимания. Но фотографические снимки первого австралийского пастыря, апостола Фомы, который вошел в нашу историю как святой Фомен, разумеется, сохранились.

Я подал его святейшеству пачку черно-белых фотографий, в процессе изготовления которых фотошоп почти не применялся. Потому как повседневная одежда Иоанна Павла Второго, то есть нечто белое и с какой-то тюбетейкой в качестве головного убора, ничуть не напоминала малиновую мантию сидевшего передо мной Иннокентия, да и на портретах прочих пап этого времени фигурировали совсем другие фасоны.

Понтифик перекрестился, потом долго рассматривал снимки, и, наконец, снова осенив себя крестом, вернул их мне.

— Ваша фотография — великое дело! — резюмировал он. — Далеко не каждый художник сможет так передать несомненную святость в самых, казалось бы, обыденных ситуациях.

Тут я был полностью согласен с собеседником, потому как предпоследний папа действительно имел очень располагающую внешность. И снимки я выбирал самые лучшие.

— Вообще-то в нашем багаже есть и фотоаппарат, — решил я развить тему, — и мне хотелось бы запечатлеть для истории ваш образ. Кто знает, может, через несколько столетий очередной папа, рассматривая ваши изображения, скажет что-нибудь подобное и про вас.

Что интересно, Иннокентий не стал ломаться и изображать приступ скромности, а спросил, устраивает ли меня послезавтрашний день, ибо ему нужно подготовиться. Меня устраивало, все равно в Рим из всех приглашенных лиц пока явился только француз, да и то это был не король и даже не потенциальный наследник испанской короны Филипп Анжуйский, а какой-то неизвестный мне герцог д'Аркур.

А понтифик тем временем перешел к теме, ради которой, как я понял, он и пошел на встречу со мной.

— Есть ли на территории Австралии католические общины? — спросил он.

— В Австралии все есть, — чуть исказил известное изречение я, — в частности, в

Ильинске живут два католика-француза и около сотни испанцев. Но своего священника у них пока не имеется.

Папа правильно понял слово "пока" и поинтересовался условиями, на которых туда могут быть направлены соответствующие лица из Рима. Можно ли им, например, заниматься миссионерской деятельностью?

Я ответил в том смысле, что в Австралии можно заниматься всем, что не противоречит ее законам. В частности, никто не возразит против пропаганды католичества, но только до тех пор, пока она ведется с должным уважением к другим конфессиям, уже присутствующим на земле империи. То есть говорить, что такая-то вера истинная, можно без ограничений. Заявлять, что она самая истинная — это уже позволено только в кругу единомышленников. А утверждение, что все остальные веры ложные или еретические, уже предполагает ответственность вплоть до уголовной.

— Интересная политика. И что, у вас не было конфликтов на религиозной почве?

— Серьезных — нет, а зачинщики несерьезных вышли на волю только перед самым моим отбытием. До этого же они пребывали на химии, это у нас что-то вроде каторги.

Далее мы с папой договорились, что я возьму на борт "Чайки" легата и двух священников, но не сейчас, а на обратном пути, после посещения Азовского моря.

Во время визита к папе у меня возникла одна идея, так что сразу по возвращении я отправил трицикл на "Чайку" за необходимыми материалами и инструментами. К вечеру он вернулся, а в обед следующего дня я уже испытывал диапроектор для проецирования изображений с фотопластинок на стены. Ничего особенного в нем не было — мощный светодиод с отражателем, три линзы, рамка для пластинки и деревянный ящик с выдвигающейся трубкой спереди. Этот прибор предназначался папе, но вообще-то и нам подобное не помешает, подумалось мне. Целлулоид у нас уже получается, но вот до кино руки пока не доходят и вряд ли скоро дойдут. А тут неплохой заменитель, учитывая девственность аудитории — аппаратура для диафильмов. Потому как Ильич совершенно правильно учил, что из всех искусств для нас важнейшим является кино. В конце концов, это один из самых действенных способов внедрения идеологии в массы, пусть даже поначалу он будет ограниченным, в виде диафильмов.

На папу мой фильмоскоп произвел сильнейшее впечатление, когда я зарядил туда его только что проявленную и закрепленную фотографию и спроецировал на кусок белой материи в полутемной комнате.

— Если у вас найдутся художники, способные раскрашивать пластинки или даже рисовать на них специальные картины, будет еще интересней, — подкинул я идею понтифику.

— Да, но можно ли будет воспроизвести этот удивительный механизм или он так и останется единственным?

В ответ святой отец услышал, что ничего невозможного в этом нет. Правда, у меня светодиод питался от маленькой динамки с ручным приводом, но его можно заменить и специальной яркой свечой в параболическом отражателе.

Вскоре после показа достижений оптики и механики в Рим прибыл Вильгельм, которого поселили в другом крыле Бельведерского дворца, по левую сторону от фонтана с шишкой. Он сказал, что корабль с его величеством Карлосом Вторым уже покинул Валенсию и, значит, через несколько дней испанский король прибывает в Рим.

— Но я не уверен, что живым, он очень плох, — доверительно сообщил мне Вильгельм.

— Все в руках Господа, — закатил я глаза к потолку и подумал, что общение с римским папой не обходится без последствий даже для меня. Во всяком случае, за последние четыре дня я узнал много новых слов.

До прибытия испанского короля в Вечный город мне хватило времени соорудить еще одну занимательную вещь.

Очень давно, когда я еще учился в школе, у нас была мода рисовать мультфильмы на уголках книг. Делается это очень просто — изображенное на каждой странице чуть

отличается от такового на предыдущей, а потом край книги отводится большим пальцем и чуть ослабляется. Страницы одна за одной быстро перемещаются вниз, как колода в руках шулера, и картинка в углу книги на короткое время оживает. Я специально потом спрашивал у сына — нет, в их школе никто уже не занимался ничем подобным. Но зато в журнале "Юный техник" мне как-то попался чертеж устройства, которое позволяло реализовать похожий принцип, но уже с пачкой листков бумаги.

Чуть напрягши память, я зарисовал все, что удалось вспомнить, и потом за полчаса додумал детали, которые оказались забыты. И к вечеру у меня появился прибор для показа простейших мультфильмов на листках бумаги размером семь на семь сантиметров. Пачка толщиной сантиметра в четыре обеспечивала пятнадцатисекундный ролик.

Его я в меру своих художественных способностей нарисовал сам. Сюжет был несложен.

В самом начале мамонт в хорошем темпе крыл мамонтиху, причем из-за ограниченности времени этот процесс получился очень похожим на трах у кроликов. Потом мамонтиха начинала жрать траву, у нее раздувалось брюхо, и в конце ролика она рожала маленького мамонтенка.

Однако до прибытия в Рим венценосного пациента герцог Алекс был еще раз принят папой Иннокентием. На сей раз его интересовали подробности будущих лечебных процедур, но беседа почти сразу вышла за рамки медицины и получилась довольно интересной.

Сначала я объяснил папе, что не умею ставить диагнозов по описаниям, да к тому же во многом противоречащим друг другу, так что про будущее лечение могу сказать только самые общие вещи. Во-первых, у Карлоса точно размягчение костей. Это говорит о недостатке в организме витамина "Д", так что...

Но тут папа не стал с умным выражением лица делать вид, что понимает, о чем идет речь, а попросил объяснений. После краткой лекции о витаминах, в которой заодно были затронуты и причины возникновения цинги, я продолжил:

— Кроме того, у больного наверняка ослаблен иммунитет, а это, в свою очередь, скорее всего произошло от общего упадка сил. Поэтому вторым направлением терапии я предполагаю иммуностимуляторы и что-нибудь общеукрепляющее. Но, как уже говорилось, сначала мне надо просто осмотреть короля самому.

Про иммунитет Иннокентий уже слышал, но все же и тут задал пару уточняющих вопросов.

Далее я пояснил, что лекарства можно вводить в организм не только через рот или противоположное ему отверстие, а внутримышечно или внутривенно, после чего показал понтифику шприц — не одноразовый, а старый стеклянный. Тот достал из ящика стола нечто вроде массивного пенсне с ручкой и долго рассматривал австралийское чудо медицинской техники.

— Кстати, — молвил он минут через пять, оторвавшись от созерцания, — я уже показал ваши очки своему ювелиру. Маленькие изогнутые оглобелки, которыми они крепятся за уши, в самом деле очень удобная вещь, спасибо за идею. Действительно, ваша техника ушла вперед довольно далеко, и, скорее всего, наука тоже. Но вы не боитесь, что когда-нибудь этот процесс выйдет из-под контроля и причинит людям неисчислимые беды? Ибо сказано, что многие знания суть многие печали.

— Если выйдет, то конечно, — кивнул я, — да только кто же его выпустит? В Австралии хорошо понимают подобные тонкости. И ведь не только прогресс — что угодно отпусти на волю, и оно более чем половине случаев такое устроит — мало никому не покажется. Например...

Но тут я вспомнил, с кем говорю, и вовремя заткнулся.

— Вы хотели напомнить про святейшую инквизицию? — усмехнулся папа. — Не волнуйтесь, мне известно, что временами она действительно усердствовала существенно больше, чем требовалось, и при этом не всегда в интересах церкви. Но, значит, у вас тоже понимают необходимость ограничения образования?

— Простите, но ограничение и контроль — все-таки разные вещи. В Австралии образование всемерно поощряется, а воспрепятствование его получению является уголовным преступлением, особенно если было совершено родителями в отношении своих детей. Так что ограничивать процесс получения знаний не нужно, у нас считают так. А вот контролировать их характер — обязательно, без этого действительно никуда. С научными же исследованиями аналогичная картина — они всемерно поддерживаются в тех направлениях, которые принято считать приоритетными, а все остальные если и будут развиваться, то на личные деньги особо любопытных энтузиастов.

Под конец беседа снова вернулась к медицине, но теперь уже в приложении не к королю Карлосу, а к моему собеседнику. Он поведал мне, что, похоже, его земной путь подходит к завершению, и поинтересовался, что может сказать по этому поводу австралийская медицина. Я, понятное дело, поинтересовался, на что жалуется папа, тем более что по конституции он сильно напоминал меня, когда я еще пребывал в похожем возрасте. То есть к восьмидесяти пяти годам понтифик высох до состояния щепки.

Оказалось, что и болячки папы довольно сильно напоминали мои, так что вскоре я делился своим достаточно богатым опытом борьбы с ними.

Те, кто дожил хотя бы до семидесяти, прекрасно меня поймут. В таком возрасте — и не поговорить о том, где ломит, что болит, какое лекарство помогает против болезни, а какое — исключительно против избыточной толщины кошелька...

Причем то, что последние пять лет своего предыдущего существования я провел в глухой деревне, этому нисколько не мешало, скорее наоборот. Ибо интернет там все-таки был, а найти в сети собратьев по духу можно минут за пять.

Первым делом я померил папе давление. Нормально, сто десять на восемьдесят, я даже чуть не ляпнул, что у меня в его возрасте было хуже. Потом пришлось объяснить, что это за операция и для чего она нужна. Затем, послушав жалобы на тяжесть в ногах, отеки, периодические судороги в икрах, я покивал — знакомые дела! — и прописал папе эскузан в каплях, сказав, что завтра же утром он будет доставлен. А пузырек с ундевитом я ему вручил сразу, объяснив, что это надо есть по шарику в день. В прошлое мной было захвачено довольно много всяких витаминных препаратов, но особым спросом они в Австралии не пользовались. Там прекрасно обходились яблоками и прочими дарами природы, а в плаваниях вполне хватало сушеных австралийских слив и квашеной капусты.

В общем, мы с Иннокентием весьма приятно побеседовали, я даже немного расчувствовался, вспомнив мо... то есть тьфу, старость. Ну прямо как у О.Генри в рассказе "Родственные души" — правда, обошлось без упоминаний о моче молодого поросенка. Но зато кончилось все точно как там — я рассказал понтифику о чудодейственных свойствах настойки плодов конского каштана, после чего мы с ним очень душевно уговорили небольшую фляжку этого эликсира, предусмотрительно захваченную мной при подготовке к визиту.

## Глава 31

За время ожидания испанского короля у меня родилась гипотеза, что степень пышности прибытия делегации на рабочую встречу обратно пропорционально мощи державы, кою эта самая делегация представляет. Именно на рабочую, смысл которой состоит в том, что на ней будут произведены некие действия.

Итак, самым незаметным образом в Риме образовались французы. Приезд Вильгельма привлек чуть больше внимания, но ненамного. Вокруг нашего появления уже возникло слабое подобие ажиотажа — хоть я и не собирался в этом никому признаваться, но никуда не денешься — по совокупности Австралия пока уступает и Франции, и Англии.

Зато одиннадцатого января в Рим заявили австрийцы. Я чуть не охренел, пытаюсь сосчитать кареты, под музыку въезжающие на площадь Святого Петра, а ведь это были не все, часть туда не попали. В Вечный город приехал наследник престола принц-эрцгерцог



Иосиф.

Часа полтора я наблюдал из окна за происходящим на площади сложным спектаклем с участием кучи каких-то вооруженных людей, из которых смог опознать только папских гвардейцев. Жалко, что австрийцев встречают не на Пьяцца дель Пополо, подумалось мне, тогда аналогия с графом Монте-Кристо была бы полнее. И часа в два, не дождавшись завершения церемонии, отправился обедать. Но еще до конца приема пищи к нам явился какой-то барон с целью уточнить порядок встречи его высочества принца Иосифа с его светлостью герцогом Романцевым.

Дожевав очередной кусок шашлыка, моя светлость ответила, что ей в общем-то от австрийского наследника ничего не надо. Если же у того есть какая-то нужда, пусть приходит к ужину, он у нас начинается в восемь тридцать вечера. Барон начал было что-то вякать про то, что его высочество будет в это время очень сильно занят, но я только пожал плечами и потянулся за следующим куском. Действительно, в ближайшее время нынешняя Священная Римская Империя германской нации, а в не таком уж далеком будущем Австро-Венгрия, Австралию не интересовала. Флота, способного достичь наших берегов, у нее не имелось, на суше наши интересы тоже никак не пересекались, так что проявлять инициативу по сближению я не собирался. Однако барон, видимо, понял, что его красноречие пропадает впустую, и как-то очень изящно закруглил очередную фразу в том смысле, что ровно в девять его высочество почтит нас визитом, после чего тихо откланялся и исчез. Получается, австрийцам тоже захотелось поиметь дирижабль, подумал я — и ошибся.

Принц оказался худощавым и невысоким молодым человеком с вытянутой физиономией, на которой вполне можно было обнаружить признаки интеллекта. Почему-то он явился ко мне в латах — или аллах его знает, как там назывался этот железный костюм, закрывавший грудь и большую часть рук, но оставлявший без защиты тощие кривые ноги. Кроме того, на визитере был напялен парик совершенно феноменальных размеров и формы. Огромный, серенький такой и с завитушками. Если смотреть сверху, а именно так у меня и получалось, ибо при появлении гостя я, как культурный человек, встал... короче, с высоты моего роста принц ну очень сильно напоминал овцу. Когда же он начал говорить, сходство только усилилось.

После вступительной части, занявшей всего минут пять, гость проблеял, что он весьма наслышан о феноменальных успехах австралийской медицины. В частности, о том, что мы можем сделать любого человека невосприимчивым к оспе. Так вот, он, принц такой-то и еще кто-то там эдакий, был бы нам весьма благодарен, если бы мы произвели с ним нечто подобное.

Ай да Вильгельм, восхищенно подумал я. Растрезвонил по всей Европе, что австралийцы научили его бороться с оспой, а сам способ зажил! Из России же никаких сведений еще не поступило, вот бедное высочество и мается. Но какова интуиция, однако — ведь Иосифу где-то через десять лет предстоит помереть именно от оспы, совсем молодым, в возрасте на год моложе Христа! Точнее, предстояло бы, но теперь мне придется вмешаться в это дело. И, значит, вся история будущей Австро-Венгрии пойдет совсем не так, потому как этот Иосиф был весьма приличным монархом и много успел даже за отпущенный ему в нашей истории мизерный срок.

— Это вполне возможно, но только по благословению его святейшества, — пояснил я гостю. — Впрочем, мы не собираемся делать секрета из данной процедуры, именуемой прививкой, в принципе ее вскоре смогут произвести и венские медики.

На самом деле, конечно, благословение папы мне было как-то до лампочки, но я хотел поинтересоваться у понтифика, где в окрестностях Рима можно найти больных оспой коров. Ну и не больных тоже, вдруг они окажутся лучше английских? А способствовать распространению прививок я собирался из очень простых соображений. Чем меньше народа помрет от оспы в ближайшие сто лет, тем больше его останется в Европе, откуда мы и собираемся черпать свежих иммигрантов.

Наконец, пятнадцатого числа в Рим прибыл испанский король, и ажиотаж от этого

события заметно превысил оживление от явления австрийской делегации. Я наконец понял, как это испанцы ухитрились плыть от Валенсии целых две недели. Они смогли как-то проташить по морю целый флот небольших речных галер, которые теперь заполнили чуть ли не весь Тибр. Бедный папа, подумалось мне, только на приеме такой оравы можно запросто разориться! А ведь ее потом придется еще и кормить. Надо будет подарить ему еще один рубин, потому как Илья незадолго перед моим отплытием занялся созданием установки зонной плавки, и, значит, скоро австралийские драгоценные камни перестанут быть невосполнимым ресурсом.

К полудню роскошный паланкин с королем, который тащили два десятка каких-то здоровенных арабов, прибыл на площадь Святого Петра, где его встречал сам папа. Немалая честь, коей, как мне сказали, последние пять лет вообще никто не удостоивался в силу слабого здоровья понтифика. Ну а тут, почувствовав хоть и небольшой, но все же прилив сил после моей терапии, он, поддерживаемый под руки кардиналами, вышел на улицу.

Тара испанского короля оказалась сделанной наподобие матрешки, то есть из паланкина были извлечены нормального размера носилки с балдахином, которые и потащили в помещение всего четыре человека. Под клинику было выделено три средних размеров зала Апостольского дворца, располагавшегося на той же площади.

По моему требованию все провожающие были отсечены еще на входе, причем не обошлось без небольшого скандала. Жена короля, Мария-Анна Пфальц-Нойбургская, желала непременно видеть, что будут делать с ее супругом! Причем она заявляла о своих правах удивительно визгливым и противным голосом, да и внешность имела на редкость склочную, так что я, где-то с минутку послушав ее вопли, доверительно заявил папе о недопустимости подобных притязаний. Понтифик меня поддержал, и стервозную бабу оттерли.

Посреди зала, где должно начаться лечение, уже стояла роскошная кровать без крыши и с чистейшими простынями, на которую и был сгружен пациент. После чего носильщики удалились, и остались только действующие лица, то есть мы с Карлосом, и по одному человеку от каждой заинтересованной стороны. Испанию представлял кардинал Портокарреро, а про всех остальных я уже рассказывал.

В зале повисло напряженное молчание. Однако король был уже в сознании, хотя большую часть пути провалился чуть ли не в коме. По моим сведениям, два-три дня назад он должен был почувствовать себя чуть лучше, а через две недели и вовсе встать, так что за его жизнь я особо не волновался. Если уж духовнику не удалось залечить его до смерти регулярными экзорцизмами, то мне-то куда с моими скромными умениями и навыками!

Карлос, как я уже говорил, пришел в себя и теперь смотрел на меня с некоторым испугом. Кажется, здешние медики не одевались в белые халаты и уж тем более не перепоясывали их ремнем с открытой кобурой, из которой торчала рукоять парабеллума, но ничего, пусть король помаленьку привыкает.

Иннокентий прочел краткую молитву и перекрестил нас с королем, давая понять, что можно приступать к процедурам.

— Все в порядке, ваше величество, — как мог ласково сказал я по-испански, — главное, вас довели сюда живым, и, значит, теперь вашей жизни ничего не угрожает. Разумеется, если вы будете точно выполнять все предписания лечащего врача, то есть меня.

Первым делом я померил пациенту температуру и давление. И то, и то оказалось слегка пониженным. После чего приподнял ему голову и скормил ложку рыбьего жира, сказав, что данную процедуру следует повторять два раза в день. Затем перевернул Карлс... то есть тьфу, Карлоса на живот, задрал ночную рубашку, смочил ватку спиртом и продезинфицировал место будущего укола. Сломал шейку первой ампулы, наполнил шприц и под потрясенный вздох замершей аудитории воткнул его в тощую и немытую королевскую задницу.

Папа снова забормотал какую-то молитву, а я взял следующую ампулу, теперь уже с витамином B12. После нее будет третий укол со слабым стимулятором, а затем в лечении наступит перерыв до вечера.

Примерно за неделю король оклемался настолько, что, во-первых, встал и начал

пытаться ходить, но пока это у него не получалось. А во-вторых, был вымыт, причем, похоже, максимум второй раз в жизни. Потому как в принципе мог иметь место и первый — это когда его в младенчестве при крещении кунали в воду, а потом обтирали полотенцем. Но, разумеется, я не рискнул загонять Карлоса в баню или хотя бы надувной бассейн, ибо от такого потрясения не очень здоровый пациент вполне мог и просто дать дуба. Мытьем испанского величества три дня подряд занимались четыре монаха, которых папа выделил в качестве сиделок. Выглядело это так. Самый старший из монахов взял на себя наиболее ответственную часть работы — он окунал губку в тазик с теплой мыльной водой и три раза подряд протирал ей какую-то деталь королевского организма — например, левую ногу от ступни до колена. Второй делал то же самое, но вода в его тазике была уже без мыла. Третий насухо вытирал вымытый участок, а четвертый почтительно придерживал его величество, чтобы тот не брыкался.

Весь первый день и половину второго мои представления на медицинскую тему шли при полном аншлаге, но затем количество зрителей начало потихоньку уменьшаться. Вильгельму это надоело первому, французский герцог продержался на час дольше, но потом тоже слинял. Австрийский принц просидел до второго вечера, а следующим утром настучал мне, что английский король о чем-то беседует с французом в его покоях. И более при сеансах лечения не присутствовал. Папа тоже бывал на них все реже, ибо ему хватало забот и со своим здоровьем. Испанец, кардинал Портокарреро, почти без отлучек высидел у постели больного трое суток, но на четвертые и у него кончилось терпение. Или нашлись более важные дела, я специально не интересовался.

В начале второй недели, убедившись, что пациент совершенно явно идет на поправку, неважно, от моих витаминов с иммуностимуляторами или сам собой, я сделал ему сразу два подарка. Первый был очень ценный, инвалидное кресло-каталка. И не абы какое, а мое, лично мной сделанное в две тысячи третьем году, когда у меня в первый раз начали отказывать ноги. Потом оно верой и правдой служило мне целых семь лет по крайней мере месяц в году, в процессе чего обзавелось еще и электроприводом. Правда, его я перед вручением королю снял, руки у Карлоса работали неплохо, в отличие от ног. И к вечеру пациент радостно раскатывал на нем по всем трем залам, выделенным под проживание и лечение. Второй же, хоть и доставил королю несколько приятных часов, произвел гораздо более сильное впечатление все-таки не на него, а на папу. Речь идет о машинке для показа мультфильмов на пачке листов бумаги.

Заинтересовавшись, чем это пациент так увлекся, папа с видимым удовольствием три раза подряд просмотрел мой ролик про мамонтов, потом за десять минут и почти без моей помощи разобрался, как работает это устройство, после чего записал размеры листов и сказал, что он засадит своих художников за сюжеты более духовного содержания. И тут же пригласил меня на ужин.

Там понтифик поделился со мной своей идеей. Наверняка ведь можно сделать подобную быструю смену кадров и в диапроекторе, полувопросительно-полуутвердительно сказал он, и я ответил в том духе, что ничего невозможного в этом нет, хотя, конечно, придется преодолеть немалые технические трудности.

— Но этот способ показа живых картин того стоит! — возбужденно заявил папа. — Ибо ваша машинка предназначена для просмотра одному, максимум двум. А картины в темном зале смогут смотреть сразу десятки, если не сотни человек! При правильной организации дела это безусловно поможет в распространении слова Христова, особенно там, где народ неграмотен.

— И где грамотен тоже, — заверил я святого отца. — Если вас серьезно заинтересовало данное направление, пришлите ко мне пару хороших механиков, и чтобы хоть один из них был знаком с оптикой, я объясню, как можно сделать желаемый вашим святейством механизм.

Все следующее утро я употребил на конструкторскую работу, потому как папа обещал прислать механиков сразу после обеда.

Разумеется, у меня и в мыслях не было показывать европейцам способ производства целлулоида, потому как от него до пироксилина и бездымного пороха всего один шаг, причем достаточно очевидный. В качестве материала для пленки почти сразу была выбрана слюда, хорошо известная в текущие времена. Кроме всего прочего, она еще и куда термоустойчивей любой пластмассы, так что в качестве источника света можно будет использовать какую-нибудь пиротехнику. Например, пропитанный селитрой фитиль в обмазке из серы. Я даже начал рисовать нечто вроде цепи с квадратными звеньями, куда будут вставляться слюдяные кадры, но потом сообразил, что эта цепь получается довольно похожей на металлическую пулеметную ленту, а сам проектор — на пулемет. Нет уж, без этого тут пока обойдутся. Раз уж им скоро будет показан барабанный пулемет, то и кинопроектор надо делать по тому же принципу.

Вскоре на бумаге начали появляться основные контуры будущего устройства. Основа — легкий барабан на десяток гнезд, вращающийся рывками. В нижней точке стоит источник света и объектив, через одно гнездо от него происходит выброс использованных пластинок, а в верхней — дозарядка барабана свежими пластинками из кассеты. Таким образом, продолжительность фильма практически не лимитируется, ведь кассета может быть сколь угодно большой.

Полюбовавшись на свое творение, я задумался. До сих пор все свои технические новшества я или просто дарил, или менял на что-нибудь, как, например, это произошло со схемой хронометра, до которой англичане и без меня скоро додумались бы. Но тут-то совершенно новая область, причем с фантастическим потенциалом! Один Мосфильм чего стоит, не говоря уж о Голливуде. А патентное дело уже процветает, так что здесь, пожалуй, следует действовать именно в этом направлении. Но не одиночку, а при поддержке святого престола, для чего — хрен с ними, с попами! — предоставить папе и его преемникам равные со мной права в патентообладании. Заодно пусть папские юристы возьмут на себя всю работу по оформлению бумаг, ибо именно на крючкотворстве они наверняка съели собаку, и не одну.

Потом я прикинул, как будет развиваться кинодело в будущем, от чего мое настроение еще улучшилось, хотя и до того было неплохим. Ведь что будет происходить, когда большая часть технических трудностей окажется хоть как-то преодолена?

Разумеется, Ватикан и не подумает выпускать из своих рук монополию на такой мощный рычаг манипулирования массовым сознанием, как кинематограф. И, само собой, станет поддерживать ее всеми доступными ему способами. Но монополия по определению не будет касаться Австралии, и, значит, для поддержания зрительского интереса папским киностудиям придется конкурировать с нашими. А на этом пути святые отцы сами выроют себе яму, куда и вляпаются с хорошего разгона. Ибо сейчас, конечно, папе в мечтах представляются фильмы исключительно высокодуховного содержания, но я-то знаю, каким образом все будет происходить на самом деле. На редкость нетрудно догадаться, как скажутся на авторитете католической церкви афиши, рожденные желанием не упустить своего зрителя в конкуренции с австралийским кинопрокатом. Ибо написано на них будет примерно следующее:

— Не пропустите новейший эротический боевик Святоватиканской киностудии! Неподражаемый преподобный отец Антонио, блестяще сыгравший Чингачука в блокбастере "Любовь последнего могикинина", теперь в роли Казановы! Потрясающие своим реализмом боевые сцены и откровенностью — постельные! Спешите видеть!

И, естественно, картинки, полностью соответствующие рекламному тексту.

## Глава 32

Двадцать четвертого января напротив замка Пало появился еще один корабль, который бросил якорь рядом с австралийской эскадрой. Он представлял собой небольшую тартану, а принадлежал некоему Ицхаку Хамону, столь поднявшемуся на торговле с Ост-

Австралийской компанией, что теперь он владел аж четырьмя кораблями, а не одним, как два года назад. Почтенный купец спустился на берег, нанял в Ладисполи бричку и отправился в Рим, напрямик на площадь святого Петра, к фонтану в виде шишки. Поначалу ему преградили путь папские гвардейцы, но, увидев показанный купцом небольшой желтый прямоугольник с черной полосой, под которой шли надписи "Алекс Романцев" латынью и кириллицей, пропустили. Вторая задержка произошла у подъезда за фонтаном, где стояли четыре рослых солдата неизвестной купцу расы, вооруженные барабанными ружьями. Этим карточки оказалось уже недостаточно, один из них снял висевшую у двери изогнутую трубку на шнуре, что-то туда сказал и приложил к уху. И только после этого купец был пропущен внутрь, где еще один иностранец, но немного не такой на лицо, как стоящие на часах, и значительно уступающий им в росте, проводил Ицхака на второй этаж, к покоям его светлости герцога. Там его ждал радушный прием, ибо почтенный купец явился в Рим по прямому приглашению главы недавно прибывших сюда австралийцев. В числе прочего Ицхаку предстояло за неделю до окончания визита отплыть с целью предупредить визиря о дате встречи на острове Андикитира, а до этого обсудить с герцогом вопросы прямой торговли с Австралией. Не так давно у Хамона появились связи в Египте, на побережье Красного моря, и теперь вопрос был только в том, как быстро он сможет приобрести корабли, способные преодолевать океан. Людей, которые займутся этим хоть и опасным, но весьма прибыльным делом, купец уже начал подбирать, и небезуспешно. Но сейчас он пребывал в некотором смущении, ибо дело потребовало несколько больших расходов, чем предполагалось поначалу, и без кредита было ну никак не обойтись. Однако, хорошо зная своих единоверцев и соотечественников, он решил сначала попробовать обратиться к герцогу — может быть, тот предложит более щадящие условия.

К некоторому удивлению купца, герцог понял его с полуслова. Но, прежде чем разговаривать про займ, довольно долго расспрашивал о предполагаемой организации рейсов, составе команд и плате, которую собирается предложить морякам купец. Затем пригласил Ицхака как-нибудь посетить Ильинск, пообещав, что лично проследит за тем, чтобы уважаемый негодант никоим образом не попал под мораторий, даже если ему и захочется ненадолго заглянуть в сам город, а не отсиживаться в свободной экономической зоне. Пообещал, что ближе к делу выдаст австралийские карты с указанием преобладающих в разные времена года ветров и течений. И только после этого назвал сумму, которую он готов выделить, и процент, под который купец ее получит. Всего два с половиной годовых! А займ будет на четыре года, с оплатой средиземноморскими товарами и транспортными услугами. У Ицхака даже закралось было подозрение — что-то тут не чисто, но потом он припомнил все свои предыдущие дела с австралийцами и успокоился. Эти люди действительно не имели привычки экономить на мелочах.

В самом конце беседы герцог попросил Хамона зайти в третью от его апартаментов дверь по коридору, где квартирует один из виднейших австралийских животноводов, господин Кикиури Канава. С ним надо будет уточнить, какие животные, в каких количествах и за какие деньги нужны Австралии. При этом его светлость Алекс непонятно чему улыбнулся.

В действительности я, конечно, прекрасно понимал, что предлагаю купцу ну очень выгодные условия кредита, он согласился бы и на куда более тяжелые. И дело тут было вовсе не средиземноморских товарах, хотя и они тоже представляли некоторый интерес. Но главное состояло в другом. Я хотел наладить гораздо более удобный, чем сейчас, канал переправки иммигрантов из России. На средиземноморских судах Хамона — в Египет, там около ста километров пешком, затем посадка на океанские корабли и быстрый рейс до Австралии. Быстрый — потому что именно на этой линии будет работать первый построенный для нас голландцами чайный клипер, без особых затей названный "Фермопилами". В ближайшее время морякам, завербованным почтенным Ицхаком, предстоит стажерами совершить рейс из Танжера в Красное море, ну, а там они уже смогут принять корабль в свои руки.

Однако детали предстоящего долговременного сотрудничества мы сможем обсудить чуть позже, а пока почтенному купцу следовало посетить нашего зама министра животноводства. И пусть теперь ему, а не мне Кикиури сношает мозги своими ишаками, коровами и сирийскими хомяками!

Этот энтузиаст животноводства уже успел по моей просьбе разузнать, где именно в Папской области можно найти больных оспой коров, и лично съездил посмотреть на здоровых. Но чем-то они ему не глянулись. Мол, мелковаты, упитанность ниже средней, надои так себе. И это мне говорил человек, в жизни ни одной коровы вообще не видевший! А здешние, итальянские, по сравнению с теми, например, что я видел в деревне начала двадцать первого века, смотрелись не так уж плохо. Хотя, конечно, это не показатель. В общем, пусть Кикиури пытается найти корову, по всем параметрам соответствующую изображенным на его картинках. Если вдруг получится, Австралия от такого только выиграет.

Тем временем в состоянии Карлоса Второго обозначился явный прогресс. Этому немало способствовало то, что я поинтересовался у кардинала Портокарреро, лечили ли короля чем-нибудь, кроме экзорцизмов. В ответ кардинал поведал мне, что бывший духовник Карлоса, Диас, уже три месяца как арестован святейшей инквизицией, и сообщил, что может предоставить мне часть протоколов его допросов. Папа выделил монаха-переводчика, ибо я не мог понять даже того, что там было написано по-испански, а ведь заметная часть вообще состояла из латыни. Оказалось, что этот урод лечил короля каким-то свинцовым уксусом. Потом там и вовсе шли признания в том, что обвиняемый Диас травил его величество мышьяком, но к ним следовало относиться с осторожностью, ибо они были получены уже после применения к подсудимому мер физического воздействия. Однако кое-что в Карлосе, в частности темный налет на деснах и характерный цвет кожи, действительно напоминало картину хронического отравления свинцом, и я включил в перечень лекарств еще и гипосульфит. Вообще-то это просто фотографический закрепитель, но он в числе прочего хорошо помогает при свинцовом отравлении. И мышьяковом, кстати, тоже, если арестованный духовник на себя не наговорил. Короче, чем бы там в Мадриде ни травили короля, в Риме ему стало существенно лучше. Что, понятное дело, сильно способствовало поднятию авторитета австралийской медицины в глазах европейцев. Я даже потихоньку начал подумывать об организации на тех же островах Силли или еще где-нибудь ВИП-клиники, где мы за очень большие деньги начнем возвращать к жизни знатных пациентов. Разумеется, не всех, а только тех, в отношении которых будет достаточно большая уверенность в благополучном исходе лечения — как, например, в случае с испанским королем.

Понятное дело, высокие гости собрались в Риме не только для того, чтобы посмотреть, как будут лечить испанского короля, но и еще раз поговорить о том, кто сядет на его место, когда пациент все-таки умрет. А перед этим уточнить, когда именно он собирается это сделать. Однако в процессе лечения у наиболее впечатлительных возник вопрос — не будет ли оно столь успешным, что у Карлоса появится наследник? И если первая проблема моего участия вроде не требовала, то за ясностью по обоим следующим народ повалил ко мне.

Первым на правах старого знакомого и в какой-то мере приятеля мне учинил допрос Вильгельм. Ему я ответил, что по самым пессимистичным прогнозам король не помрет раньше чем через год, но вообще-то есть надежда еще годика на два-три. Появление же наследника у Карлоса полностью исключено, пока он женат на Марии Анне.

— Что? — переспросил потрясенный английский король, — вы считаете, что дело в ней, а не в Карлосе?

— Разумеется.

Еще бы оно не разумелось, хоть я имел в виду не совсем то, что понял Вильгельм. Это какой же самоотверженностью и готовностью на подвиг ради своей страны надо обладать, чтобы решиться покрыть эту сучку! Я и то не факт, что взялся бы, что уж говорить о бедном Карлосе, который по умственному развитию находился где-то на уровне двенадцатилетнего

ребенка.

— И вы можете это доказать?

— Запросто. Не думаю, что в Риме трудно будет найти здоровую девушку, которая не откажется разок-другой переспать с королем. Но, разумеется, должны быть даны полные гарантии того, что и ее, и будущего ребенка ждет достойная судьба.

Я говорил совершенно уверенно, потому как, во-первых, был убежден, что собравшаяся в Риме европейская верхушка на это никогда не пойдет. А во-вторых, достаточно внимательно читал брошюру про искусственное оплодотворение и поэтому считал, что готов к любым неожиданностям.

Вильгельм задумался. Понятно, в его планы появление никаких прямых наследников, пусть и незаконнорожденных, не входило вовсе, так что он осторожно спросил, считаю ли я обязательным делиться своим диагнозом с остальными высокими гостями папы. Получив отрицательный ответ, он воспрянул духом и поинтересовался моим мнением относительно того, кто же все-таки должен наследовать испанский трон.

— Само собой, Филипп Анжуйский. Но только при условии его публичного отказа от французской короны как за себя, так и за своих прямых потомков.

— Да-да, конечно, — кивнул король, — хоть Леопольд и является союзником Англии, все же придется признать, что у Филиппа прав на испанский престол больше. Разумеется, при том условии, про которое вы только что упомянули.

Говоря это, собеседник сделал настолько огорченное выражение лица, что у меня пропали последние сомнения. Да будь Леопольд хоть десять раз союзником, допускать его до испанского трона все равно нельзя. Ибо он, не заявляя прямо о присоединении Испании к Священной Римской империи, вполне сможет по факту сделать это тихой сапой, после чего приобретет такую силу, что хрен ему что поперек скажешь. Людовик же так действовать не будет и наверняка пойдет на явное нарушение предварительных договоренностей, что даст отличный повод к войне. Которая, во-первых, ослабит Францию, а во-вторых, даст возможность Англии, которая тут вроде вовсе не замешана, под шумок урвать кусочек и себе.

— На что только не пойдешь в извечном стремлении к миру, — вздохнул Вильгельм.

— Совершенно верно! И, значит, настала пора предметно обсудить количество и номенклатуру наших грядущих поставок. С чего начнем — с дирижаблей, штуцеров или пулеметов?

— Если можно, то с морских пушек.

— Ну, самых новых мы вам, разумеется, не продадим, однако и давно стоящие на вооружении вас скорее всего устроят. Значит, их данные таковы...

После Вильгельма со мной выразил желание побеседовать папа, и встреча, естественно, прошла у него. Старый же человек, зачем его зря гонять через всю площадь.

Понтифика тоже интересовало, сколько, по-моему, еще проживет Карлос, но с ним мы говорили в несколько ином ключе.

— Да, лично я считаю, что испанский трон должен наследовать Филипп, — задумчиво сказал Иннокентий, — и уже сообщил это герцогу д'Аркуру. А в ответ получил уверения, что Людовик пообещает мне свято блюсти условия, на которых все остальные европейские государи согласятся с таким наследником. О чем это говорит?

— О том, что на следующий после вашей кончины день у Луи Четырнадцатого случится небольшой провал в памяти, в результате которого обещания будут забыты, и он объявит Испанию еще одной французской провинцией. Что, естественно, немедленно приведет к войне.

— Вот-вот, — вздохнул понтифик, — и я тоже так думаю. Меня даже посещают мысли пойти против своей совести, но сохранить этим мир в Европе, объявив, что святой престол считает законным наследником Леопольда.

— Да, но ведь тогда война начнется даже чуть раньше! Людовик просто заявит, что такое решение противоречит чему-нибудь общепринятому, и начнет боевые действия когда

ему будет удобнее, не дожидаясь вашей кончины. Так что я вас прошу — объявляйте, как и собирались, наследником Филиппа, а после этого проживите хотя бы года четыре. Я, со своей стороны, готов оказать вам всемерную помощь.

Французский представитель не опустил до обсуждения со мной возможной кандидатуры нового испанского короля. Он как о давно решенном вопросе сказал, что трон наследует его высочество Филипп, герцог Анжуйский, каковое наследование полностью согласуется с законами и божескими, и человеческими. Вряд ли в Европе найдется хоть сколько-нибудь авторитетный государственный муж, способный это отрицать, в силу чего его величество Людовик Четырнадцатый поручил ему согласовать со мной поставки австралийской техники. И первое, что интересует Францию — возможна ли продажа одних турбин, без дирижаблей? Если да, то сколько они будут стоить. Далее, до Парижа дошли слухи о новом скорострельном оружии, которое англичане называют "мэшин-ган", а австралийцы "пулемет". На каких условиях можно приобрести несколько штук для ознакомления? Наконец, Франция крайне заинтересована в поставках австралийской селитры и не постоит за ценой.

Ага, подумал я, вон как заговорил Людовик, когда его академики все-таки склеили ему десятиметровый монгольфьер и запустили в небо не то курицу, не то петуха. Собираетесь сами строить дирижабли? Похвальное желание, мы все равно не осилим больше трех штук в год, а турбин за это время можем наделать если не десятков, то уж восемь точно. В общем, флаг вам в руки, барабан на шею и паровоз навстречу, а турбина обойдется ровно в половину цены дирижабля, причем в комплект будет входить воздушный винт, водяной насос и спиртовая горелка, производство которых Франции пока не по силам. Заправочное оборудование вы в принципе можете делать сами, добавил я, нет там ничего сложного. Но, естественно, малейшая небрежность в этом важнейшем вопросе может привести к трагическим последствиям.

Герцог аккуратно записал все сказанное мной и сказал, что передаст услышанное его величеству. О решении короля, как и раньше, будет поставлено в известность наше посольство в Лондоне.

Под конец француз осведомился, нет ли у меня сведений о кораблях, везущих дирижабли, и я сказал, что две недели назад они миновали Капстад, то есть месяца через два их уже можно будет ждать у островов Силли.

Последним ко мне явился испанский кардинал. В отличие от предыдущих визитеров, он очень дотошно расспрашивал меня о здоровье Карлоса, делая основной упор на том, можно как-то хоть ненамного увеличить срок пребывания пациента на этом свете. Лет хотя бы до трех, озвучил он свои потаенные мечты.

— Карлос вполне может прожить и дольше, но вот возвращаться в Мадрид я бы ему не советовал, — был мой ответ его преосвященству. — А вообще, конечно, очень приятно видеть в подданных столь трогательную заботу о здоровье своего монарха.

— Да, — кивнул кардинал, — ведь пока он жив, продолжаются последние спокойные годы для Испании. Никто не может точно сказать, что именно будет потом, но наверняка ничего хорошего.

— Простите, — решил повысить свой образовательный уровень я, — а что мешает Карлосу проявить государственную мудрость и объявить о смене династии? То есть отречься от престола, вручив бразды правления какому-нибудь достойному человеку, настоящему христианину и патриоту Испании? Вам, например. Да, это может противоречить какими-то общепринятым нормам, но вы ведь понимаете, что Испания сейчас находится на переломном моменте своей истории, а в чрезвычайных обстоятельствах действенны только чрезвычайные меры. Более того, мне почему-то кажется, что при определенных условиях возможна поддержка подобных начинаний его святейшеством.

В ответ кардинал чуть ли не полчаса объяснял мне, почему предложенное мной невозможно, но я его почти не слушал. Ведь видно было, что до этого момента ничего подобного просто не приходило ему в голову! А, значит, на Испании можно окончательно



ставить крест и более эту страну в качестве субъекта европейской политики не учитывать.

## Глава 33

В конце февраля я решил, что первую часть визита в Рим пора закруглять, и отправил Хамона с вестью об этом. Он уехал наутро после грандиозного салюта, который мы устроили в честь большого праздника — дня Австралийской Армии, а также ее Военно-морского и Военно-воздушного флотов. Понятно, что праздник пришелся на двадцать третье февраля. После чего последовали неспешные сборы, и второго марта наша эскадра вышла в море. Мы еще заглянем в Рим на обратном пути, обещал я, а пока наш путь лежал к острову Андикитира.

Он возник на горизонте утром пятого числа, а к обеду мы зашли в бухту, где в древности стоял город Потамос, в двадцать первом веке располагался поселок с тем же названием, а сейчас не было ничего, даже хоть сколько-нибудь заметных развалин. Правда, в бухте уже торчали две небольшие галеры и фелюка почтенного Ицхака, а на холме метрах в трехстах от берега происходила какая-то вялая возня.

Вскоре я узнал, что визиря еще нет, но на днях он будет, это ему ставят шатер на холме. Решив не отставать, я велел доставить на берег большую кемпинговую палатку "Редфокс". По количеству позолоты она, конечно, сильно уступала возводимому метрах в трехстах шатру визиря, но зато выгодно отличалась куда более сложной архитектурой с кухней и прихожей, большими окнами из прозрачной пленки с шелковыми занавесками и ярко-оранжевым "полярным" цветом. Причем ее установка затянулась аж на полдня. Кажется, люди визиря не заметили, что на том месте, где к вечеру встал наш "Редфокс", изначально вообще-то была довольно большая яма. Правда, теперь, строго говоря, ее уже не имелось, потому как мы аккуратно уложили там восемь стокилограммовых ящиков с аммотолом. Поверх настелили поролоновых ковриков, после чего и поставили собственно палатку. У меня была мысль внести некоторое оживление в грядущие переговоры, и проделанное являлось первым этапом подготовки к ее реализации.

Визирь явился через три дня, и вскоре мы встретились как раз посередине между шатром и палаткой. Звали высокую особу Амджазаде Хусейн-паша Кёпрелю, и от нее так несло парфюмерией, что мне сразу захотелось поздравить визиря с восьмым марта, несмотря на черную окладистую бороду. Впрочем, хорошо хоть он козлом не воняет, думал я, вполуха слушая длинную вступительную речь состоящего при визире переводчика. Туркам уже сказали, что австралийский язык очень похож на русский, так что поначалу переводчик шпарил, используя еще допетровскую лексику, как-то примерно так:

— Мы вельми озабочены, княже, поползновениями худых московитов...

Но парень оказался очень способный и где-то дня через четыре вел речи уже на чистейшем австралийском:

— Не-е, нас подобные перспективы не вдохновляют. Крымский хан — вассал Османской империи, однозначно! А будут ногайцы с кем-нибудь воевать или утрутся, нам монопенисуально.

Но это было сильно потом, а пока мы договорились только о первой встрече, которая пройдет в моей палатке.

Как и предполагалось, поначалу визирь выдвинул совершенно неприемлемые условия. Мол, пусть царь Петр отдаст Азов, разрушит Таганрог, тогда можно будет и поговорить о свободном плавании австралийских кораблей по проливам. Естественно, всякий раз получая на это разрешение от султанской канцелярии. Что касается Суэцкого канала, то для первичного рассмотрения вопроса о том, на каких условиях Османская империя разрешит нам его строить, хватит пятидесяти пудов золота.

Я вяло, без всякого энтузиазма пытался спорить с визирем, но на третий день решил, что пора переходить к задуманному шоу, для чего перевел разговор на возможности австралийской корабельной артиллерии.

— Не надо рассказывать уже известные великому визирю вещи, — перебил меня переводчик. — Он знает, что ваши пушки могут прицельно стрелять на расстояние, равное английской морской миле, а ракеты летят вдвое дальше, но никуда не могут попасть. Стреляя по нашей эскадре, вы промахнулись на два кабельтова! Два года назад здесь были два ваших корабля. Сегодня — три. Пройдет двести лет, пока вы сможете выставить эскадру, сопоставимую по численности с султанским флотом!

— Мы поражены вашими глубочайшими знаниями в области арифметики и польщены тем, что достопочтимый Хусейн-паша столь внимательно изучил тактико-технические характеристики наших вооружений, — хмыкнул я. — Но, к сожалению, его сведения страдают некоторой неполнотой. На одном из наших кораблей есть орудия, стреляющие на три мили, а ракеты летят на десять австралийских километров, это примерно пять с половиной миль. При этом они гарантированно попадают не то что в корабль, а любую заранее выбранную часть его — то есть на выбор в середину, нос или корму.

— Поверить в такое возможно, лишь увидев собственными глазами, — без малейших признаков доверия на лице сообщил мне визирь.

— Да хоть сейчас! Во что стрелять будем?

— Этот шатер как раз по размерам составляет примерно треть корабля. Вы будете утверждать, что попадете в него с пяти миль?

— Во-первых, с пяти с половиной, а во-вторых, первым же выстрелом. Вот только...

Я с сомнением огляделся.

— Больно уж он большой. Вы бы мне еще в остров предложили попасть! Да и неудобно как-то, мы все же гости, и вдруг начнем портить хозяйское имущество. Это не годится, высочайшая культура есть неотъемлемый признак любого настоящего австралийца. Поэтому давайте я лучше стрельну в свою палатку? Она существенно меньше, и совесть за ее уничтожение мучить не будет.

Визиря устроил предложенный вариант. Более того, он согласился подняться на борт "Чайки", чтобы наблюдать за выстрелом с места его совершения. Что было очень кстати, потому как зону разрушений от взрыва восьмисот килограмм аммотола я себе представлял чисто теоретически. Во время войны мне довелось с близкого расстояния видеть разрывы самое большое полутонных бомб, а в Австралии на разработках угольных карьеров взрывали максимум по сто кило за раз. Мало ли, вдруг султан обидится, если его визиря случайно покалечит взрывной волной.

Пока наши корабли отходили на оговоренное расстояние, поперек палубы "Чайки" была развернута пусковая установка для крылатой ракеты. Никаким другим образом ориентировать ее было невозможно, струя пламени должна идти за борт, иначе она сожжет все на палубе.

— Как вы собираетесь попасть в свой шатер, его же почти не видно? — поинтересовался визирь, присматриваясь к лежащему примерно на полпути до горизонта острову.

И ни фиги же себе "почти", подумал я. Мне, например, палатку вообще не видно! Ну и зрение у человека, прямо не визирь, а какой-то горный орел. Но это к лучшему, он сможет хорошо разглядеть результат.

Но все же Хуссейн-паше был вручен восьмикратный бинокль. Он тем временем продолжал демонстрировать свою техническую грамотность:

— Вы случаем не ошиблись? Остров почти точно на юге, а ваша ракета смотрит носом на запад!

— Не переживайте, она управляемая, — успокоил я высокого гостя и отправился в застекленную кабинку на баке, где был организован пульт для оператора.

Честно признаюсь, я немного волновался, ведь до этого мы запускали подобные ракеты всего два раза, и на одном запуске в конце полета картинка с телекамеры пропала. Разумеется, в палатке на крайний случай имелся и радиовзрыватель, но это, как говорил великий австралийский шахматист Остап Бендер, будет уже низкий класс и нечистая работа.

За моей спиной раздалось шипение, быстро перешедшее сначала в свист, а потом в скрежещущий вой. На стеклах кабинки блеснули отблески огня, и я приник к монитору. Джойстик от себя, первым делом надо выровнять ракетоплан по горизонту. Ведь он представлял собой просто четырехметровую ракету с маленькими крылышками и стреловидным самолетным хвостом. По мере выгорания топлива центровка этого устройства менялась. В момент старта она была задней. Ближе к первой трети полета становилась нормальной, потом немного смещалась вперед, а в самом конце полета — снова назад. На борту имелся автомат, управляющий триммерами рулей высоты для компенсации этих изменений, но работал он довольно грубо, оператору приходилось постоянно "ловить горизонт".

Вот я увидел его на экране, стабилизировал, потом двинул джойстик влево, и вскоре в поле зрения показался быстро растущий в размерах остров. Палатки еще не видно, но я хорошо помнил очертания бухты и сориентировал ракету так, чтобы крестик в центре экрана смотрел на то место, где должно стоять мое временное жилище с сюрпризом в подвале. Вот почти в перекрестье появилась оранжевая точка, берем еще чуть левее и ниже...

Примерно за полсекунды до финиша по экрану пошли помехи, но это было уже неважно.

Я вышел из кабинки. Первый момент взрыва уже прошел, и теперь на острове клубилось закрывшее всю бухту пыльное облако. Стоящая ближе всех к месту событий галера вдруг закачалась, и в бинокль было видно, что по палубе забежали люди. Неужели достало, от них до эпицентра не меньше полукилометра? Но вскоре я понял, что их раскачивает волна, нечто вроде цунами от случившегося у самого берега взрыва. Интересно, что стало с шатром визиря? Пока разглядеть ничего не удавалось.

И тут до наших кораблей дошли первые раскаты тяжелого грохота.

Я перевел взгляд на владельца шатра. Сажем прямо, его вид был весьма далек от олимпийского спокойствия. Хусейн-паша только что оторвался от бинокля и теперь растерянно озирался, пытаясь переварить увиденное. Наконец он быстро заговорил что-то своему переводчику, и тот обратился ко мне:

— Великий визирь спрашивает, как такое может быть? Ведь эта ракета сначала полетела куда-то вверх и совсем в другую сторону, а потом сама собой повернула на остров. И, пока летела, несколько раз чуть доворачивала, прицеливаясь поточнее. Неужели там сидел какой-то маленький человечек, который управлял ей?

Я открыл было рот для объяснения, но вдруг обнаружил, что не помню, вдоль какой оси следует пилить чертов снежный алмаз для получения связанных между собой половинок. Или все-таки пилить надо поперек? А тетрадка осталась в каюте. Под каким бы предлогом туда спуститься?

Но визирь не дал мне совершить фатальную ошибку. На его лице проступило сначала понимание, потом отчаяние. Хусейн-паша заорал так, что на его вопль обернулись матросы с "Кадиллака", и вдруг мощным рывком выдрал из своей бороды клочок волос. Он что, вообразил себя стариком Хоттабычем? Так как переводчик молчал, я попросил стоящего рядом Ицхака временно заменить его.

— О аллах, — забубнил почтенный купец, — за что ты лишил разума своего верного слугу... сам, своими руками... разрешил продать восемьсот этих тварей... о аллах, что же могут наделать восемьсот ракет...

Тут Хамон осекся и начал стремительно бледнеть. Да что же, черт вас побери, происходит, чуть не рывкнул я, но купец меня опередил:

— Ваша светлость, вы должны были сказать, зачем вам понадобились хомяки!

Еще не поняв всего глубинного смысла, заключенного в услышанной фразе, я резко обернулся.

— Это когда я успел кому-то что-то задолжать? Думайте, что говорите, почтеннейший, иначе...

Но тут до меня наконец дошло. Охренеть, до чего же у здешних визирей богатая

фантазия, мне бы до такого ни в жизнь не додуматься. Ну и ладно, хомяки так хомяки, хорошо хоть за тетрадкой идти не потребовалось.

— Не надо так огорчаться, уважаемый, — обратился я к визирю, — ну сами подумайте, когда бы мы успели научить только что купленного хомяка управлять ракетой? Это не так просто, уверяю вас. До сих пор мы имели дело с австралийскими сумчатыми крысами, но их мало, вот и решили попробовать найти замену.

— П-почему крысы сумчатые? — растерянно вякнул переводчик.

— Потому что на охоту ходят с сумками, — отмахнулся я. — Да вы переводите, переводите, ваш начальник уже чуть ли не минуту что-то говорит!

Однако мое напоминание запоздало. Визирь замолк и с совершенно явной агрессией на физиономии двинулся к замершему столбом Ицхаку. Я быстро встал между ними и уперся взглядом в лоб Хусейн-паше. Ну, чего же ты спотыкаешься, делай следующий шаг!

Однако визирь как-то удивительно быстро понял, что это чревато потерей чего-нибудь ценного. Если не жизни, то уж сознания наверняка, а заодно и передних зубов.

— Где ты там? — обернулся я к переводчику. — Немедленно спрашивай координаты дворца визиря! Или сам говори, если знаешь его месторасположение.

— А... а з-зачем вам? — проблеял знаток австралийского языка.

— Имела место попытка нападения на лицо, находящееся под защитой Австралийской империи.

Я потыкал пальцем за спину, где трясся почтенный купец, и продолжил:

— По имперским законам жилище совершившего ее подлежит немедленному уничтожению. Не хотите говорить — не надо, на кораблях нашей эскадры сто четыре ракеты, думаю, для Стамбула будет более чем достаточно.

Разумеется, я не врал, это даже как-то неприлично герцогу и первому министру. Правда, забыл упомянуть, что аналогичных только что выпущенной всего четыре, а остальные в десять раз меньше и неуправляемые.

— Однако...

Взяв бинокль, я снова направил его на остров. Пыль уже чуть улеглась, и можно было заметить полнейшее отсутствие на вершине холма шатра визиря.

— Учитывая, что попытка была произведена в состоянии аффекта, и принимая во внимание уже свершившееся разрушение шатра уважаемого Хусейн-паши, который тоже можно считать жилищем, признаем, что буква закона соблюдена. Но! Если с головы почтенного Хамона упадет хоть один волос, пеняйте на себя! Камня на камне от Стамбула не оставлю, австралийцы слов на ветер не бросают.

Купец шумно вздохнул и вытер платком взмокшую лысину.

Визирь перевел дух и снова что-то заговорил.

— Мой господин почтительно спрашивает, зачем вашей светлости понадобились еще и ишаки, — вылез чуть вперед переводчик.

— Ну не для пилотирования ракет же! У ишаков, если вы в курсе, на конечностях нет пальцев, так что они не годятся для столь тонкой задачи. Нет, это просто очень симпатичные животные, на которых мы будем катать ребятишек. Совсем маленьких, тех, для которых лошадь или тем более слон слишком велики. Однако тут есть и еще одна тонкость. Не помню, какой именно великий полководец древности сказал, что в мире нет крепостей, которые не сможет взять груженный золотом ишак. Надеюсь, теперь вы понимаете, на какой основе нам следует продолжать переговоры? И кстати, где мы это будем делать? Предлагаю — на борту "Чайки". А для большей результативности можно перенести их километров на семьсот северо-восточнее. Как вы уже заметили, нашим кораблям даже не придется входить в бухту Золотой Рог.

Хусейн-паша тем временем полностью оправился от потрясения и подтвердил, что борт "Чайки" как место переговоров его вполне устраивает, но он не видит, зачем господам австралийцам так беспокоиться, все вопросы прекрасно можно решить и у острова Андикитира.

Судя по его виду, перед мысленным взором визиря стояли две картины. С одной стороны — симпатичное животное ишак, да к тому же груженое золотом. Насколько полно — это зависит уже от него, Амджазаде Хусейн-паши Кёпрелю. С другой — сотни смертоносных крылатых ракет, ведомых суровыми и безжалостными сирийскими хомяками.

## Глава 34

После показа достижений ракетостроения австралийско-турецкие переговоры свернули в конструктивное русло. То, что мы имеем право когда нам вздумается плавать по любому из проливов, визирь признал быстро. Однако, когда я потребовал того же самого для судов, сопровождающих австралийские корабли, он уперся. Правильно, ведь нетрудно догадаться, что в случае принятия этого положения лодка с желто-черным флагом сможет провести за собой хоть весь российский флот! Турок это категорически не устраивало. Наконец удалось договориться о том, что подобный порядок будет работать только в Керченском проливе, Босфор же с Дарданеллами русские корабли будут преодолевать на общих основаниях, то есть по фирману султана. Но в порядке компенсации я потребовал, чтобы в Керчи, кроме турецкого гарнизона, квартировал еще и австралийский, численностью до двух полков. То есть если Петр захочет держать пролив под более плотным контролем, ему придется передать под наше управление соответствующее количество солдат. Мы, разумеется, свои подразделения отправлять еще и в Керчь не собирались. Насчет же Суэцкого канала визирь пока ничего не обещал, тут ему надо было предварительно поговорить с султаном. Ну, а Ицхаку была выдана мощная бумага за подписью самого Хусейн-паши, что купец Хамон — лицо неприкосновенное. И еще одна, от меня, где я обещал, что с обидчиками почтенного купца австралийцы будут разбираться по законам своей империи, и мало не покажется никому.

Потом визирь поинтересовался, находятся ли теперь сирийские хомяки под защитой Австралийской империи, и аж просветлел лицом, услышав отрицательный ответ. Меня, правда, так и подмывало сказать "да", но я решил не перегибать палку. Скорее всего, этих пушистиков ждет незавидная судьба, но пусть лучше турки воюют с ними, чем с русскими.

Далее визирь поинтересовался, возможны ли закупки Османской империей австралийских вооружений, и был немало удивлен, сразу услышав положительный ответ. А чего, спрашивается, в этом странного, если они все равно смогут получить желаемое через тех же французов, только с переплатой? Нет уж, пусть лучше гонят монету нам. Тем более что все равно потребуются еще и специалисты по обслуживанию, инструкторы... возможно, туркам не понравится, что это будут подданные царя Петра, но наше-то какое дело?

Напоследок мы договорились, что официальная встреча с султаном состоится, когда эскадра двинется в обратный путь, то есть месяца через два-три. А потом довольно быстро согласовали протокол этой встречи. Правда, тут не обошлось без споров. У турок в то время были довольно своеобразные представления о дипломатическом этикете, так что я заранее составил нечто вроде прейскуранта. Зачем, например, так прямо сразу отказываться целовать султанскую туфлю? Достаточно назначить за этот акт уважения такую цену, чтобы султан сам скорее удавился от жадности, чем позволил бы мне прикоснуться к своей обуви. И споры возникли оттого, что я, кажется, несколько перестарался. Так, из протокола встречи визирем были решительно вымараны земные поклоны. Потом он, почмокав губами и что-то подсчитав на листке бумаги, из трех поясных поклонов оставил только один. После чего поведал, что выходить от султана можно только спиной вперед, но больно уж это дорого! Нельзя ли данное действие как-нибудь уценить? Мы обдумали варианты и пришли к выводу, что я выйду боком, но повернув лицо в сторону султанского величества, каковые телодвижения обойдутся всего в треть первоначальной цены.

В общем, по результатам переговоров и после всех взаимовычетов визирь получил небольшой рубин весом около восемнадцати грамм, и за нами будет еще пять кило золота, которые мы вручим после встречи с султаном. По Суэцкому же каналу плата пойдет

отдельно и будет зависеть от степени принятия турецкой стороной наших предложений.

Кстати, небольшим этот рубин был только по австралийским меркам, а Хусейн-паша, взяв его в руки, минут пять сидел с выпученными глазами, пока не перевел дыхание.

В конце марта мы покинули остов Андикитира и, быстро оставив за кормой галеры визиря, взяли курс на северо-восток. Хусейн-паша заверил нас, что никаких недоразумений в проливах не будет, потому как он уже отправил курьеров. Но нам оно было не очень интересно, потому как спешить было абсолютно некуда и я, например, не очень протестовал бы против небольшой задержки.

Наш путь лежал в Азовское море, а оно зимой имеет обыкновение замерзать. Правда, не каждой зимой и не целиком, но из Таганрога уже пришла радиограмма, что пока ледовая обстановка остается сложной. А наши корабли, при всех их достоинствах, не имели ничего общего с ледоколами. Из этих соображений я взял у визиря письмо к керченскому коменданту, где ему предписывалось оказывать дорогим гостям всяческое уважение. Если льды не рассосутся к нашему подходу, придется немножко задержаться в Керчи, заодно снимем план крепости. А может, и повезет заложить фугас-другой, в расчете на всякие неожиданности в будущем, ведь радиовзрыватель может стоять в дежурном режиме годами, если не десятилетиями, подзаряжая аккумуляторы от термоэлементов.

В Керчи мы задержались на неделю. Я тщательно облазил всю крепость и остался в некотором недоумении — создавалось полное впечатление, что она предназначена для обороны от нападения с суши, а вовсе не для блокирования пролива. Состояла она из двух частей — маленькой на самом мысу и большой на полуострове. Между ними имелась внутренняя стена со рвом, через который можно было перебраться только сквозь единственную на этой стене башню. Обрушить ее — и крепость распадется на две половины, причем меньшая, та, что с трех сторон окружена морем, не имеет ни серьезной артиллерии, ни даже позиций для нее. Я, честно говоря, не очень понимал Петра. Подумаешь, турецкая крепость. Но ведь плавать через пролив она все равно не мешает!

В общем, мне было банально жалко тратить на это сооружение взрывчатку, а тем более радиовзрыватели. Хотя местный гарнизон нес службу так, что при желании тут можно было заминировать вообще все подряд, и ни одна собака не почесалась бы. Но, как я уже говорил, зачем? Неплохая крепостишка, сойдет как памятник средневековой архитектуры. Аттракционов сюда каких-нибудь навезти и приманивать туристов, все толк будет. А взять ее можно хоть с моря, подогнав плавучие батареи и разрушив стены малой крепости, хоть с суши, высадив десант и отрезав от подкреплений из Кефе, то есть Феодосии. Но с этим пусть разбирается Петр, и желательно без особой спешки.

Керченский комендант, сухонький дедок по имени Муртаза-паша, дал в нашу честь парадный обед, где, кажется, решил накормить нас сладостями до полного слипания задниц, чтобы хоть так воздействовать на эскадру, раз уж пушками не получается. Выглядел точно как и в прошлый наш визит, то есть создавалось впечатление, что он должен был помереть где-то полчаса назад, но ему вдруг помешали.

Отодвинув блюдо с очередной разновидностью халвы, я в отместку рассказал Муртазе, что одна из невольниц, коих он подарил нам в прошлый визит, оказалась польской графиней, причем весьма знатного рода, которая, чуть освоившись в Австралии, вышла замуж за ее императора. И теперь, значит, время от времени рассказывает его величеству интереснейшие вещи. Тут я многозначительно замолк, потому как даже отдаленно не представлял, чего такого могла рассказать про Муртазу девушка, произведенная нами с Элли в графини Полонские. Но у паши то ли фантазия оказалась куда богаче моей, то ли, что более вероятно, за ним водились немалые грешки, только новость произвела на него сильное впечатление. Мне даже показалось, что сейчас старик наконец-таки помрет, но вместо этого он улучил момент и попытался всучить какой-то средних размеров зеленый камень в золотой оправе. Я, конечно, тут же возмущился гнусными подозрениями о том, что способен взять такую мелочь, и пригласил Муртазу ближе к концу нашего визита посетить борт "Чайки". Где ему сначала покажут, как выглядят настоящие драгоценные камни, чтобы он в дальнейшем не

позорился сам и не оскорблял порядочных людей предложениями не пойми чего. А потом объяснят, чем паша сможет улучшить сложившееся у императора не самое комплиментарное мнение о своей особе, ибо оставлять его без изменений весьма чревато.

А вскоре одна за одной посыпались радиogramмы с новостями. Сначала вышел на связь Таганрог и сообщил, что для нас разведан сравнительно безопасный путь по Азову. Плыть следовало хитрым зигзагом — сперва вдоль берега почти до Федотовой косы, потом под острым углом повернуть на северо-запад и выйти к тем местам, где через сто с небольшим лет появится город Бердянск, после чего двигаться вдоль противоположного берега к Таганрогу.

Потом пришла радиogramма из Донецка. Там говорилось о приезде царя Петра с большой свитой, в числе которой имелся даже театр, созданный попечением его сестры Натальи. Сама она тоже присутствует, и вся эта орава направляется в Таганрог, где в честь нашего прибытия, а заодно и недавнего наступления нового века будет устроен грандиозный праздник. Кроме того, Петр по секрету проговорился, что в ознаменование больших успехов, достигнутых Ост-Австралийской компанией, он собирается наградить меня орденом. Правда, каким именно, не сказал.

А чего тут говорить-то, подумал я, пока в России есть единственный орден — Андрея Первозванного. Если мои разведчики не напутали, мне достанется с номером два, первый был год назад вручен Федору Головину. Или Петр придумал еще какой-то, список кавалеров которого начнется с меня? Очень, очень интересно.

А насчет нового века...

Перед отправкой в прошлое я прочитал не то чтобы роман, а скорее историческое исследование Дюма под названием "Жизнь Людовика Четырнадцатого". И начиналось оно словами:

"В мировой истории известно четыре великих века: век Перикла, век Августа, век Льва X и век Луи XIV".

Дальше чуть ли полстраницы перечислялись великие имена названных веков. Прочитав список, я минут пять мучительно соображал — кто все эти люди? Ну, Август — это император, который, обуреваемый завистью к Цезарю, тоже назвал в честь себя месяц и отчекрыжил день от февраля, чтобы его месяц оказался не короче июля. Имя Перикл я слышал, но по какому поводу — уже не помню. Хотя, скорее всего, это был Патрокл. Про Львов, не важно, с какими они были номерами, в первый раз прочитал только тут. Станный, однако, выбор великих веков был у Дюма-отца.

Екатерина Вторая в своих письмах к Вольтеру называла восемнадцатый век "веком железа", а потом не то Герцен, не то кто-то вроде него попытался обозвать девятнадцатый веком пара. Сейчас же, кажется, нашими стараниями эти определения можно объединять.

От мыслей про века меня отвлек радист, сообщивший, что есть связь с Ильинском. Я спустился в радиорубку, надел наушники и услышал сразу две замечательных новости.

Первая заключалась в том, что Элли родила мне сына, уже нареченного Эдуардом. Великолепно, а то меня последнее время обуревала зависть к Илье, для подсчета сыновей которого загигать пальцы было бесполезно, все равно не хватит, даже если задействовать ноги. Я тут же отбил длинное поздравление герцогине.

Вторая новость касалась нашей империи. В марте семисотого года ее население, пусть и с детьми всех возрастов, перевалило за десяти тысячную отметку! Это было нечто. Пятизначное число уже не вызывает ассоциаций с деревней, а вполне достойно государства. В той же Германии и сто лет спустя это будет нормальной численностью для большинства ее княжеств и королевств.

Так что Австралийская империя уверенно вступала в век железа и пара.

## Эпилог

Виконт Александр де Тасьен с отвращением посмотрел на свои заметно трясущиеся

руки — такого не бывало даже с самого жестокого похмеля! — и решительным движением достал фляжку из-за отворота камзола. За нее уже предлагали тысячу ливров, и это наверняка не предел, но Александр никому не собирался продавать подарок австралийского герцога. Подумать только, фляга из алюминия! Во всей Европе есть только три креста из этого металла, причем один из них у папы, и не то три, не то четыре сторублевых монеты. А фляга вообще единственная.

Свинтив крышку, виконт сделал хороший глоток небесного горючего, задержал дыхание, потом шумно выдохнул и по австралийскому обычаю занюхал первую дозу рукавом. Разумеется, он не собирался ограничиться одним глотком, но спешить пока некуда. Сегодня он, небогатый беарнский дворянин, первым из европейцев поднялся в воздух! И, как честно признавался самому себе только что состоявшийся воздухоплаватель, до сих пор не мог прийти в себя. Однако это дело поправимое, но перед вторым глотком лучше заранее приготовить что-нибудь на закуску.

Александр имел все основания гордиться собой. Да, он слегка испугался. Но кто бы на его месте смог сохранить самообладание? Однако первый испуг не помешал ему не только внимательно слушать объяснения инструктора, но и с интересом оглядываться вокруг. Теперь в голове у виконта уже потихоньку оформлялась идея небольшой модернизации, которой обязательно нужно будет подвергнуть дирижабль "Франция".

Прямо за спиной пилота там находился спиртовой бак. И виконт де Тасьен считал, что австралийцы совершенно зря не догадались привернуть к нему маленький краник.

Капитан Френсис Линсей, в полном соответствии с приказом короля уже практически забывший, что когда-то его звали Людвиг Ван Бателаан, в волнении смотрел на приближающиеся меловые скалы Дувра. Его фантастическая экспедиция, продолжавшаяся без малого три года, наконец-то успешно закончилась. И пусть теперь австралийцы разбираются с неожиданно возникшим у них под носом королевством, которому Англия наверняка окажет дружескую помощь! Ведь никто не сможет ничего сказать, ибо аборигены жили на Тасмании как минимум сотни, если не тысячи лет, то есть появились там задолго до того, как к берегам этого далекого острова пристал первый австралийский корабль.

Как там Алиса, ведь скоро он ее увидит? Разумеется, она, как и обещала, дождалась Френсиса, иначе просто не может быть. Конечно, сразу после доклада королю будет свадьба, причем по прямому благословению его величества.

Мишка Окунь с трудом переставлял ноги по раскисшей весенней грязи воронежского тракта. Если бы он шел один, так и ничего, он сильный, несмотря на то, что ему всего пятнадцатый годок. Но Мишка нес на руках трехлетнюю Варю, дочку дядьки Осипа Нагоева. Его казнили вместе с отцом Мишки, а дядькину жену с тремя детьми отправили, как и Окуня, куда-то в азовские степи — наверное, на погибель. Но до них еще поди дойди! Старший нагоевский сын, Андрюха, уже умер в дороге. Тетка Наталья еле идет, наверное, тоже не жилица.

Говорили, что азовские степи — это еще не конец, а дальше ссыльных отдадут каким-то нехристям-австралийцам, которые всех сгноят на каторге за морем-океаном. Ха, да это еще когда будет! Тем более что Степка Косой шепнул — все брешут попы, австралийцы к людям относятся человечно, и вера у них христианская, хоть и не совсем такая, как у нас.

Эх, в Москве все равно нам, детям стрельцов, не жить, а тут еще неизвестно, что приключится. Но каковы бы ни были эти неведомые австралийцы, хуже царя Петра они все равно не будут, мрачно думал Мишка. И, значит, ему есть на что надеяться.